
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2019. Том 17, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

<i>Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И.</i> О задачном подходе в искусственном интеллекте	5
<i>Карпович В. Н.</i> Истина и обоснование для дедуктивных систем: базовые постулаты и аналитичность	26
<i>Диев В. С.</i> Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте	41
<i>Шевченко А. А.</i> Рациональность и виды нормативных оснований	53
<i>Головкин Н. В.</i> Дж. Лэдимен и Э. Лоу: паттерны, сущность и установление истины	63
<i>Хлебалин А. В.</i> Дефляционная теория истины и инструменталистская концепция математики	78
<i>Сторожук А. Ю.</i> Философские основания моделирования квантовых компьютеров	85

Социальная философия

<i>Самсонов В. В.</i> «Кризис» в социальных, экономических и политических науках: к попытке осмысления понятия	93
<i>Елизарова Л. В.</i> Человек и общество: основные контуры защиты от рисков	106
<i>Мадюкова С. А.</i> Роль этнокультуры в социальном регулировании региональных экономик	113
<i>Ерохина Е. А.</i> Как сконструировать нацию: этносоциальный менеджмент и академическая наука в проблемном поле государственной национальной политики	124
<i>Костикова Ю. В.</i> Социально-философский феномен молодежной субкультуры диггеров	135
<i>Тарбастаева И. С.</i> Социальный институт буддизма в современной России: Бурятия, Калмыкия и Тува	144

История философии

<i>Афонасин Е. В.</i> Проэпий поэмы Парменида	157
<i>Вольф М. Н.</i> Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности?	170
<i>Горан В. П.</i> Был ли исходный скептицизм Р. Декарта всего лишь пропедевтическим?	184
<i>Шевцов А. В.</i> Заметки о философии Георга Лукача (по статье о Генрихе Гейне)	196

Научная жизнь, полемика и дискуссии

<i>Петров В. В.</i> Сибирская философия: реальное настоящее и желаемое будущее	208
<i>Головко Н. В.</i> Невосприятие альтернативы и еще один аргумент в пользу инструментализма (Рец. на кн.: Stanford K. Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. Oxford University Press, 2006)	214
Информация для авторов	221

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2019. Vol. 17, no. 4

CONTENTS

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

<i>Vityaev E. E., Goncharov S. S., Sviridenko D. I.</i> On the Task Approach in Artificial Intelligence	5
<i>Karpovich V. N.</i> Truth and Justification for Deductive Systems: On the Primary Postulates and Analyticity of Justification	26
<i>Diev V. S.</i> Uncertainty, Risk and Decision-Making in an Interdisciplinary Context.	41
<i>Shevchenko A. A.</i> Rationality and Kinds of Normative Grounds	53
<i>Golovko N. V.</i> J. Ladyman and E. J. Lowe: Patterns, Essence, and Truthmaking	63
<i>Khlebalin A. V.</i> Deflationary Truth Theory and Instrumentalist Conception of Mathematics	78
<i>Storozhuk A. Yu.</i> The Philosophical Foundations of Quantum Computer Modeling	85

Social Philosophy

<i>Samsonov V. V.</i> "Crisis" in Social, Economic and Political Sciences: An Attempt to Understand the Concept	93
<i>Elizarova L. V.</i> The Person and Society: The Basic Protection Frameworks from Risks	106
<i>Madyukova S. A.</i> The Role of Ethnic Culture in Social Regulation of Regional Economies	113
<i>Erokhina E. A.</i> How to Build a Nation: Ethnosocial Management and Academic Science in a Problem Field of State National Policy	124
<i>Kostikova Yu. V.</i> A Socio-Philosophical Phenomenon of the Youth Subculture of Diggers	135
<i>Tarbastaeva I. S.</i> Modern Models of Buddhism as a Social Institution in Buryatia, Kalmykia and Tuva	144

History of Philosophy

<i>Afonasin E. V.</i> The Proem of Parmenides' Poem	157
<i>Volf M. N.</i> Could Descriptive Epistemology Save Gorgias from Philosophical Inconsistency?	170
<i>Goran V. P.</i> Was R. Descartes' Initial Skepticism Merely Propaedeutic?	184
<i>Shevtsov A. V.</i> On the Philosophy of Georg Lukach in the Article on Heinrich Heine	196

Scientific Life, Polemic and Discussions

<i>Petrov V. V.</i> Siberian Philosophy: Real Situation and Desired Future	208
<i>Golovko N. V.</i> Unconceived Alternatives and Another Argument for Instrumentalism	214
Instructions to Contributors	221

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 004.055, 004.82, 510.62, 510.67

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-5-25

О задачном подходе в искусственном интеллекте

Е. Е. Витяев, С. С. Гончаров, Д. И. Свириденко

*Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обсуждается проблема интеграционного подхода к искусственному интеллекту. Анализируются содержание и положительные моменты интеграционного агентного подхода. Отмечается, что данный подход неявно следует задачному подходу. Приводятся ответы на вопросы, составляющие суть задачного подхода – откуда берутся задачи, что такое задача, что считать решением задачи. Обсуждается классификация интеллектуальных задач на прямые, обратные и гибридные задачи. Отмечается, что современный искусственный интеллект сосредоточен, главным образом, на решении прямых и обратных задач, оставляя вне поля своего внимания огромный и важный класс гибридных задач. Описывается теоретико-модельный подход к решению всего многообразия интеллектуальных задач, носящий название семантического моделирования. Анализируются достоинства предлагаемой концепции, в том числе, возможность гибкого сочетания при решении гибридных задач уже созданного в искусственном интеллекте инструментария. Обсуждается проблема создания «сильного» / «общего» искусственного интеллекта в рамках задачного подхода.

Ключевые слова

искусственный интеллект, экспертные системы, машинное обучение, нейронные сети, глубокое обучение, агентный подход, задачный подход, прямая, обратная и гибридная задача, «сильный» искусственный интеллект, вычислимость, аксиоматический и теоретико-модельный подход, семантическое моделирование

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-11-01176)

Для цитирования

Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И. О задачном подходе в искусственном интеллекте // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 5–25. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-5-25

© Витяев Е. Е., Гончаров С. С., Свириденко Д. И., 2019

On the task approach to artificial intelligence

E. E. Vityaev, S. S. Goncharov, D. I. Sviridenko

*Sobolev Institute of Mathematics SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The authors discuss the problem of the integration approach to artificial intelligence, analyzing the content and positive aspects of the integration agent approach. It is noted that this approach implicitly follows the task approach. The paper gives answers to the questions that make up the essence of the task approach - where do the tasks come from, what is the task, what should be considered a solution to the problem. It also discusses the classification of intellectual problems into direct, inverse, and hybrid. It is noted that modern artificial intelligence focuses mainly on solving direct and inverse problems, leaving a huge and important class of hybrid problems outside its scope of attention. The paper describes the theoretical model approach to solving the whole variety of intellectual problems, called semantic modeling. It analyzes the advantages of the proposed conception, including the possibility of a flexible combination when solving hybrid problems of tools already created in artificial intelligence. It also discusses the problem of creating a "strong" / "general" artificial intelligence (AGI) in the framework of the task approach.

Keywords

artificial intelligence, expert systems, machine learning, neural networks, deep learning, agent-based approach, task approach, direct, inverse and hybrid task, "strong" artificial intelligence (AGI), computability, axiomatic and model-theoretic approach, semantic modeling

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation (project no. 17-11-01176)

For citation

Vityaev E. E., Goncharov S. S., Sviridenko D. I. On the Task Approach in Artificial Intelligence // *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4. p. 5–25. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-5-25

Основным видом интеллектуальной деятельности человека является *решение задач*. Отсюда следует, что методологическая база любой научной или инженерной области должна включать в себя *задачный подход*, раскрывающий как структуру и содержание понятия «задача», так и структуру, а заодно и содержание процесса формулирования и решения задач. Далее мы будем считать, что целью задачного подхода является получение удовлетворительных ответов на следующие вопросы:

- Откуда берутся задачи?
- Почему и зачем нужно решать задачи?
- Что такое задача?
- Что значит решить задачу?
- Какие бывают задачи?
- Как и чем следует решать задачи?

Нужно отметить, что идея задачного подхода применительно к философии математики впервые была высказана акад. Ю. Л. Ершовым и его соавтором д-ром филос. наук К. Ф. Самохваловым еще в середине 80-х гг. прошлого столетия [Ершов, Самохвалов, 1984; 2007], обратившими внимание на исключительную важность для математики нахождения исчерпывающих ответов на вопрос: для решения каких задач предназначается та или иная математическая теория? В те же 80-е гг. задачный подход был успешно применен при создании логико-математической теории семантического программирования, базирующейся на понимании *вычислимости как формульной определмости* и ориентированной на анализ проблемы автоматического решения интеллектуальных задач с помощью компьютеров [Goncharov, Sviridenko, 1986; 1989; Гончаров, Свириденко, 2018а; Goncharov, Sviridenko, 2018; Гончаров, 2017; Гончаров, Свириденко, 2018б; 2018в]. В настоящей статье авторы предприняли попытку расширить область применения задачного подхода к *искусственному интеллекту* (далее – ИИ).

Как известно, несмотря на большие успехи ИИ, особенно в области машинного обучения, основным вопросом, обсуждаемым специалистами из самых различных областей науки вот уже более 60 лет, остается вопрос, с которого и начался ИИ: «Может ли машина “мыслить”?». Нетрудно видеть, что этот вопрос имеет самое непосредственное отношение к математической логике. Поэтому не удивительно, что в его обсуждении приняли самое активное участие не только специалисты в области ИИ, но и ученые, занимающиеся философией математики и математической логикой. Следует напомнить, что Тезис Черча «числовая функция вычислима тогда и только тогда, когда она частично рекурсивна» является не математическим фактом, а эмпирической гипотезой в том смысле, что Тезис допускает фальсификацию – если кто-то предъявит очевидный (т. е. принимаемый всеми!) пример функции, нарушающий приведенную выше эквивалентность, то Тезис Черча опровергается. Фактически вокруг возможности опровергнуть или подтвердить эту гипотезу и разгорелся основной спор, началу которого положил доклад Джона Маккарти, сделанный им в 1956 г. на конференции в Дартмутском университете [McCarthy, 1958]. Именно в этом докладе и был введен в обиход термин *Artificial Intelligence* (*Искусственный интеллект*), под которым предлагалось понимать вычислительную машину, умеющую рассуждать так же разумно, как и человек. Вскоре все участники дискуссии разделились на две противоборствующие стороны: первые утверждают, что вычислительная машина может «мыслить», вторая – не может. И хотя дискуссия между этими сторонами затянулась более чем на 60 лет, окончательный ответ так до сих пор и не найден. По крайней мере, общепризнано, что истинный «машинный разум», в настоящее время называемый «*универсальным*» / «*сильным*» / «*общим*» ИИ (AGI), так пока и не появился. Тем не менее в процессе дискуссии были получены действительно ценные «по-

бочные» результаты – была развита теория и практика систем, основанных на знаниях, создано и развито декларативное программирование, начался и продолжается бурный рост машинного обучения [Нишант Шакла, 2019], в рамках которого создано большое число различных методов и инструментов (см., например: [Шолле, 2018]).

Следует отметить, что в попытках фактически опровергнуть Тезис Черча большие надежды возлагались (и продолжают возлагаться до сих пор) на результаты теоретических исследований и практических экспериментов, в частности, по глубокому обучению, а также на исследования в области квантовых вычислений. Тем не менее, как уже было сказано, за 60-летнюю историю удовлетворительного ответа на вопрос «может ли машина “мыслить”?» так и не было получено. И причина здесь, похоже, в том, что либо сам вопрос сформулирован не совсем корректно, либо ответ на него ищется не там, где следует, либо то и другое.

Ситуация усугубляется еще и тем обстоятельством, что за годы существования ИИ проявилась тенденция значительной фрагментации направлений исследований в нем с претензией на исключительную самостоятельность этих направлений. Примерами могут служить такие области исследований, как машинное зрение, перевод и понимание естественных языков, робототехника. Многие специалисты высказывают оправданную озабоченность данным обстоятельством и ставят вопрос об объединении этих разрозненных областей на основе единого взгляда на ИИ. По этой причине в середине 90-х гг. появился интегральный подход к ИИ как к науке проектирования *рациональных агентов*, функционирующих в некоторой *среде* и взаимодействующих с ней [Рассел, Норвиг, 2007]. Однако для того, чтобы связать воедино накопленные в ИИ результаты в рамках этого подхода, потребовалось провести детальный анализ и последующую реорганизацию различных подходов к решению задач ИИ. Было признано, что исследования в области ИИ целесообразно проводить с привлечением других областей знаний.

Подход рациональных агентов оказался весьма эффективным и во многом себя оправдавшим. Предложенная этим подходом классификация агентов и сред позволила действительно взглянуть на разнообразие задач, решаемых ИИ, с единых позиций и систематизировать накопленные здесь знания. Однако при более тесном знакомстве с этим подходом бросается в глаза одно интересное обстоятельство – несмотря на то, что первичными понятиями подхода объявлены понятия «рациональный агент» и «среда», в терминах которых авторы подхода и пытаются объяснить единую природу задач ИИ и тем самым систематизировать и объединить с единых позиций имеющиеся знания, основное внимание при его изложении уделяется все-таки детальному анализу решаемых задач и используемых для их решения методов и инструментов. По этой причине авторы агентного подхода вынуждены в процессе изложения детально обсуждать структуру и содер-

жание понятия «задача», а также структуру и содержание процесса решения задач и используемых при этом методов и инструментов. Таким образом, агентный подход в действительности неявно следует задачному подходу, основная идея которого заключается в том, что процесс познания должен осуществляться преимущественно в терминах «задача – решение задачи» и при обсуждении той или иной предметной области, помимо традиционных вопросов, касающихся полноты, непротиворечивости, истинности и т. п. используемых в этой области знаний, необходимо обязательно задаваться и главным вопросом – *а для решения **каких задач** предназначена та или иная теоретическая или эвристическая конструкция и используемый инструментарий?* В этом и состоит основной посыл задачного подхода – ориентировать и осуществлять становление и развитие той или иной области знаний, в терминах «задача – решение задачи».

Цель настоящей статьи – сформулировать основные положения задачного подхода применительно к ИИ, тем самым фактически уточняя и совершенствуя подход рациональных агентов. Изложение материала статьи будет в основном следовать тем вопросам, которые были сформулированы выше, и начнем мы с ответа на первый вопрос – откуда берутся интеллектуальные задачи?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего отметим, что главная движущая сила развития человеческого общества – это непрерывное развитие человеческих потребностей, где под *потребностью* понимается нужда в чем-либо, необходимом для поддержания жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества, внутренний побудитель активности. При этом процесс развития потребностей, включая появление новых или возрастание существующих, как правило, опережает реальные возможности их удовлетворения. Отсюда, на уровне идентификации и осмысления потребности человек может столкнуться с *противоречием* между идеальным представлением о самой потребности и желаемых свойствах способа ее удовлетворения и фактической возможностью, а также уровнем ее удовлетворения. При этом «идеальное представление о потребности» может пониматься в трех смыслах:

- как непосредственное ощущение и переживание человеком самой потребности (скажем, в виде отрицательной эмоции, спровоцированной голодом, жаждой и т. д.), для которой критерий ее удовлетворения имеет наиболее общий характер – сильный голод можно удовлетворить чем-то, например сырым мясом, лишь бы это было съедобно;
- как возможность удовлетворения потребности, при наличии у человека некоторого опыта, разными способами и с разным качеством удовлетворения (сырое мясо, кофе, ресторан...), т. е. с использованием различных вариаций критерия удовлетворения потребности, в том числе, опираясь на разные материальные и эмоциональные затраты, необходимые для до-

стижения требуемого результата, что способно вызвать у человека *предвосхищение* возможности удовлетворить эту потребность (воспринимаемое, например, в случае голода как «аппетит»). При этом, заметим, потребность в удовлетворении голода ощущается человеком одновременно и как отрицательная эмоция от голода, и как эмоция аппетита. Таким образом, речь идет о *полезности*, включающей разные компоненты эмоциональной оценки результата;

- поскольку переживание потребности способно вызвать у человека предвосхищение (прогноз) некоторого «идеального» образа ее удовлетворения без учета каких-либо ограничений (что соответствует максимальному варианту критерия удовлетворения, основанному на жизненном опыте человека, так как предвосхищать ощущение, которое мы реально не переживали, мы не можем), то такой образ может вызвать попытку найти либо принципиально *новый способ* удовлетворения потребности, которого ранее не было в опыте, либо попытаться как-то усовершенствовать или видоизменить уже существующий.

Именно осознание противоречия между «идеальным» и «реальным» и приводит к появлению задачи. Таким образом, противоречия и есть истинный источник задач, а желание решить задачу (почему и зачем нужно решать задачи, каковы последствия их решения) диктуется необходимостью преодолевать порождающие их противоречия.

Как показывает человеческий опыт, решение задач, индуцированных противоречием на уровне осознания потребностей, в общем случае осуществляется путем использования известных и / или новых *действий / функций*, исполнение которых в свою очередь базируется на известных и / или новых *принципах*, выполняемых либо применением имеющихся *шаблонов* (решений / процедур / алгоритмов / программ / технологий / систем), в том числе и по новому назначению, либо созданием новых решений. Необходимость находить новые действия или функции, принципы действия и решения либо искать новые применения уже существующим вновь может привести к возникновению противоречий между тем, чего хотелось бы и тем, что имеется в наличии. Естественно, что так возникающие противоречия становятся новым источником задач. И весь этот переход:

потребность → противоречие → задача → решение задачи →
удовлетворение потребности путем осуществления найденного решения (*)

является тем фундаментальным механизмом, который во многом и определяет пути развития человечества. По сути, цепочка (*), при небольшом дополнении и уточнении, фактически представляет собой общую схему процесса решения задач, где чрезвычайно важную роль, как мы убедимся позже, играет этап формулировки задачи:

**идентификация потребности → выявление противоречия →
формулировка задачи → решение задачи → объяснение / обоснование
решения → реализация решения (**)**

Далее мы ограничимся обсуждением потребностей, проявляющихся в необходимости поиска ответов на *запросы*, относящиеся к той ли иной предметной области, обычно мыслимой и представляемой в виде некоторого ее описания в терминах некоторого языка. Заметим, что в этих запросах обязательно должен присутствовать критерий удовлетворения потребности, т. е. критерий решения задачи. Он может быть любым из трех, упомянутых выше. Формализованные описания предметных областей далее будем называть *моделями*, а противоречия, которые возникают в процессе поиска ответов на запросы, обращенные к моделям, будем называть *интеллектуальными задачами (и-задачи)*.

Как устроена и-задача и что значит «решить и-задачу»? Прежде чем ответить на эти вопросы, обратим внимание на следующее важное обстоятельство – согласно работе [Ершов, Самохвалов, 2007], «...мы *понимаем* задачу только тогда, когда ей сопоставили обоснованное чувство уверенности в том, что всякое состояние нашего сознания мы сумеем убедительным и безошибочным образом распознать как такое, когда решение найдено, или как такое, когда решение не найдено». Отсюда, если указанное в данной цитате условие не выполнено, то и-задача вообще не требует решения и тем самым фактически не является задачей, поскольку в этом случае любое состояние сознания можно считать ее решением. Чтобы прояснить и уточнить смысл данного важного замечания, рассмотрим в самом общем случае стандартный процесс постановки и компьютерного решения и-задачи. Этот процесс можно представлять себе следующим образом.

Имеется Некто (конечный пользователь), формулирующий запрос на некоем формализованном языке (скажем, на языке спецификации задач, на математическом языке или на языке программирования), и Решатель, имеющий в своем распоряжении модель предметной области, воспринимающий на своем входе запрос, а на выходе с использованием знаний, содержащихся в модели, генерирующий тексты, предлагая их в качестве ответов на запрос. Если Некто понимает, что ему нужно, то он должен быть в состоянии распознать очередной появившийся на выходе Решателя текст как истинный ответ на запрос, если он является таковым, или, другими словами, распознать правильность ответа. Предположим, что у нас уже есть некоторый текст, который предлагается вниманию Некто рассмотреть его в качестве ответа на запрос. Естественно, возникает вопрос – в каких случаях Некто этот текст действительно может считать правильным ответом? Очевидно, что для убежденности Некто в том, что это правильный ответ на запрос, к этому тексту должно быть приложено еще что-то, например, некий дополнительный текст, который можно рассматривать как «убедительное и безошибочное» *обоснование / объяснение*, т. е. изложение того,

почему предъявляемый текст следует считать правильным ответом на запрос. Например, в математике принято считать, что «обоснованное чувство уверенности» в том, что данное изложение решения задачи действительно является ее решением, возникает тогда, когда это изложение имеет форму *доказательства*. Тем самым, доказательство в математике предстает как один из вариантов *критерия наличия решения* задачи, т. е. как критерий для «распознавания, когда решение найдено или не найдено» (заметим, что доказательство не единственный критерий «решенности» в математике, далее мы познакомимся с другим вариантом такого критерия). Если используемый нами критерий не требует учета каких-либо свойств текста ответа и процедуры обоснования его «правильности», выступающих как определенные ограничения со стороны Некто, то будем называть такой критерий «слабым» критерием осмысленности. В программировании примером слабого критерия осмысленности может служить процедура автоматического тестирования правильности программы, в которой не указаны временные ограничения исполнения этой программ компьютером. Однако если такое ограничение есть, то речь уже идет о более «сильном» критерии осмысленности. Известно, что тестирование программ не может в общем случае гарантировать отсутствие ошибок в них. Поэтому при решении задачи определения безошибочности программы более убедительным, например, выглядит критерий осмысленности, базирующийся либо на идее «правильности программы по построению», который для каждой программы требует предъявления обоснованного описания процесса ее написания, либо на идее автоматической верификации программ. Очевидно, что для всех вариантов критерия осмысленности – и тестирования, и правильности по построению, и верификационного критерия исходная цель одна и та же – убедиться в «правильности» программы (в более общем случае убедиться в том, что данная программа удовлетворяет определенному набору свойств). Тем не менее нетрудно видеть, что, выбирая разные критерии осмысленности, мы имеем дело с разными задачами, хотя и близкими по постановке. Отсюда вывод – когда идет речь о запросах, ошибочность ответов на которые может привести к серьезным последствиям, предпочтителен тот критерий осмысленности, который способен продемонстрировать более «убедительную правильность» ответа. Другими словами, предпочтителен наиболее «сильный» критерий осмысленности. Именно по этой причине столь большую роль как в математике, так и в других разделах знаний, в том числе и в ИИ, играет логика, имеющая своим предметом изучения именно убедительность и обоснованность построения ответов на запросы.

Из всего выше сказанного вытекает, что интеллектуальная задача *осмысленна* тогда и только тогда, когда мы имеем критерий «*решённости*», с помощью которого мы всегда в состоянии для каждого предъявляемого ответа на запрос определить – является ли этот ответ решением или нет (т. е. решение найдено или нет). Таким образом, полученный ответ действительно является решением задачи только в том случае, если *формулировка задачи* предусматривает и включает в себя не только сам *запрос*, обращенный к *модели* предметной области, и *ограничения*, выступающие как *контекст* запроса, но и *критерий «решенности»* задачи, позволяющий обоснованно

считать, что предъявляемый ответ действительно является решением задачи. Такой критерий позволяет не только определять – является ли ответ на вопрос решением задачи или нет, но и существенно проясняет, уточняет и одновременно фиксирует *смысл (семантику)* запроса, поскольку необходимость формулировки критерия заставляет исследователя сосредоточить свое внимание на том, с какой же *целью* формулируется этот запрос, тем самым подчеркивая важность *контекста* рассмотрения запроса и условий поиска ответов на него. Именно совместное формулирование *запроса, модели предметной области, критерия «решенности»*, а также *контекста*, включая *цель* поиска ответа на запрос, во многом определяет как смысл и содержание самого запроса, который требует ответа, так и процесс поиска этого ответа.

Итак, анализируя понятие задачи, мы обнаруживаем, что оно является *многокомпонентным*, и при этом присутствие каждой из компонент в формулировке задачи весьма желательно, а некоторых даже необходимо, поскольку их отсутствие и есть та основная причина, которая усложняет и затрудняет эффективное ее решение. Важность присутствия в формулировке задачи хорошо структурированной, адекватной и развитой модели предметной области достаточно очевидна. Также желательно при формулировке задачи учитывать результаты ее *контекстного анализа*, поскольку в процессе изучения контекста задачи мы можем получить весьма важную информации для успешного ее решения. По этой причине, прежде чем окончательно зафиксировать формулировку запроса и приступить к поиску ответа на него, желательно предварительно ответить на вопросы «почему появился этот запрос?» и «зачем он нужен?». Сразу отметим, что эти вопросы существенно различаются по своему назначению – первый предполагает ответ, касающийся истории происхождения и причин появления запроса, второй же вопрос относится уже к цели, обоснованию необходимости и последствий реализации ответа на запрос. И наконец, присутствие цели в формулировке задачи дает возможность более точно понимать, что же есть результат решения задачи, какими свойствами он должен обладать и что делать, если результат окажется отрицательным.

Далее, принимая во внимание все вышесказанное, будем считать, что мы имеем дело с задачей только в том случае, когда в ее формулировке присутствуют указания или описания того:

- к какой предметной области относится наш запрос и что мы знаем об этой предметной области, зафиксированной в виде ее *модели* (сигнатура и структура языка описания предметной области, термины и понятия, исходные данные, факты, правила и гипотезы);
- на какой запрос, относящийся к предметной области, мы должны получить ответ;

- в каком случае можно считать, что запрос будет удовлетворен (снят), т. е. *критерий удовлетворения запроса*;
- в каком *контексте* следует искать ответ на запрос, в том числе, какую *цель* мы преследуем, решая задачу, т. е. что мы ожидаем от *результата*, который получим, решив задачу, каковы *последствия* решения задачи и что делать, если ответ окажется отрицательным.

Обсудив ответы на вопросы «что такое задача?» и «что значит решить задачу?», перейдем к поиску ответа на вопрос – «какие бывают интеллектуальные задачи?». Оказывается, ответ на этот вопрос во многом зависит от того, что из себя представляет модель предметной области.

Как уже было упомянуто выше, модель представляет собой формальное описание знаний о предметной области, которыми располагают Постановщик задачи и Решатель. Заметим, что до сих пор отсутствует единое и согласованное представление о том, на каком языке и как строить такие модели, что в них включать и как использовать на практике. Учитывая же исключительную важность наличия адекватной модели предметной области для успешного решения задачи, естественно, возникает необходимость в систематизации и осмыслении как теоретического, так и практического опыта по построению таких моделей с целью выработать некий единый подход к построению моделей. Один из возможных вариантов решения данной проблемы обсуждается в работах [Palchunov, 2008; Palchunov et al., 2011; Palchunov, Stepanov, 2013; Palchunov et al., 2016], где была предложена *4-х уровневая модель предметной области*, включающая в себя оценочные знания, прецеденты, общие знания и онтологию предметной области. Опираясь на это представление модели и с учетом наполнения ее структурных элементов, можно предложить классификацию и-задач, включающую в себя *прямые, обратные и гибридные и-задачи*.

К *прямым и-задачам* будем относить задачи, у моделей предметных областей которых оценочных, общих и онтологических знаний (без привлечения прецедентов) вполне достаточно для того, чтобы получить на запрос необходимый ответ, удовлетворяющий критерию решенности:

(управление/принятие решений/...)

Обратными *и-задачами* (задачами машинного обучения, индуктивного вывода) будут задачи, у которых все структурные элементы модели, кроме прецедентов, либо отсутствуют, либо их явно недостаточно для получения ответа на запрос. Поэтому, чтобы получить удовлетворительное решение такой задачи, опираясь на наличие прецедентов, необходимо предварительно провести (глубокий) анализ этих прецедентов с тем, чтобы попытаться извлечь из них *нечто* (обычно в виде *правил* или *гипотез*), с помощью чего можно было бы попытаться получить ответ на запрос. Опыт решения таких задач показывает, что для этого нужно, во-первых, иметь достаточно представительный набор прецедентов (то, что принято сейчас называть Big Data), а во-вторых, учитывать то обстоятельство, что извлекаемое нечто будет фактически являться лишь возможной *аппроксимацией* настоящих знаний о предметной области. Однако если при этом подобные аппроксимации позволяют получать ответ, удовлетворяющий критерию решенности, то вполне естественно считать их неким вероятностным аналогом реальных знаний о предметной области, т. е. гипотезами.

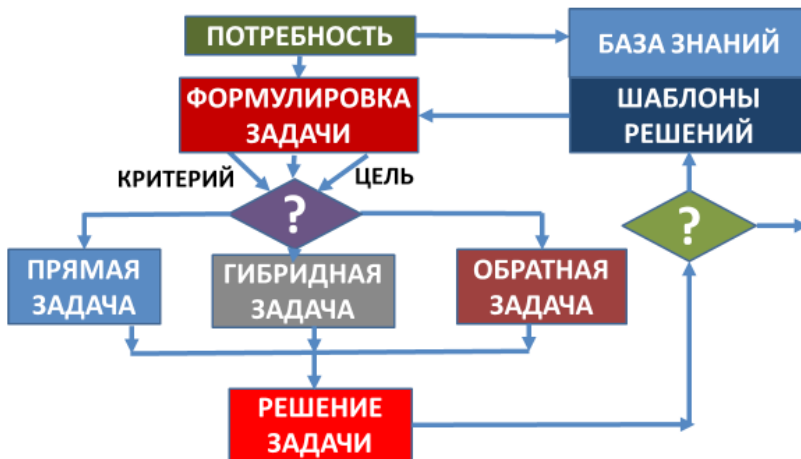
(обучение/прогнозирование/предсказание/...)

И наконец, к *гибридным и-задачам* мы будем относить те задачи, у которых структурные элементы их моделей обладают тем свойством, что только при совместном использовании всех элементов моделей можно получить ответ, удовлетворяющий критерию решенности.

Следует отметить, что это один из самых распространенных и в то же время сложнейших типов задач, решаемых человеком. Хорошим примером может служить задача управления или принятия решений, которая, как правило, носит отчетливый гибридный характер. Так, скажем, при проектировании управляющих экспертных систем, как показал опыт их создания, требуется и решение задачи интерпретации, и задачи диагностирования, и текущего контроля, и планирования, и прогнозирования, и исправления нарушений, и т. д.

Что же касается ИИ в целом, то к настоящему времени он достаточно успешно справляется с решением как прямых (символический ИИ), так и обратных задач (машинное обучение). Но, к сожалению, решение собственно гибридных задач пока находится на периферии его интересов, хотя, как было сказано выше, это наиболее важный и распространенный класс задач. И тому есть объяснение – сложность и масштабность гибридных задач, а также отсутствие адекватного инструментария их решения – как теоретического, так и практического. Однако, не развивая теорию и практику решения гибридных задач, невозможно, например, *правильно* сформулировать проблематику «сильного» / «общего» ИИ (AGI), поскольку очевидно, что любая AGI-система должна быть в состоянии автоматически идентифицировать тип задачи с тем, чтобы подобрать соответствующий инструментарий и приступить к ее решению:

В связи с вышесказанным встает вопрос – в каких терминах, как формулировать и решать гибридные задачи?

Отметим, что до сих пор, обсуждая решение и-задач, мы не затрагивали проблему устройства модели вычислений, используемой Решателем. По мнению авторов, именно этот аспект проблемы автоматизации решения и-задач будет являться одним из ключевых в случае гибридных задач. Под-

тверждением этому тезису служит опыт использования для решения и-задач так называемых *императивных* языков программирования.

Напомним, что особенностью подобных языков является то, что их использование влечет за собой обязательное разделение данных и операций над данными, которое, в свою очередь, автоматически приводит к *разрушению* и *потере исходной семантики* задачи. Чтобы компенсировать потерю семантических аспектов задачи, на практике прибегают к использованию больших неструктурированных или плохо структурированных данных с тем, чтобы попытаться с их помощью восстановить семантику решаемой задачи, т. е. решая обратную и-задачу. Возникает порочный круг – при императивном программировании мы вначале разрушаем исходную семантику и-задачи с тем, чтобы потом попытаться ее восстановить в виде неких аппроксимаций!

Чтобы избежать подобных коллизий, помимо императивных языков программирования в ИИ активно используются так называемые *декларативные* языки [Зюзысов, 2003; McGinnis, 2016], каковыми являются *функциональные* [Эмерик и др., 2015; Уилл, 2019] и *логические* [Inductive Logic..., 2017; Logic Programming..., 2017] языки программирования, позволяющие формулировать задачи в виде почти математических утверждений. В отличие от императивного подхода, базирующегося на *фон-неймановской модели вычислений*, в декларативном подходе используется другая, *аксиоматическая модель вычислений*. Общая схема формулирования и решения и-задачи в этой модели сводится к:

- формальной спецификации предметной области задачи в виде конечного набора аксиом (равенств в функциональном программировании и хорновых дизъюнктов – в логическом);
- написанию запроса и заданию его параметров в виде логической формулы;
- вычислению значений данного запроса путем вывода запроса-формулы как теоремы из вышеупомянутой системы аксиом.

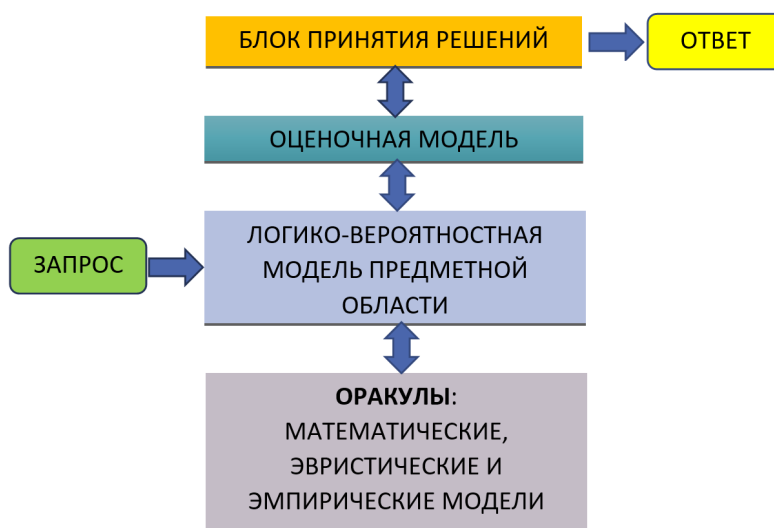
Таким образом, ключевой идеей декларативного подхода является то, что модель задачи в нем задается как аксиоматическая теория, а вычисления представляют собой вывод в этой теории. Заметим, что у аксиоматического подхода есть одна особенность, которая может помешать этому. Она касается достаточно слабой выразительной силы используемых формализмов, что влечет за собой необходимость учитывать излишне большое число ограничений, накладываемых на используемые аксиоматические теории, выступающих в качестве моделей предметных областей с тем, чтобы повысить эффективность процедуры вывода. Понятно, что чем сильнее выразительные возможности используемого формализма, тем меньше ограничений накладывается на допустимые способы описания модели, а значит,

тем проще пользователю формулировать задачу. При аксиоматическом подходе имеет место обратное – чем меньше ограничений мы накладываем на теорию, тем менее эффективным будет алгоритм организации поиска вывода. Данное обстоятельство заставляет сторонников декларативного программирования искать разумный компромисс между удобством и выразительностью используемых языков и их эффективностью. Такой поиск может осуществляться либо в рамках существующей парадигмы, что маловероятно, либо в ее критическом осмыслении и, возможно, создании новой парадигмы. О такой парадигме, носящей название «семантическое моделирование», и пойдет далее речь.

В семантическом моделировании в качестве концептуальной основы процесса машинного решения задач выбран теоретико-модельный подход, базирующийся на формульной определимости вычислимости на конструктивных моделях [Ершов, 2000]. При этом процесс вычисления мыслится как процесс проверки истинности формулы. С положениями самой концепции и ее математической части можно познакомиться в работах [Goncharov, Sviridenko, 1986; 1989; Гончаров, Свириденко, 2018a; Goncharov, Sviridenko, 2018; Гончаров, 2017; Гончаров, Свириденко, 2018б]. Здесь же нам понадобится следующая информация. Во-первых, семантическое моделирование исходит из того, что изначально предполагается наличие базового Решателя, ядром которого является конструктивная многосортная модель M вместе со своей списочной надстройкой $HW(M)$, состоящей из наследственно-конечных списков, порожденных элементами модели M . Во-вторых, важно отметить, что некоторые предикаты Решателя могут обладать статусом оракулов, что имеет чрезвычайно важное значение при решении гибридных задач, поскольку оракулы могут мыслиться как некие внешние Решатели, осуществляющие поиск ответа на обращенный к ним запрос с использованием моделей различной природы и содержания, например, некой нейронной сети. Использование относительной вычислимости в виде механизма *оракулов* позволяет создавать целые иерархии логико-вероятностных моделей, что дает возможность применять *оператор декомпозиции* в случае решения сложных и масштабных гибридных задач, разбивая задачу на подзадачи. В свою очередь, создаваемые логико-вероятностные модели могут сами оказаться подмоделями более общих моделей и тем самым играть роль оракулов. Подобная возможность выстраивать иерархии моделей, состоящих из набора моделей проблемных областей и используемых внешних Решателей, позволяет проектировать и создавать сложные многоуровневые системы искусственного интеллекта, моделирующие процесс решения человеком сложных и масштабных задач. Подобная логико-вероятностная модель (см. схему ниже), обрабатывая запрос, в случае необходимости обращается к своим оракулам и, получая от них ответы, генерирует варианты возможных ответов. Эти ответы поступают на вход в оценочную модель,

которая, пользуясь различными критериями (последствия, риски, ресурсы, полезность, формальные аналоги эмоциональных оценок и т. п.), выставляет оценки сгенерированным вариантам ответов и передает их блоку принятия решений, который и делает окончательный выбор ответа.

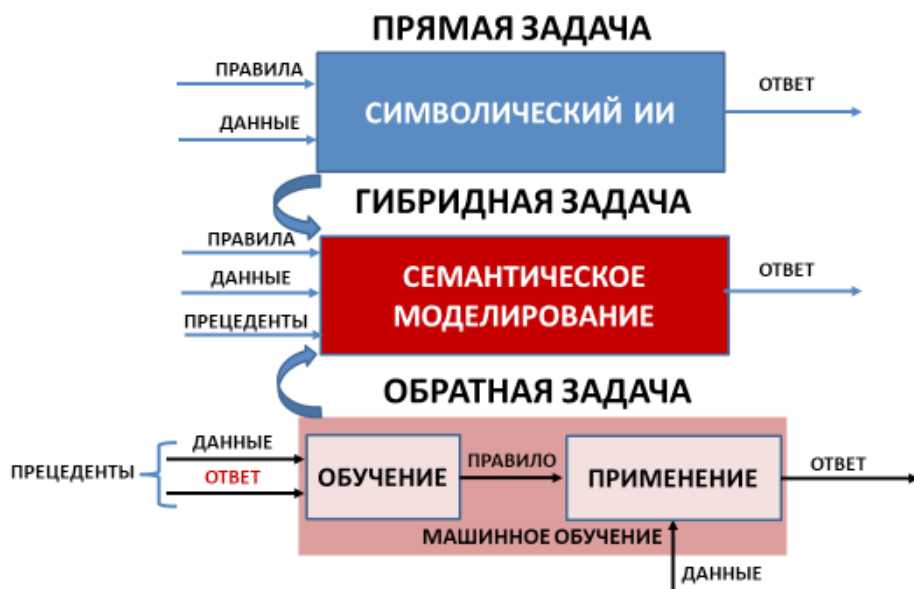
Здесь же отметим, что опыт решения реальных задач показал, что на практике вполне можно ограничиться классом так называемых Δ_0 -формулы и Δ_0 -термов, при написании которых разрешается использовать только ограниченные кванторы существования и всеобщности. Важно отметить, что подобное ограничение позволяет, кроме того, ограничиться вычислениями заданной, например, полиномиальной сложности [Гончаров, Свириденко, 2018в]. В целом практика показала, что подобный теоретико-модельный подход позволяет вполне адекватно отразить и полностью сохранить исходную семантику задачи. Именно поэтому он называется *семантическим моделированием*.

В заключение заметим, что в семантическом моделировании допускается использование в качестве истинностных значений не только таких значений, как ИСТИНА и ЛОЖЬ, но и других – например, НЕОПРЕДЕЛЕНО. Более того, в качестве множества истинностных значений можно использовать *булевозначные алгебры*.

В настоящее время концепция семантического моделирования получила свое воплощение в целой серии теоретических и прикладных работ [Vityaev, 2015; 2008; Martynovich, Vityaev, 2016; Vityaev, Martynovich, 2015; Витяев, Неполоков, 2014; Витяев, Мартынович, 2015; 2017]. Продолжается дальнейшее

развитие ее теоретических и прикладных аспектов, в том числе, в направлении создания практических технологий семантического моделирования и их адаптации применительно к особенностям различных конкретных проблемных областей – решение роевых задач, ритейл, финтех, медицина, техника, умные контракты и кошельки, криптоэкономика, ТРИЗ и др. [Свириденко, Сибиряков, 2017а; 2017б]. Одним из главных направлений развития семантического моделирования в настоящее время является его применение к проблемам решения гибридных задач:

При этом упор делается на технологиях, которые базировались бы на исходной семантике решаемой и-задачи и тем самым позволяли бы не только автоматически синтезировать семантически обусловленное и понятное человеку ее решение, но и *автоматически адаптироваться* к изменению условий решения этой задачи. Ряд таких перспективных технологий, как эвристических, так и основанных на оригинальных математических результатах, обобщающих логико-математический и вероятностный анализ формальных понятий, уже созданы и используются на практике. При этом полученные результаты позволили не только создавать эффективные методы решения широкого спектра гибридных задач, но и, что очень важно для создания AGI-систем, приступить к решению проблемы *самообучения* систем ИИ. И здесь чрезвычайно полезным могут оказаться идеи из когнитивных наук о человеке, к которым задачный подход также применим, о чем пойдет речь в следующей статье авторов.

Список литературы / References

- Витяев Е. Е., Мартынович В. В.** Формализация «естественной» классификации и систематики через неподвижные точки предсказаний // Сибирские электронные математические известия (Siberian Electronic Mathematical Reports) / Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН, 2015. Т. 12. С. 1006–1031.
- Vityaev E. E., Martynovich V. V.** Formalizatsiya «estestvennoi» klassifikatsii i sistematiki cherez nepodvizhnye tochki predskazanii [Formalization of the “natural” classification and taxonomy through fixed points of predictions]. *Siberian Electronic Mathematical Reports*. S. L. Sobolev Institute of Mathematics of the SB RAS, 2015, vol. 12, p. 1006–1031. (in Russ.)
- Витяев Е. Е., Мартынович В. В.** Прозрачное глубокое обучение на основе вероятностных формальных понятий в задаче обработки естественного языка // Известия ИГУ. Серия: Математика. 2017. Т. 22. С. 31–49.
- Vityaev E. E., Martynovich V. V.** Prozrachnoe glubokoe obuchenie na osnove veroyatnostnykh formalnykh ponyatii v zadache obrabotki estestvennogo yazyka [Transparent profound learning based on probabilistic formal concepts in the task of processing natural language]. *Izvestiya ISU [News of ISU. Series: Mathematics]*, 2017, vol. 22, p. 31–49. (in Russ.)
- Витяев Е. Е., Неупокоев Н. В.** Формальная модель восприятия и образа как неподвижной точки предвосхищений // Подходы к моделированию мышления: Сб. / Под ред. В. Г. Редько. М.: УРСС Эдиториал, 2014. С. 155–172.
- Vityaev E. E., Neupokoev N. V.** Formalnaya model vospriyatiya i obraza kak nepodvizhnoi tochki predvoskhishchenii [Formal model of perception and image as a fixed point of anticipation]. In: *Podkhody k modelirovaniyu myshleniya [Approaches to the Modeling of Thinking]*. Moscow, URSS Editorial, 2014, p. 155–172. (in Russ.)
- Гончаров С. С.** Условные термы в семантическом программировании // СМЖ. 2017. Т. 58, № 5. С. 1026–1034.
- Goncharov S. S.** Uslovnnye termy v semanticheskom programmirovanii [Conditional terms in semantic programming]. *Siberian Mathematical Journal*, 2017, vol. 58, no. 5, p. 1026–1034. (in Russ.)
- Гончаров С. С., Свириденко Д. И.** Семантическое моделирование и искусственный интеллект // Сибирский философский журнал. 2018а. Т. 16, № 4. С. 5–25.
- Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** Semantic Modeling and Artificial intelligence. *The Siberian Journal of Philosophy*, 2018a, no. 4, p. 5–25. (in Russ.)
- Гончаров С. С., Свириденко Д. И.** Рекурсивные термы в семантическом программировании // СМЖ. 2018б. Т. 59, № 6. С. 1279–1290.

- Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** Rekursivnye termy v semanticheskom programmirovanii [Recursive terms in semantic programming]. *Siberian Mathematical Journal*, 2018b, vol. 59, no. 6, p. 1279–1290. (in Russ.)
- Гончаров С. С., Свириденко Д. И.** Логический язык описания полиномиальной вычислимости // Доклады РАН, 2018в. Т. 485, № 1. С. 11–14.
- Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** Logicheskii yasyk opisaniya polinomialnoi vychislivosti [Logical language of polynomial computability description]. *Doklady RAN [RAS Reports]*, 2018с, vol. 485, no. 1, p. 11–14. (in Russ.)
- Ершов Ю. Л.** Определимость и вычислимость. Новосибирск: Научная книга, 2000. 316 с.
- Ershov Y. L.** Opredelimosť i vychislivost [Definability and computability]. Novosibirsk, Nauchnaya kniga Publ., 2000. 316 p. (in Russ.)
- Ершов Ю. Л., Самохвалов К. Ф.** О новом подходе к философии математики // Структурный анализ символьных последовательностей: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. Вып. 101. С. 141–148.
- Ershov Y. L., Samokhvalov K. F.** A new approach to the philosophy of mathematics In: Structural analysis of symbolic sequences (Computer systems: issue 101). Novosibirsk, 1984, p. 141–148. (in Russ.)
- Ершов Ю. Л., Самохвалов К. Ф.** Современная философия математики: недомогания и лечение. Новосибирск: Параллель, 2007. 142 с.
- Ershov Y. L., Samokhvalov K. F.** Contemporary philosophy of mathematics: indisposition and therapy. Sobolev institute of mathematics SB RAS. Novosibirsk, Paralell Publ., 2007, 142 p. (in Russ.)
- Зюзысов В. М.** Математическое введение в декларативное программирование: Учеб. пособие. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 83 с.
- Zuzysov V. M.** Matematicheskoe vvedenie v deklarativnoe programmirovanie: Uchebnoe posobie [Mathematical Introduction to Declarative Programming: a Tutorial]. Tomsk, TSU Publ., 2003. (in Russ.)
- Нишант Шакла.** Машинное обучение & TensorFlow. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
- Nishant Shakla.** Mashinnoe obuchenie & TensorFlow [Machine Learning & TensorFlow]. St. Petersburg, Piter Publ., 2019. (in Russ.)
- Рассел С., Норвиг П.** Искусственный интеллект. Современный подход. 2-е изд. М.: Вильямс, 2007. 1408 с.
- Russell S., Norvig P.** Artificial intelligence. Modern approach. 2nd ed. Moscow, Williams Publ., 2007. (in Russ.)
- Свириденко Д. И., Сибиряков В. Г.** ТРИЗ-теория решения инновационных задач: Ч. 1. Что такое инновационная задача. Сибирская финансовая школа. Менеджмент и инновации. 2017а. № 3/122. С. 26–35.
- Sviridenko D. I., Sibiryakov V. G.** TRIZ-teoriya resheniya innovatsionnykh zadach. Chast 1: [TRIZ-Theory of Innovative Problems Solution: Part 1: How to solve innovative problems: the development of the concept of innovation]. *Siberian Financial School. Innovations*, 2017а, no. 3/122, p. 26–35. (in Russ.)

- Свириденко Д. И., Сибиряков В. Г.** ТРИЗ-теория решения инновационных задач: Ч. 2. Как решать инновационные задачи: разработка концепции инновации. Сибирская финансовая школа. Инновации. 2017б. № 4/123. С. 21–37.
- Sviridenko D. I., Sibiryakov V. G.** TRIZ-teoriya resheniya innovatcionnyh zadach. Chast 2: Chto takoe innovatcionnaya zadacha [TRIZ-Theory of Innovation Solutions: Part 2. What is an Innovative Task]. *Siberian Financial School. Management and Innovation*, 2017b, no. 4/123, p. 21–37. (in Russ.)
- Уилл К.** Программируй на HASKELL. М.: ДМК-Пресс, 2019. 648 с.
- Will K.** Programmirui na HASKELL [Program on HASKELL]. Moscow, DMK-Press, 2019. (in Russ.)
- Шолле Ф.** Глубокое обучение на R. СПб.: Питер, 2018. 400 с.
- Cholle F.** Glubokoe obuchenie na R. [Deep learning on R.]. St. Petersburg, Piter Publ., 2018. (in Russ.)
- Эмерик Ч., Карпер Б., Гранд К.** Программирование на Clojure. М.: ДМК-Пресс, 2015. 816 с.
- Emerick C., Carper B., Grand C.** Programirovanie na Clojure [Programming Clojure]. Moscow, DMK-Press, 2015. In Russ.)
- Balduccini M., Janhunen T.** (eds.) Logic Programming and Nonmonotonic Reasoning. In: *Lecture Notes in Computer Science*. Springer, 2017, 363 p.
- Cussens J., Russo A.** (eds.) Inductive Logic Programming. In: *Lecture Notes in Computer Science*. Springer, 2017, 147 p.
- Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** Theoretical aspects of Σ -programming. *Lecture Notes in Computer Science*, 1986, vol. 215, p. 169–179.
- Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** Σ -programming / Transl., II. Ser., Am. Math. Soc., 1989, vol. 142, p. 101–121.
- Goncharov S. S., Sviridenko D. I.** Semantic modeling and hybrid models. 2018 Siberian Symposium on Data Science and Engineering (SSDSE). Novosibirsk, Russia, 2018.
- Martynovich V. V., Vityaev E. E.** Recovering Noisy Contexts with Probabilistic Formal Concepts. In: *Proceedings of the 2nd International Workshop on Soft Computing Applications and Knowledge Discovery (SCAKD 2016)*. Moscow, Russia, July 18, 2016. *CEUR Workshop Proceedings*, vol. 1687, p. 24–35.
- McCarthy J.** Programs with common sense In: *Proceeding of the Symposium on Mechanization of Thought Processes*, 1958, vol. 1, p. 77–84.
- McGinnis T.** Imperative vs Declarative Programming. 2016, July 13. URL: <https://tylermcginnis.com/imperative-vs-declarative-programming/>
- Palchunov D.** Solution of the problem of information retrieval based on ontology. *Business informatics*, 2008, no. 1 (3), p. 3–13.
- Palchunov D., Stepanov P.** The application of model-theoretical methods for the extraction of ontological knowledge in the subject area of information security. *Software engineering*, 2013, no. 11, p. 8–16.

- Palchunov D., Yachyaeva G., Hamutskaya A.** The information risk management software RISKPANEL. *Программная инженерия*, 2011, no. 7, p. 29–36.
- Palchunov D., Yachyaeva G., Dolgusheva E.** Conceptual methods for identifying needs of mobile network subscribers. *CEUR Workshop Proceedings 13*. «CLA 2016 – Proceedings of the 13th International Conference on Concept Lattices and Their Applications», 2016, p. 147–160.
- Vityaev E. E.** Principals of brain activity, contained in the functional systems theory P. K. Anokhina and emotional theory of P. V. Siminova. *Neuroinformatics*, 2008, vol. 3 (1), p. 25–78.
- Vityaev E. E.** Purposefulness as a Principle of Brain Activity. Anticipation: Learning from the Past. M. Nadin (ed.). *Cognitive Systems Monographs*. Springer, 2015, vol. 25, ch. 13, p. 231–254.
- Vityaev E. E., Martinovich V. V.** Probabilistic Formal Concepts with Negation. A. Voronkov, I. Virbitskaite (eds.): *PCI 2014, LNCS 8974*, 2015, p. 385–399.

Сведения об авторах / Information about the Authors

Витяев Евгений Евгеньевич, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (пр. Акад. Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия), профессор кафедры дискретной математики и информатики Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Evgeny E. Vityaev, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Leading researcher, Sobolev Institute of mathematics SB RAS (4 Koptyug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor, Department of Discrete Mathematics and Computer Science, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

vityaev@math.nsc.ru

Гончаров Сергей Савостьянович, доктор физико-математических наук, академик РАН, директор Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (пр. Акад. Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия), заведующий кафедрой дискретной математики и информатики Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Sergey S. Goncharov, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Sobolev Institute of mathematics SB RAS (4 Koptyug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Head of the Department of Discrete Mathematics and Computer Science, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

gonchar@math.nsc.ru

Свириденко Дмитрий Иванович, доктор физико-математических наук, советник директора Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН (пр. Акад. Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия), профессор кафедры общей информатики Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, 630090, Россия)

Dmitry Iv. Sviridenko, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Advisor to the Director of the Sobolev Institute of mathematics SB RAS (4 Koptyug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor, Department of General informatics, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

dsviridenko47@gmail.com

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-26-40

Истина и обоснование для дедуктивных систем: базовые постулаты и аналитичность

В. Н. Карпович

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Обсуждается проблема интеграционного подхода к искусственному интеллекту. Анализ Понятие аналитичности играет важную роль в обосновании истин. В традиционной логике терминов и современной логике предикатов применяются сходные подходы для реконструкции идеи достоверного обоснования. Кант использовал категории синтетического априори, Фреге опирался на особенности термов (индивидуальных констант и функций), чтобы сформулировать условия для применения определений. В результате первичные, базовые утверждения как исходные положения для обоснования предполагают утверждения существования и единственности определяемого предмета (определенные дескрипции), сходные с локализацией предметов в пространстве и времени синтетическими понятиями априори у Канта.

Ключевые слова

аргументация, логика, истина, обоснование, априорное, апостериорное, достоверность, наука

Для цитирования

Карпович В. Н. Истина и обоснование для дедуктивных систем: базовые постулаты и аналитичность // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 26–40. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-26-40

Truth and justification for deductive systems: on the primary postulates and analyticity of justifications.

V. N. Karpovich

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The concept of analyticity plays an important role in establishing truths. Both in the traditional logic of terms and modern logic of predicates, similar approaches are used to reconstruct the

© Карпович В. Н., 2019

idea of reliable substantiation. Kant used the categories of synthetic a priori, Frege relied on the features of terms (individual constants and functions) to formulate the conditions for the application of definitions. As a result, primary statements as the beginning for substantiation presuppose the existence and uniqueness of a defined subject (definite descriptions), similar to the localization of objects in space and time by Kant's synthetic a priori judgments.

Keywords

argumentation, logic, truth, form, justification, a priori, a posteriori, certainty, science

For citation

Karpovich V. N. Truth and Justification for Deductive Systems: On the Primary Postulates and Analyticity of Justification. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 26–40. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-26-40

Известно, что скептицизм Юма по поводу возможности научного знания затрагивает научные теории в целом. Идеи (в частности, причинности) могут не соответствовать вещам, мы их можем выдумать, как выдумываем крылатых коней, разных мифических героев и богов, и, в качестве более близких к науке примеров, флогистон или теплород. Также известно, что Кант видел свою задачу в преодолении подобного скептицизма, особенно в отношении к научному знанию. Традиционно знание можно трактовать как обоснованное истинное мнение. Обоснование здесь мыслится как средство против случайного достижения истины, и именно обоснование как раз и является основным предметом теории познания. Определение истины как соответствия наших мнений реальности, так называемая «корреспондентная теория истины», не указывает явным образом критерия для установления истины, и роль критерия выполняет уже обоснование.

Исходя из логики Аристотеля, Кант различил два вида обоснования в науке – апостериорное, когда оно связано с чувственным опытом, и априорное, когда полное обоснование базируется на непосредственном знании, причем без связи с чувственным опытом, который, согласно Юму и другим предшественникам Канта, не обладает достоверностью.

Здесь важно отметить два момента. Во-первых, определение априорного знания построено через отрицание. Поэтому и возникает вопрос о характере его обоснования, прояснение именно этого вопроса становится задачей критического анализа в философии Канта. Во-вторых, очевидно, что некоторые знания зависят в своем обосновании от данных опыта, но при этом не очень ясно, что собой представляет априорное знание. Эти вопросы обсуждались в философии как до Канта, так и после него.

Опять-таки известно, что Кант при этом верил в возможность априорных систем знания, и примерами априорно выстроенных дисциплин для него были логика и математика. С логикой вопрос особый, но вот математика, начиная с греческой науки, существовала в основном как геометрия. Даже про числа греки мыслили главным образом геометрически, пропорциями,

и арифметика обрела независимость от геометрии только в XIX в., вместе с арифметизацией анализа. Поэтому для Канта главным было именно утверждение априорности геометрического знания.

Вместе с различием апостериорного и априорного знания Кант различал еще синтетические аналитические суждения. Суждения при этом считались носителем знания, и сейчас это принято подчеркивать в англоязычной литературе терминологическим различием источника истины (*truth makers*) и носителя истины (*truth bearer*). Это обстоятельство сказалось на дальнейшей истории философии трояким образом. Во-первых, объекты, обозначенные нарицательными именами, например «трава» или «зеленый цвет», не могут считаться истинными или ложными сами по себе. Истинность или ложность возникает из соединения двух понятий в суждении, например, что трава зелена. Во-вторых, ментальные состояния могут приписываться людям, которые используют глаголы (думаю, надеюсь, боюсь, верю) в составе сложноподчиненных предложений, например, «я полагаю, что...», откуда появляется представление о пропозициональных установках. Для Канта объекты установок сами являются ментальными объектами, а вот для Мура и Рассела, например, суждения больше похожи на абстрактные объекты, подобно числам, которые обозначаются посредством комбинаций цифр или функциями. Это не было очевидным вплоть до XX в., когда Рассел произвел «лингвистический поворот» в философии, заявив, что некоторые предложения (например, «Все тождественно самому себе») хотя и правильно построены, но не выражают собой суждений.

Вдобавок к суждениям как идеальным сущностям и мыслям, т. е. ментальным сущностям Канта, Тарский в начале века стал говорить о предложениях, т. е. чисто языковых объектах, как носителях истинностных значений. Истина артикулируется посредством составных частей предложения, которые играют роль подлежащего (трава) и сказуемого (зеленая), соотношение которых делает предложение истинным или ложным. Предложения непосредственно содержат в себе слова и обороты речи, а структуры суждений или мыслей всегда вычитываются уже из предложения. Отсюда и вопрос об аналитичности должен включать анализ предложений, поскольку обоснование истинности сводится к анализу высказываний.

Аналитичность как свойство высказывания можно пояснить на известном примере Дж. Мура: «Все холостяки не женаты». В первую очередь здесь важную роль играют значения составляющих слов. Исходя из этого, Кант предложил известное объяснение аналитичности, которое гласит, что предикат аналитического суждения содержится в его субъекте. По этому поводу можно сделать три замечания.

Во-первых, предполагается, что все суждения имеют субъектно-предикатную форму, где есть подлежащее и сказуемое. Во-вторых, различие между субъектами и предикатами представляет собой грамматическое разли-

чие, уместное при обсуждении вопросов грамматики языка. Кант эту же структуру вкладывает в мысли о фактах, т. е. ментальные состояния. В-третьих, известное Кантово высказывание о предикате, содержащемся в субъекте, – это очевидная метафора, поскольку в реальном предложении подлежащее и сказуемое явным образом не содержатся одно в другом. Наконец, Кант говорит, что истина аналитического суждения может быть адекватно познана (обоснована) посредством логического закона противоречия, согласно которому противоречия недопустимы.

Вопрос теперь заключается в том, к чему именно можно обратиться для обоснования аналитичности законов логики. Если к любому нашему знанию, то это знание немедленно окажется аналитическим. Если только к логике, то сама логика окажется аналитичной, поскольку из логических истин вытекают только логические истины. Однако нужно понимать, что у Канта особое отношение к логике. Он полагал, что логика – наука законченная, и силлогистика Аристотеля представляет собой законченное учение логики. А это значит, что он не включает в логику ни учение о связи высказываний, разработанное стоиками, ни схоластические усовершенствования самой силлогистики. Силлогистические модусы могут состоять только из трех типов суждений – общих (универсальных, обо всех предметах), частных (о некоторых предметах) и единичных (сингулярных, об отдельных предметах, обозначенных собственными именами или указательными местоимениями).

Особенность аристотелевской силлогистики состоит в том, что сингулярные суждения в ней не используются и их приходится трактовать как частные или общие. Переменных, строго говоря, тоже нет, есть подстановочные буквы, на место которых подставляются общие имена, «именующие» понятия. Поэтому Сократа, отдельного человека, нужно представлять себе как предельно мелкий вид рода «человек», и тогда вместо предложения «Сократ смертен», которое сообщает о принадлежности индивида к некоторому множеству вещей, нужно говорить о том, что одна категория вещей представляет собой разновидность другой категории вещей. Наше исходное предложение примет такой вид: «Человек по имени Сократ (далее идет набор идентификаций по месту и времени) является смертным».

Для большей части двадцатого столетия признаком аналитичности было то, что предложение (суждение, утверждение) обнаруживает свою истинность или ложность благодаря смыслу слов, входящих в него (которыми выражалось суждение или утверждение). Однако и с этим признаком возникают трудности. Во-первых, хотя слово «холостяк» из примера Мура конвенционально определяют как «не женатый взрослый мужчина», есть много слов, которые поясняются примерами, а не представлены явным анализом путем перечислений названий признаков, входящих в их смысл. «Логические» слова «если», «все», «являются», «и» и т. п. вообще поясняются кос-

венно, через примеры. Если мы попробуем улучшить (осовременить) Канта, определив модус Barbara первой фигуры как правильный из-за смысла слов «все» и «являются», то сразу обнаружится, что мы не понимаем некоторого сущностного смысла логических слов (связок), из которого мы можем как-то заключить, что такое Barbara, и не попасть при этом в логический круг. Если бы мы могли исчерпывающим образом рассказать, что означают слова «все» и «являются», то модус Barbara стал бы лишь подтверждением того, что человек знает, как правильно употреблять логические связки для простых категорических суждений.

Из этого можно понять, что аналитичность представляет собой способ обоснования, а не определение идеи истины. Древняя и чтимая традиция говорит, что истина заключается в соответствии с фактами. Чтобы предложение было истинным, мир должен быть таким, как это утверждается в предложении. Тарский показал, что можно было бы обойтись здесь без отсылки к фактам. Для этого нужно взять какой-то формальный язык, подходящий для представления структуры естественного языка, в частности, язык логики предикатов первого порядка с равенством. Если дано предложение в контексте некоторого рассуждения, проведенного в естественном языке, его можно представить с помощью синтаксиса искусственного языка, дополненного схемой сопоставления структур искусственного языка предметам и свойствам, выделенным в изучаемой реальности. Таким образом, когда задано предложение или текст на естественном языке, его можно разложить на составляющий синтаксис и соответствующую схему обозначений.

Во-первых, можно подобрать формальный язык для представления соответствующих языковых структур. Для предложения «Все холостяки не женаты», например, следует выбрать два одноместных предиката F и S , и написать формулу $(x)(Fx \rightarrow Sx)$, которая и будет представлять форму этого предложения. Затем приводится схема обозначений. Пусть D – множество людей, F – множество холостяков, S – множество неженатых мужчин. Тогда наша формула истинна при принятых обозначениях точно в том случае, когда все холостяки неженаты, если, конечно, мы выразили смысл исходного предложения и записали его в формуле. В результате получилась подходящая система приписываний значений предложениям со словом «холостяк», например «все холостяки неженаты» и «все холостяки являются холостяками». Особенностью такого анализа является именно обоснование истины, поскольку утверждение, что холостяки не женаты, будет аналитическим, и знания о смысле слов будет вполне достаточно для обоснования его истинности. Такой подход объяснил бы учение о том, что аналитические истины могут быть априорным знанием. Однако есть затруднения. Определение холостяка, придуманное в свое время Муром как пример аналитичности, хотя и кажется банальным, на самом весьма остроумно.

«Нестандартность» его можно пояснить на примере анализа у Канта, при котором выявляются затруднения. Кант считает суждения «Все тела протяженны» и «Все тела обладают весом» априорными. На самом деле такое сочетание суждений о протяженности и весе тел выглядит странно. Ведь Кант согласен с Ньютоном, и одной из его целей было обосновать достоверность соответствующей физической теории, с которой Кант был хорошо знаком. В физике Ньютона важную роль играет точечная масса. Возникает вопрос: хотел ли Кант изгнать понятие материальной точки из категории тел по определению? Именно поэтому определение тела через протяженность (из уважения к Декарту) и тяжесть (из уважения к Ньютому) только запутывает ситуацию. Возможность подобных соображений в сложных случаях анализа показывает, насколько адекватен пример Мура с утверждением «Все холостяки не женаты».

Комбинируя признаки синтетичности и априорности по наличию и отсутствию попарно, мы получаем четыре категории. Ясно, что апостериорные знания не могут быть аналитическими. Искать опытных свидетельств для аналитического суждения – значит не понимать его смысла. Однако опять возникают затруднения. Ведь при этом предполагается, что смысл уже известен, а это плохо состыкуется с неясностью по поводу аналитичности или синтетичности суждений о тяжести тела. Если обратиться к примеру с холостяками, ситуация становится более наглядной. Совершенно ясно, что социологические опросы подтвердят, что они неженаты, но сам факт проведения опросов отрицает возможность прямого усмотрения смысла проверяемого таким образом предложения о холостяках, поскольку не согласуется с наличием более легкого способа обоснования – а именно, как языковой конвенции, правила употребления языка.

Кантовы синтетические априорные суждения представлены в естествознании того времени (физике, астрономии и химии). Их обоснование заключалось в наблюдении соответствующих фактов, и поэтому мы отчасти получаем ответ на вопрос, как именно получены научные результаты. Но, как уже отмечалось, априорное знание у Канта описано через отрицание апостериорного, без разъяснения особого способа его обоснования. Поэтому остается открытым вопрос о его положительной характеристике. Кант полагал, что логика известна априори, и при этом аналитична, и это обосновано известными значениями логических связей, которые фигурируют в формулировках законов. Такое понимание связей было, по всей видимости, более правдоподобным, чем появившиеся позднее ссылки на психологию, распространенные в XX в., за которыми потом в логике последовала ясно сформулированная антипсихологическая установка.

Кант, как известно, выделил априорные синтетические суждения как достоверное и информативное знание. Истины такого рода не обосновываются опытом, но при этом не могут быть обоснованы и смыслом слов, с помо-

щью которых их формулируют. Но тогда нужно ясно объяснить, как они могут быть получены или распознаны. Именно поэтому Кант задается вопросом, как возможно и возможно ли вообще синтетическое априорное знание, и именно этот вопрос ведет к его знаменитой критической философии, что означает, что таковая оправдана только при допущении синтетических априорных суждений.

Чтобы оценить значимость примера, по поводу которого спорят уже очень долго, проведем еще одно, третье различие, на этот раз между необходимыми и случайными (контингентными, или фактическими) истинами. Кант утверждает, что опыт учит нас тому, что предметы обладают определенными признаками, но ни в коей мере не дают знания о том, что иначе и быть не может, т. е. что эти признаки необходимы. В тех чувственных способах познания, с помощью которых мы видим цвета или видим (ощущаем) формы предметов и характер их поверхности, мы не получаем опыта о необходимости или (не реализованной в действительности) возможности. Мы получаем только знание о действительном. Кант полагал, что знание о необходимости априорно. Очевидно, мы видим или иначе ощущаем свойства предмета, но при этом такой опыт не показывает нам, каким предмет мог бы быть. Воспринимается непосредственно только действительное, а не возможное или необходимое. Можно несколько дополнить пример и сказать, что восприятие по природе причинно [Grice, 1965], а причинность не возникает между тем, что действительно, и тем, что лишь возможно, но не является действительным. Поэтому никакое знание не может быть получено опытом, а значит, модальное знание (т. е. знание о необходимом или только возможном, но не действительном положении дел) не может быть апостериорным. Кант же полагал, что оно априорно.

Стандартный пример показывает, что ничто не может быть одновременно красным и зеленым в одно и то же время и одном и том же месте. Эти цвета исключают друг друга, и это кажется необходимой истиной. В общем случае, разные значения некоторой измеренной величины исключают друг друга с необходимостью – если человек двухметрового роста, то это значит, что его рост не равен полутора метрам.

Невозможно представить себе, чтобы предмет обладал двумя такими характеристиками, и именно воображение представляет собой путь к знанию о возможном и необходимом. Признав, что с необходимостью один и тот же предмет не может быть красным и зеленым, мы должны согласиться с тем, что это знание априорно. Но тут же возникают трудности. Красное и зеленое – это простые характеристики предметов, настолько простые, что невозможно привести для них определение, которое состояло бы из более фундаментальных простых характеристик. По этой причине для них нет определений, на основании которых можно доказать, что эта несовместимость необходима, а значит, что такое суждение о несовместимости не ана-

литично. Но оно необходимо истинно, и получается, что его нужно отнести к синтетическим суждением априори. Этот пример подробно обсуждался в литературе, и не было предложено таких характеристик с соответствующими названиями, чтобы достоверно обосновать в этом случае аналитичность [Putnam, 1956].

Тот факт, что разные значения измеренной величины исключают друг друга, показывает, что имеется достаточно широкий набор примеров априорного знания. И эти примеры уже порождали бы философски значимые вопросы. Однако Кант еще полагал, что математика вся состоит из синтетических априорных суждений и что эта наука в целом представляет собой обширный и системно организованный пример синтетического априори. В ней нет экспериментов с треугольниками и числами, нет полевых исследований. Математики, как представляется, ограничиваются только размышлениям над проблемами своей науки, и трудно даже представить себе, какая из наук может в большей мере быть априорной.

Соответственно, Кант утверждает, что истины чистой математики несут в себе необходимость, которую невозможно вывести из опыта. Это традиционный взгляд на характер математических истин, а поэтому если необходимость как таковую можно знать только априорно, то необходимость чистой математики была бы установлена априорностью самой *необходимости*. Но Кант имеет в виду, что необходимость математической истины неотделима от математической *истины*, связана с ней, а поэтому если модальность известна априорно, то и математика как совокупность теорем тоже известна с необходимостью. Он доказывает, что математика чисел синтетична, посредством анализа своего известного примера о сумме двух чисел, когда $7 + 5 = 12$. По его мнению, понятие суммы 7 и 5 не содержит ничего, кроме соединения двух чисел в одно, и при этом число 12 не является только соединением двух чисел, оно еще существует и само по себе. Необходимо выйти за пределы понятий 7 и 5, и даже понятия сложения, и вспомнить примеры того, как интуиция счета на пальцах или соединение разных количеств точек приводят к возникновению числа 12.

Кажется, что Кант мог бы предложить лучшее обоснование того, что большая часть чистой математики синтетична. Когда Юм разбудил Канта от догматического сна, он убедил его, что суждения существования не являются аналитическими (например, что всякому событию предшествует его причина). Выражаясь словами Юма, мы сказали бы, что существование всегда фактично и никогда не представляет собой связь идей. Юм обращается к этому принципу, когда в Диалоге о религии [Hume, 1948] говорит об аналитичности аргументов, например, о доказательстве существования Бога у Ансельма. Невозможно породить предметы только обращением к смыслу слов, которыми вы их обозначаете. Утверждение, что предложения существования не аналитичны, представляет собой устойчивую философскую

идею. Нужно обратить внимание, что доказательств существования много в математике – например, о бесконечном числе простых чисел, пяти правильных телах, неразрешимые предложения в *Principia Mathematica* [Whitehead, Russell, 1927] и подобных системах. Почти любая аксиоматизация раздела математики содержит аксиомы существования.

Отсюда следует, что некоторые истины математики являются синтетическими, а поэтому, когда мы говорим, что они априорны, то именно математика дает пример множества синтетических априорных знаний. Центральный вопрос критической философии Канта заключается как раз в том, как возможно синтетическое априорное знание в разных областях науки, в частности, геометрии или физике.

Кант умер в 1804 г., а через 80 лет Фреге опубликовал свою книгу «Основоположения арифметики» [Frege, 1959]. В свое время этой книге не уделили достаточного внимания, хотя сейчас она считается очень важным вкладом в философию математики. Цель философского исследования Фреге состояла в том, чтобы частично опровергнуть критическую повестку Канта. Он был согласен с Кантом в том, что геометрия представляет собой синтетическое априорное знание (хотя при этом не очень ясно, считал ли он пространство трансцендентально идеальным). Но арифметику он точно считал аналитической.

В обоснование такого подхода к арифметике Фреге позаимствовал у Канта утверждение, что логика аналитична. Основная трудность заключалась в том, чтобы показать, что теория чисел сводима к логике, т. е. что базовые, «примитивные» термины теории чисел определены через логические термины и что законы теории чисел выводимы из этих определений и логических правил и законов.

Другие философы тоже утверждали сводимость в разных областях знания, а именно на том основании, что одни составляющие знания (например, ценности) сводятся к другим составляющим (например, желаниям). Однако Фреге не просто утверждал сводимость, но детально описал процесс сведения. Этим он положил начало конструктивистской традиции в аналитической философии, к которой принадлежали Б. Рассел, Р. Карнап, Н. Гудмен и Дэвид Льюис. Тезис Фреге, что теория чисел сводима к логике, можно назвать логицизмом в узком смысле этого слова, по существу, редукцией. Из этого тезиса и посылки об аналитичности логики также вытекало, что и теория чисел аналитична. Такое обоснование математики тоже можно назвать логицизмом, хотя и в несколько более широком смысле, когда базовые истины представлены арифметикой, а не логикой.

Логицизм задумывался как отрицание взгляда Канта на математику как истины, основанной на синтетическом априори, т. е. постулатах об особых свойствах пространства и времени, которые к логике уже не относятся, а значит, не аналитичны, а синтетичны априори.

Фреге сформулировал свою трактовку аналитичности и априорности в параграфе 3 «Основоположений арифметики» [Frege, 1959]. В примечании он пишет, что не намерен приписывать новый смысл этим терминам, но только сформулировать аккуратно тот смысл, который вкладывали в них его предшественники, в частности Кант. Это, безусловно, натяжка. Фреге пишет, что различия между априорным и апостериорным, аналитическим и синтетическим касаются оснований для принятия суждений, а не их содержания. Частично его цель состоит в том, чтобы очистить исследование от так называемого «психологизма». Фреге не устраивало Кантово обоснование синтетического априори через трансцендентальную психологию, в том числе и для обоснования для теории чисел. Однако даже сама формулировка различия с использованием ссылки на суждения может привести к недоразумениям относительно взглядов Фреге. Через восемь лет после «Основоположений арифметики» он опубликовал свою статью о смысле и указании [Frege, 1960]. Частично именно здесь Фреге признал возможность нефизических, и в то же время не ментальных абстрактных объектов, к которым отсылают предложениями языка. Он называл их мыслями, но и это название не совсем подходит, потому что эти «мысли» не являются психологическими объектами.

Термины « $7 + 5$ » и « $15 - 3$ » могут иметь разный смысл, но указывать на одно и то же число, а предложения « $7 + 5 = 12$ » и « $15 - 3 = 12$ » выражают разные смыслы или, точнее, мысли, при этом указывая на одну и ту же вещь, а именно, истинностное значение, в данном случае истину. Мысли суть смыслы предложений, и смыслы эти не психологические. Как будто грамматический состав предложения проецируется на состав мысли, состоящей из смыслов и психологического соединения суждения, состоящего из идей. Там, где Кант формулирует свои различия как различия суждений, понятий ментально, Фреге сформулировал бы это как мысли, которые представляют собой абстракции, но покрытые налетом субъективности.

Скорее всего, Фреге старался различить психологическое и логическое, субъективное и объективное. Он пишет, что когда суждение называют апостериорным или аналитическим, то, в его понимании, это не суждение о том, как мы могли бы образовать содержание суждения в нашем сознании. Также он не имеет в виду выяснить, на основании каких мотивов мы могли бы согласиться с тем или иным суждением, потому что речь идет о предельных основаниях, на которых покоится обоснование нашего принятия его как истинного.

Следует обратить внимание на безличные определенные артикли в тексте (которые мы здесь передадим указательными и притяжательными местоимениями): *то* самое предельное основание, *не ваше и не мое*, но Божественное; и обоснование, *то* самое, одно и только одно, единственное. Фреге утверждает, что для того, чтобы установить, является ли истина ана-

литической или синтетической, априорной или апостериорной, надо найти доказательство суждения и проследить его к самому началу, к базовым, первичным истинам, обозначенным особым немецким словом *die Urwahrheiten* («первичные истины», опять безличный определенный артикль!).

Тем самым Фреге положил начало аналитическому стилю философии, который презентует себя как исключительно ясный в изложении идей и точности обоснований и доказательств. Он очень серьезно воспринимает способ обоснования, аксиоматический метод, широко известный в среде философов, и воспринимает его даже серьезнее, чем другие философы. Среди философов тогда появилась тенденция к сомнению в самой идее основания познания, в том, что есть так называемые «эпистемические начала», как их обозначил однажды Н. Гудмен.

Характеристика «эпистемический», предложенная Н. Гудменом, вряд ли выражает, насколько радикален подход Фреге. Многие склонны полагать, что есть реальность, независимая от нас и наших убеждений и концептуальных схем, и эта реальность представлена миром галактик и ледников, кварков и струн, а может быть, даже чисел и геометрических объектов.

Эти объекты подчиняются законам, которые мы не создаем, но лишь открываем, и то если повезет. Фреге же полагает, что есть самостоятельный дедуктивный порядок истинных утверждений. И это не эпистемический порядок, а последовательность, в которой мы (в лучшем случае мы, а в общем случае какие-то рациональные существа, которые умнее нас, или даже Бог) предлагаем обоснования для выводных истин, переходя к ним с помощью законов логики, взяв в качестве посылок те самые знаменитые первичные истины. И это уже даже вообще не эпистемический, а логический порядок, и наша задача заключается в том, чтобы привести наши утверждения в такой же сугубо логический порядок, если, конечно, мы сможем это сделать.

Возьмем геометрию Евклида. После Гильберта «со товарищи» можно представить себе, что это какая-то исторически заданная совокупность предложений. Из нее мы каким-то способом выбираем определенное число в качестве базовых, или первичных (аксиомы и постулаты). Затем из них выводятся все остальные истинные утверждения в качестве теорем. Если допустить, вслед за Фреге, что геометрия в целом как теория является истинной (т. е. каждое утверждение теории истинно), то должно получиться, что только одна из возможных реконструкций в виде дедуктивной системы является правильной (*sound & complete*, формально корректна и материально адекватна), задает множество теорем (включая аксиомы) без противоречий и содержит в точности только истинные утверждения, т. е. по необходимым и достаточным признакам точно совпадает с множеством истинных утверждений у Евклида. Иначе говоря, все истины геометрии доказуемы (непротиворечивость, *soundness, consistency*, т. е. согласованны с исходным множеством), а все доказуемое истинно (полнота, *completeness, adequacy*).

Тогда получается, что дедуктивная система совпадает с исходным реконструируемым множеством истин, представленных истинными утверждениями Евклидовой геометрии.

Но тут могут возникнуть трудности в связи с трактовкой параллельности. Хорошо известно, что если даны линия на плоскости и точка вне этой линии, то существует одна и только одна линия, проходящая через отмеченную точку, которая параллельна исходной линии на этой плоскости. У Евклида речь идет о пересекающихся линиях, когда через заданную точку проводится перпендикулярная линия, и доказывается при этом, что она будет единственной.

Другой пример. Евклид доказал с помощью постулата о параллельных, что если углы двух треугольников равны, а стороны пропорциональны, то треугольники подобны. Биркгоф и Битли доказали, что можно геометрию аксиоматизировать, принимая только принцип подобия, и вывести при этом постулат о параллельных [Birkhoff, Beatley, 1959].

В подобной ситуации Фреге вынужден будет сказать, что одна из аксиоматизаций искажает логический порядок исходной геометрии Евклида. Но ведь множество теорем совпадает! Поэтому неясно, что именно определяет единственность логического порядка изложения множества истины, т. е. дедуктивной системы, а ведь без способа идентификации объекта он просто не существует для нас (*no entity without identity*). Иначе говоря, разные способы установления порядка за счет выбора первоначальных истин и дедуктивных правил ведут к одному и тому же набору истин, что для Фреге в каком-то смысле «неправильно». И вот парадокс чисто эпистемологический. Заключение вытекает из посылок и может даже быть в составе этих посылок (что не запрещено правилами логики, из любого утверждения вытекает оно само), и поэтому дедуктивные логические заключения могут множиться бесконечно, даже при использовании одного утверждения.

Теперь рассмотрим обратное отношение, т. е. отношение, которое соотносит заключение с посылками, из которых оно вытекает. Понятно, что такие посылки, в свою очередь, могут вытекать из других посылок. Фреге предполагает, что обратный логический порядок должен останавливаться. Он утверждает, что для того, чтобы установить, является ли истина аналитической или синтетической, априорной или апостериорной, мы должны найти доказательство тезиса и проследить его обратно к примитивным истинам. Эти исходные истины представляют собой точки остановки процесса установления обратного логического порядка. И здесь уже возникает вопрос о том, должны ли существовать такие исходные истины, которые предстоит еще рассмотреть.

Фреге утверждает, что если примитивные истины, из которых вытекает доказательство предложения, являются общими логическими законами и определениями, то истина является аналитической. (Предположительно,

он имеет в виду сочетание двух разнонаправленных условных суждений, т. е. эквивалентность, как иногда поступают в математике, доказывая правильность оборота «если и только если»). Но он отмечает, что следует принять во внимание все предложения, от которых зависит допустимость определений в качестве вспомогательных средств построения доказательств и их «обратном» анализе. Очевидно, что такое объяснение аналитичности предполагает, что общие логические законы являются теми самыми «исходными истинами», что упоминались выше. Здесь следует задаться вопросом о том, какие логические законы являются общими и что значит для определений быть зависимым от суждений, т. е. от каких-то внешних для определений обстоятельств. Это вопрос о двух разных характеристиках определений как номинальных (для имен), так и реальных (для предметов или области рассуждений). Номинальные («холостяк») могут быть правильными или неправильными и отражают правила языка. По сути, это сокращения каких-то сочетаний базовых понятий. Реальные зависят от фактов, которые характеризуют предметную область, могут быть истинными или ложными, а поэтому служат средством существенной систематизации предметной области.

Тайлер Бердж использует термин «общее», чтобы обозначить, что все кванторы в первичных истинах (Urwahrheiten) должны быть универсальными [Burge, 2005]. Если перевести (переформулировать) единичные термины и функциональные знаки в предикаты, то окажется, что все начальные кванторы общности, которые обязательно появятся при замыкании формул с целью связать свободные переменные, приведут к идее, что никакое утверждение существования аналитическим быть не может. А такое истолкование ситуации, как признает сам Бердж, не очень согласуется с текстами Фреге.

Тут в дело вступают контекстуальные определения. Известно, что определенная дескрипция, например «та собака, которая меня укусила», верна только в том случае, если истинны два предположения: во-первых, существует собака, укусившая меня; и, во-вторых, не было двух собак, которые меня кусали. Первое – это условие существования; второе – условие единственности. Такой взгляд на определенные дескрипции принадлежит, как известно, Расселу, но у Фреге он тоже прослеживается применительно к математическим функциям. Действительно, как и дескрипция, знак n -арной функции допустим только в том случае, если для каждого n -местного набора ее аргументов существует значение (существование), и при этом не более одного (уникальность). Именно условия существования и единственности как раз и могут быть тем, что Фреге имел в виду под условиями, от которых зависит допустимость определений.

Отличительная особенность аксиоматизаций натуральных чисел, которые во второй половине XIX в. осуществили Грассманн (1861), Пирс (1881),

Дедекинд (1888) и Пеано (1889), заключается в том, что аксиомы содержат рекурсивное определение. Во-первых, существует начальное натуральное число ноль, которое не является приемником какого-либо натурального числа, но при этом каждое натуральное число имеет последователя. (Математическая индукция, так же известная, как вывод от n к числу $n + 1$, говорит, что последовательность натуральных чисел построена именно таким способом; это ограничительный принцип.) Хотя Фреге не использует термин «условие материальной адекватности» для определений, эти аксиомы натуральных чисел играют именно такую ограничительную роль. Чтобы установить адекватность таких определений, нужно вывести эти аксиомы из логических законов и определений. Только тогда будет обоснована идея логицизма (в узком смысле). Фреге знал, что нужно получить доказательства существования, и поэтому, даже если общие логические законы начались бы с кванторов общности, все равно для определений и из определений нужно получить доказательства существования.

Как известно, для этого Фреге предложил считать предикаты особыми функциями над индивидами (последовательностями индивидов) из предметной области, со значениями «истина» и «ложь» в случае наличия или отсутствия у такой последовательности соответствующего предикату признака (отношения, в общем случае).

В «Основоположениях арифметики» то отношение, которое сейчас принято обозначать $\{x \mid Fx\}$, считается исходным (неопределяемым) [Frege, 1959]. Тем не менее это отношение превращает предикаты в единичные понятия (термины), а по факту – в определенные дескрипции. И для каждого предиката, заменившего функцию, в его системе мы получаем подобную определенную дескрипцию, и она при этом допустима, только если выполнены условия существования и единственности. А это в точности условия осмысленности (интенциональности) и экстенциональности (наличия соответствующих последовательностей в области определения функции). При этом может существовать другое описание (функция с другим интенционалом) с этим же набором последовательностей. Отсюда, однако, получаем, что $\{x \mid Fx\} = \{x \mid Gx\}$, а значит, $(x)(Fx \equiv Gx)$.

При этом $y = \{x \mid Fx\}$, если и только если $(z)(z \in y \equiv Fz)$, и дальше получаем, что для любого F найдется такой y , что относительно него выполняется утверждение $(z)(z \in y \equiv Fz)$.

Тогда оказывается, что «общее» в анализе Фреге следует противопоставить не частным (экзистенциальным) суждениям, а единичным, которые выделяются уже не предикатами, а собственными именами. При такой трактовке объяснения аналитичности у Фреге она не исключает аналитичность аксиом существования для натуральных чисел, что и стремится доказать Фреге. Но тогда сомнительным оказывается постулат, что никакое утверждение о существовании не является аналитическим.

Таким образом, реконструкции аналитичности в традиционной логике и современной логике предикатов оказываются сходными по самым общим признакам, но различны в существенных деталях. Важный вывод состоит в том, что определение аналитичности содержит контекстуальное определение, построенное способом, сходным с определенными дескрипциями Рассела. В результате первичные, базовые утверждения для логических реконструкций аналитичности содержат утверждения существования и единственности, что указывает на важную особенность дедуктивных теорий как в математике, так и вообще в науке.

Список литературы / References

- Birkhoff G. D., Beatley R.** Basic Geometry. New York, Chelsea, 1959.
- Burge T.** Truth, Thought, Reason: Essays on Frege. Oxford, Clarendon Press, 2005.
- Frege G.** On Sense and Reference. *Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege*. Eds. P. Geach and M. Black. Oxford, Basil Blackwell, 1960, p. 56–62.
- Frege G.** The Foundations of Arithmetic: A Logico-mathematical Enquiry into the Concept of Number. Transl. by J. L. Austin. Oxford, Basil Blackwell, 1959.
- Grice H. P.** The Causal Theory of Perception. In: *Perceiving, Sensing, and Knowing*. Ed. by R. J. Swartz. Garden City, New-York, Doubleday Anchor, 1965, p. 438–472.
- Hume D.** A Treatise of Human Nature. 2nd ed. Ed. by P. H. Nidditch. Oxford, Clarendon Press, 1978.
- Hume D.** Dialogues Concerning Natural Religion. Ed. by H. D. Aiken. New York, Hafner, 1948.
- Putnam H.** Reds, Greens, and Logical Analysis. *Philosophical Review*, 1956, vol. 65, p. 206–217.
- Whitehead A. N., Russel B.** Principia Mathematica. Cambridge UP, 1927.

Материал поступил в редколлегию

Received
03.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Карпович Валентин Никонович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Valentin N. Karpovich, Dotor of Science (Philosophy), Leading researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

kkvvn@gmail.com

УДК 101.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52

Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте

В. С. Диев

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предлагаемая статья отражает методологическую позицию автора, заключающуюся в том, что феномены неопределенности и риска рассматриваются в контексте проблем принятия решений. Показано, что возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет принципиально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Риск – интегральный показатель, сочетающий в себе оценки, как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий. Всякий субъект обладает собственной системой предпочтений, поэтому не существует универсального функционала, интегрирующего оценки вероятностей и последствий. В итоге субъект выбирает ту альтернативу, которая наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. Дополнена типология неопределенностей в задачах принятия решений, ранее разработанная автором.

Ключевые слова

общество, философия, наука, случайность, Черный лебедь, рациональность, ценности, методология, управление

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452

Для цитирования

Диев В. С. Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 41–52. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52

© Диев В. С., 2019

Uncertainty, risk and decision-making in an interdisciplinary context

V. S. Diev

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article reflects the author's methodological position that the phenomena of uncertainty and risk are considered within the context of decision-making problems. It is shown that the ability to quantify the probability of the occurrence of possible events makes it possible to fundamentally distinguish between risk situations and situations of uncertainty. Risk is the result of a decision and is always associated with a person who not only makes a choice, but also estimates the probabilities of possible outcomes and related losses. Risk is an integral indicator that combines estimates of both the probability of a decision and of the quantitative characteristics of its consequences. Every person has her own system of preferences, therefore there is no universal functional integrating estimates of probabilities and consequences. As a result, a person chooses the alternative that most closely matches her goals, assessments and value system. The typology of uncertainties in decision-making tasks, previously developed by the author, is supplemented.

Keywords

society, philosophy, science, chance, Black Swan, rationality, values, methodology, management

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 18-011-00452

For citation

Diev V. S. Uncertainty, Risk and Decision-Making in an Interdisciplinary Context. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 41-52. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52

Такие понятия, как «неопределенность», «риск», «случайность» и связанные с ними проблемы вызывают оживленные дискуссии в современной философии и общественном знании. Этот интерес обусловлен рядом причин, отмечу только три наиболее важные, на мой взгляд. Прежде всего, то, что современное общество все чаще называют «обществом риска», поэтому сегодня обществовед, будь то философ, социолог, антрополог или культуролог, не может пройти мимо этого понятия. Полагаю, что информационное общество корректно рассматривать как общество знаний и, разумеется, как общество риска, поскольку, открывая новые возможности, оно создает и риски, которых не было ранее. В качестве второй причины назову работы Нассима Талеба, посвященные неопределенности и риску, которые сделали эту проблема-

тику не только актуальной, но и модной. Просто напомним, что книги Талеба переведены более чем на тридцать языков, а их тираж превысил десять миллионов экземпляров. В мире продано более трех миллионов экземпляров его самой известной книги «Черный лебедь». В-третьих, неопределенность является условием нашей жизни, и необходимо учиться действовать с учетом этого фактора. В любой сфере человеческой деятельности неопределенность невозможно исключить из рассмотрения, и в связи с этим возникает общая проблема анализа поведения человека в условиях неопределенности, которая имеет философский и методологический характер. Предлагаемая статья отражает методологическую позицию автора, заключающуюся в том, что феномены неопределенности и риска рассматриваются в контексте проблем принятия решений. Дело в том, что любую человеческую деятельность без особых интеллектуальных усилий легко представить как цепочку принятия решений. Всякий сознательный человек преследует определенные цели и принимает соответствующие решения, связанные с их достижением. Полагаю, что можно было бы даже определить человека как существо, принимающее решения. Этим бы подчеркивалось, что принятие решения – это деятельность, в основе которой лежит привлечение и проявление самых разных, но присущих только человеку потенциалов – интеллектуальных, волевых, эмоциональных, духовных, нравственных. Каждый из нас постоянно сталкивается с ситуациями, которые не полностью определены, с проблемами, которые прежде не возникали, но они, тем не менее, требуют принятия решений. Выбор решения не только происходит в условиях неопределенности, но и порождает ее. Принятие решений в условиях неопределенности является, по существу, выбором той или иной возможности из их многообразия, а сам процесс принятия решений неразрывно связан с превращением неопределенности в определенность.

Свою методологическую позицию я представил в многочисленных публикациях, (см., например: [Диев, 2010; 2011; 2013; 2018]). К сожалению, ряд моих тезисов, изложенных в этих публикациях, оказался не понят или неправильно понят. Так, в статье коллег из Нижнего Новгорода [Дорожкин, Соколова, 2015] в мой адрес было высказано два замечания, на которые считаю необходимым ответить.

Мне представляется методологически целесообразно начать с замечания относительно риска. Уважаемые коллеги пишут:

Чаще всего неопределенность понимается как условие, принимаемое для составления более точного прогноза будущей экономической ситуации. В данном случае близким по содержанию выступает понятие риска. Задачи исследования неопределенности в таком случае зачастую сводятся к попыткам расчета степени неопределенности: «Для оценки риска сначала необходимо «измерить» неопределенность, возникающую в результате принятия решений субъектом, т. е. определить и дать количественную характеристику вероятности возможных событий» [Диев, 2011]. На основа-

нии этого можно заключить, что в экономике неопределенность используется для характеристики ситуации нестабильности, когда прогностические суждения носят сугубо вероятностный характер. В экономических работах понятие риска используется намного чаще, чем в естествознании, и здесь, так же как в анализируемой выше работе, *понятие «риск» не раскрывается* (курсив мой. – В. Д.). Опять же из контекста работы можно сделать вывод о том, что риск в подобных работах есть риск, обусловленный несовпадением реальной экономики и моделей экономического развития [Дорожкин, Соколова, 2015. С. 7].

Прежде всего, отмечу, что в своей работе [Диев, 2011. С. 85] даю следующее определение риска. Возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет принципиально различать ситуации риска и ситуации неопределенности. Рискованная ситуация является разновидностью неопределенной, когда можно оценить вероятность реализации решения с учетом влияния природной среды, действий партнеров, противников и т. п. В ситуации риска существует количественная оценка последствий принимаемых решений, чего нельзя сделать в ситуации неопределенности, и это является ключевым фактором, различающим риск и неопределенность. Для описания этой ситуации требуется совокупность понятий: <Субъект, Решение, Вероятность, Потери>. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, который не только осуществляет выбор, но и оценивает вероятности возможных событий и связанные с ними потери. Риск – интегральный показатель, сочетающий в себе оценки, как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий. Рискуя, субъект выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Ключевым здесь является вопрос об измерении риска, поскольку нельзя осуществлять рациональный выбор из возможных линий поведения, пока риск не оценен. Подчеркну, что *риск является интегральной характеристикой*, сочетающей в себе оценки и вероятностей реализации решения, и его последствий.

Мне кажется, что можно соглашаться или не соглашаться с этим определением, но не заметить его сложно, если не читать статью «по диагонали». Мое определение носит междисциплинарный характер и никак не привязано к экономике или к какой-то другой науке. Активное обращение к проблематике риска, проходящее через целый спектр научных дисциплин, говорит о том, что эти вопросы весьма важны как для современного общества, так и для теоретического знания. Анализ современного состояния исследований по проблемам риска показывает, что отсутствует единое понимание этого феномена различными науками. Для этого есть свои основания. Сегодня риск является междисциплинарной областью знания, этот термин приобрел статус общенаучного понятия, выходящего за пределы той или иной частной науки либо их специфической группы. На сегодняшний

день не существует общепринятого определения риска, что приводит порой просто к взаимному непониманию представителей различных наук, хотя вроде бы обсуждается один феномен. Ряд авторов использует это термин, не давая ему никакого определения вообще. Так, в знаменитой книге У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» нет ни одной дефиниции риска!

Отмечу, что в литературе, посвященной социально-экономической проблематике, часто смешивают понятия «риск» и «неопределенность». Так, с началом реформирования российской экономики, статьи и книги с терминами «риск» и «неопределенность» стали появляться в несметном количестве. При этом авторы таких публикаций не слишком утруждали себя точным определением этих понятий. Кроме того, риск часто подменяют понятием «неопределенность». Хотя еще в 1921 г. американский экономист Ф. Найт впервые ввел различие между понятиями «неопределенность» и «риск», при этом он специально подчеркивал принципиальную измеримость риска и характеризовал его как «измеримую неопределенность», в отличие от собственно неопределенности, которая подразумевает невозможность измерения, в частности, в отношении будущих событий. Ф. Найт отмечал, что слово «риск» употребляют весьма вольно: так называют неопределенность любого вида, связанную с непредвиденными обстоятельствами неблагоприятного толка; точно так же термин «неопределенность» подразумевает благоприятный исход. «Мы говорим о риске убытков и о неопределенности выигрыша» [2003. С. 225]. Главное и принципиальное различие между этими понятиями, согласно Ф. Найту, заключается в том, что в одних случаях «риск» означает некое количество, доступное измерению, тогда как в других случаях это нечто совсем иного рода [Там же. С. 30].

Таким образом, возможность количественно оценить вероятность реализации возможных событий позволяет концептуально различать ситуации риска и ситуации неопределенности [Диев, 2011]. Риск является следствием решения и всегда связан с субъектом, поэтому нельзя говорить о риске вне субъекта. Кто-то может заметить, что субъект имплицитно присутствует в решении, и поэтому не требуется его специально выделять. Ведь не может быть решения без субъекта. Но субъект не только принимает решение, но и оценивает как вероятности возможных событий, так и связанные с ними потери. Легко представить ситуацию, когда два человека принимают одинаковые решения, но риск, связанный с их реализацией, оценивают совершенно по-разному. Рискуя, субъект выбирает альтернативу, являющуюся результатом принятого им решения, хотя возможный результат в точности ему не известен. Без принятия решения не возникает и рискованная ситуация и, следовательно, не будет и риска. Без решения нет и риска!

Для оценки риска требуется количественно оценить возможные потери, и, как правило, для этого используются деньги, являющиеся мерой стои-

мости товаров и услуг, играющие роль всеобщего эквивалента, поскольку они выражают в себе стоимость всех других товаров и обмениваются на любой из них. Но оказывается, что подход, при котором «цена потерь» исчисляется в деньгах, далеко не совершенен и приводит к противоречиям, что может служить подтверждением поговорки «не в деньгах счастье». В 1738 г. Д. Бернулли опубликовал в «Известиях Императорской Санкт-Петербургской Академии наук» свою статью «Изложение новой теории об измерении риска», где он сформулировал свой знаменитый Санкт-Петербургский парадокс. Хочу согласиться с мнением П. Бернштейна, который считает, что эта работа является одним из наиболее значительных из когда-либо написанных текстов по проблемам как риска, так и человеческого поведения вообще [2000, С. 118]. В своей статье Д. Бернулли показывает, как предположение о том, что риск определяется только ценой исхода и его вероятностью, приводит к противоречию и парадоксу. Он выдвигает тезис о том, что ценность чего-либо должна иметь основанием не цену, но скорее полезность. Понятие полезности ассоциируется с пользой, желательностью или удовлетворением. Поэтому переменными, подлежащими усреднению, предлагает Д. Бернулли, нужно считать не действительную денежную стоимость исходов, а внутреннюю стоимость их денежных значений. Разумно предположить, писал Бернулли, что внутренняя стоимость денег увеличивается с ростом суммы денег, но в уменьшающейся степени. При этом оценка полезности благ не является простой линейной функцией и зависит от человека, находящегося в рискованной ситуации. Таким образом, знания цены и вероятности еще не всегда достаточно для определения ценности исхода, поскольку полезность в каждом отдельном случае может зависеть от субъекта, делающего оценку. Философско-методологическое значение парадокса Д. Бернулли состоит в том, что он первым показал, что оценка риска зависит от субъекта! При этом деньги, несмотря на всю их универсальность, не могут служить единым средством «измерения» человеческих предпочтений. Каждый субъект имеет свою систему ценностей и реагирует на риск в соответствии с этой системой. Что и отражено в моем междисциплинарном определении риска. Еще раз подчеркну, что *риск – интегральный показатель*, сочетающий в себе оценки как вероятностей реализации решения, так и количественных характеристик его последствий. Интеграцию этих оценок осуществляет субъект, причем вовсе не обязательно используя какой-то универсальный алгоритм или модель. Всякий субъект обладает собственной системой предпочтений, поэтому не существует универсального функционала, интегрирующего оценки вероятностей и последствий [Диев, 2013]. В итоге субъект выбирает ту альтернативу, которая наиболее полно соответствует его целям, оценкам и системе ценностей. В то же время общие методологические подходы к выработке решений в условиях риска

нужны, поскольку человек в такой ситуации хочет иметь рациональную основу для принятия благоразумных решений.

Для дальнейшего изложения мне потребуется цитата из работы нижегородских коллег:

Между тем, отождествляя философию и науку, некоторые исследователи идеи неопределенности механически приравнивают научную неопределенность к философской. Так, В. С. Диев в статье «Риск и неопределенность в философии, науке, управлении» не находит различий между философской и научной неопределенностью, объясняя это тем обстоятельством, что граница между наукой и философией «постоянно сдвигается, и из “ничейной”, читай философской, проблема может стать научной» [Диев, 2011]. Используя известную метафору Б. Рассела о философии как «ничейной земле» между наукой и религией, В. С. Диев заключает, что «вопрос о существовании объективной неопределенности и случайности вышел из философской проблематики и перешел “на землю” естествознания, где на него был дан положительный ответ» [Там же]. Мы полагаем, что с заявлением В. С. Диева о таком решении проблемы неопределенности можно согласиться лишь отчасти. Действительно, в рамках естествознания можно говорить о том, что существует онтологическая неопределенность. Однако это не дает нам основания полагать, что проблема неопределенности является решенной в полной мере [Дорожкин, Соколова, 2015. С. 5–6].

Среди множества дефиниций философии, на мой взгляд, определение Б. Рассела является одним из наиболее образных и понятных. Именно поэтому считаю возможным использовать его, чтобы показать роль философии в решении междисциплинарных проблем [Диев, 2016]. «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все определенное знание, по моему мнению, принадлежит науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия» [Рассел, 1999. С. 19]. Следуя Б. Расселу, я всегда различал и различаю науку и философию, более того, уже в названии моей статьи четко обозначено различие неопределенности в философии, науке и управлении. Почему А. М. Дорожкин и О. И. Соколова считают иначе, объяснить и понять не могу. Так же как не могу понять, что уважаемые авторы понимают под «научной неопределенностью» и «философской неопределенностью». Коллеги пишут о том, что у них нет основания полагать, что «проблема неопределенности является решенной в полной мере». Как известно, важной предпосылкой успешно-

го решения проблемы служит ее правильная постановка. Поэтому хотелось бы понять, в чем же коллеги видят проблему неопределенности?

Жизнь современного человека невозможна без использования достижений науки, которая в ходе своего развития активно осваивает все большую часть территории «ничейной земли», которую ей уступает философия. Полагаю, что к одному из достижений науки XX в. можно отнести доказательство того, что существуют объективная неопределенность и случайность, не зависящие от субъекта. Таким образом, неопределенность и случайность далеко не всегда являются следствиями нашего незнания. Это положение имеет важное методологическое значение для понимания феномена риска. Первоисточником объективной неопределенности, заключенной в основах материи, является мир элементарных частиц. Принцип неопределенности В. Гейзенберга является фундаментальным положением квантовой механики, согласно которому для любой частицы наблюдатель не может одновременно измерить координаты и импульс; то же относится и к другим парам так называемых канонически сопряженных величин (энергия и время, момент количества движения и угол). Отмечу, что принцип неопределенности связывает не только пространственные координаты и импульс, – на этом примере он просто проявляется нагляднее всего. В равной мере неопределенность связывает и другие пары канонически сопряженных характеристик микрочастиц. Главным в соотношении Гейзенберга является взаимодействие между частицей – объектом измерения и инструментом измерения, влияющим на его результаты, при этом принцип неопределенности действует объективно и не зависит от присутствия разумного наблюдателя, который проводит измерения.

Объективная неопределенность существует, и это требуется осознать при принятии решений, но наряду с ней существуют и другие типы неопределенностей, которые также необходимо учитывать. Не менее важно, что неопределенность является не только фактором, но и неотъемлемым атрибутом большинства принимаемых решений. Дело в том, что, выбрав одну альтернативу, человек тем самым отвергает другие возможные. Как известно, трудно что-либо сказать о пути, который не выбран. Отношение человека к миру пронизано неопределенностью в той же мере, как и определенностью, подчеркну лишь единство этих моментов. Неопределенность – характеристика ситуации выбора, возникающего перед человеком при принятии решений. Выбор имеет, прежде всего, объективное основание, в основе которого лежат характеристики проблемной ситуации. При этом нельзя сказать, что решение является «объективным выбором», т. е. результатом реализации некоторой объективной возможности из множества альтернатив, безотносительно к человеку. Выбор осуществляет конкретный человек, обладающий определенными знаниями, имеющий свои предпочтения, цели

и т.д. Представляется достаточно очевидным, что анализ неопределенности в принятии решений должен быть связан с субъектом.

В задачах принятия решений мною выделены следующие основные типы неопределенностей [Диев, 2011]:

- объективная неопределенность («неопределенность природы»);
- неопределенность, вызванная отсутствием достаточной релевантной информации (гносеологическая неопределенность);
- стратегическая неопределенность, вызванная зависимостью от действий других лиц (партнеров, противников, организаций и т. п.);
- неопределенность, порожденная слабоструктурированными проблемами;
- неопределенность, вызванная нечеткостью, расплывчатостью как процессов и явлений, так и информацией, их описывающей.

Приведенную типологию дополню двумя комментариями. Во-первых, очень часто неопределенность трактуют как недостаток информации. Но проблемные ситуации, связанные с неопределенностью, возникают не только при дефиците информации, но и при ее избыточности. Недостаток информации мешает понять взаимосвязь между элементами проблемной ситуации, получить о ней целостное и адекватное представление. Избыток же информации в силу множественностей связей между различными элементами проблемной ситуации также усложняет процесс ориентации в этих условиях, что с необходимостью требует выделения наиболее значимых элементов, определения их удельного веса. Таким образом, и в том, и в другом случае требуется специальная работа по устранению неопределенности информации, поскольку для принятия решений требуется релевантная информация. Во-вторых, в реальных задачах могут присутствовать одновременно несколько типов неопределенности. Тем не менее решения необходимо принимать и в самых сложных ситуациях, когда невозможно проанализировать все неопределенные факторы. Подчеркну, что решение принимается всегда конкретной личностью, с определенными знаниями, опытом, мировоззрением, от которых характер решения зависит порой в большей степени, чем от обстоятельств. Так как человек является полностью ответственным за формулировку проблемы, выработку решения и его принятие, то он вынужден интегрировать различные неопределенные факторы, для того, чтобы получить свою субъективную оценку имеющейся неопределенности.

Приведенная типология не учитывает еще один тип неопределенностей, о котором много говорят в последние годы. Речь идет о концепции «Черных лебедей» Н. Н. Талеба. Он так определяет эти события: «То, что мы будем называть Черным лебедем (с большой буквы), – это событие, обладающее следующими тремя характеристиками. Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной

силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось. Делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [Талеб, 2009. С. 10]. В книге «Черный лебедь» есть пример про индюшку, которую каждый день кормит мясник. Каждый день уверенность индюшки статистически увеличивается и подтверждает индюшке, что мясник любит индюшек. И это продолжается долгое время. В ноябре есть один день, когда очень не выгодно быть индюшкой, это День благодарения минус два дня. Происходит то, что будет большим сюрпризом для индюшки. Что же делать человеку, когда «прилетает» «Черный лебедь»? У Н. Талеба можно найти такой ответ: «Конкретного наблюдателя, который не в состоянии их предсказать, мы называем “индюшкой”; Черный лебедь застаёт такого наблюдателя врасплох и больно его бьет. Я утверждаю, что в основном историю делают Черные лебеди, мы же стремимся как можно точнее описать обычные события – и развиваем модели, теории и воззрения, которые, по всей видимости, не в состоянии ни отследить Черных лебедей, ни измерить вероятность подобных потрясений» [Талеб, 2017. С. 24]. В таких случаях Нассим Талеб рекомендует сосредоточиться на последствиях, которые вы можете знать, а не на вероятности события, которую вы можете не знать: «... для принятия решений вы должны сосредоточиться на последствиях (которые вы можете знать), а не на вероятности события (степень которой вы знать не можете) – это *главное правило идеи неопределенности* (курсив Н. Талеба. – В. Д.). На этом фундаменте можно построить общую теорию принятия решений. Все, что нужно делать, – смягчить последствия» [Талеб, 2009. С. 340–341]. Замечу, что одной из наиболее известных моделей принятия решений в условиях неопределенности является принцип максимина, разработанный в теории игр. Согласно этому принципу каждое решение оценивается по наихудшему результату для этого решения, и в качестве «оптимального» решения выбирается приводящее к наилучшему из наихудших результатов. Главным же средством от «Черных лебедей», по мнению Н. Талеба, может стать антихрупкость (подробнее об этом см.: [Талеб, 2017]).

Список литературы / References

- Бернштейн П.** Против богов: Укрощение риска. М.: Олимп-Бизнес, 2000.
Bernstein P. Protiv bogov: Ukroshchenie riska [Against the Gods: The Remarkable Story of Risk]. Moscow, OlBuss, 2000.
- Диев В. С.** Управление. Философия. Общество // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 35–41.

- Diev V. S.** Upravlenie. Filosofiya. Obschestvo [Management. Philosophy. Society]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2010, no. 8, p. 35–41. (in Russ.)
- Диев В. С.** Риск и неопределенность в философии, науке, управлении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2 (14). С. 79–89.
- Diev V. S.** Risk i neopredelennost v filosofii, nauke, upravlenii [Risk and uncertainty in philosophy, science and management]. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politology*, 2011, no. 2, p. 79–89. (in Russ.)
- Диев В. С.** Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 4–11.
- Diev V. S.** Ratsionalnie resheniya: kriterii, modeli, paradoksy [Rational Solutions: Criteria, Models, Paradoxes]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2013, no. 8, p. 4–11. (in Russ.)
- Диев В. С.** Междисциплинарные проблемы: новые возможности философии // Философия науки. 2016. № 4 (71). С. 3–12.
- Diev V. S.** Mezhdistsiplinarnye problemy: novye vozmozhnosti filosofii [Interdisciplinary problems: new opportunities for philosophy]. *Philosophy of Science*, 2016, no. 4, p. 3–12. (in Russ.)
- Диев В. С.** Рациональный выбор в условиях риска: методологические и ценностные основания // Философские науки. 2018. № 5. С. 48–58.
- Diev V. S.** Ratsionalnii vibor v usloviyah riska: metodologicheskie i tsennostnyye osnovaniya [Rational choice under the risk conditions: methodological and value-based grounds]. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2018, no. 5, p. 48–58. (in Russ.)
- Дорожкин А. М., Соколова О. И.** Понятие «неопределенность» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 5–12.
- Dorozhkin A. M., Sokolova O. I.** Ponyatie “neopredelennost” v sovremennoi nauke i filosofii [The concept of uncertainty in the modern science and philosophy]. *Herald of Vyatka State University*, 2015, no. 12, p. 5–12. (in Russ.)
- Найт Ф.** Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
- Knight F.** Risk, neopredelennost i pribyl [Risk, Uncertainty and Profit]. Moscow, Delo Publ., 2003.
- Рассел Б.** История западной философии. Новосибирск, 1999.
- Russell B.** Istoriya zapadnoi filosofii [A History of Western Philosophy]. Novosibirsk, 1999. (in Russ.)
- Талеб Н.** Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009.
- Taleb N.** Chernyi lebed. Pod znakom nepredskazuemosti [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow, 2009. (in Russ.)

Тaleb Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2017.
Taleb N. Antihрупkost. Как izvlech vygodu is khaosa [Antifragile: Things That Gain From Disorder]. Moscow, Kolibry, 2017. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

08.08.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Диев Владимир Серафимович, доктор философских наук, профессор, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir S. Diev, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Director of the Institute for the Philosophy and Law, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

diev@smile.nsu.ru

УДК 165.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-53-62

Рациональность и виды нормативных оснований

А. А. Шевченко

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены проблемы, связанные с возможными разрывами между требованиями рациональности и нормативности. Показано, что рассмотрение отдельного действия или утверждения с точки зрения практической, инструментальной рациональности невозможно без одновременного учета требований рациональности эпистемической. Лишь соблюдение постулатов обоих типов рациональности позволяет надеяться на то, что рациональные основания будут иметь необходимую нормативную силу. Показано также, что и это не гарантирует совершения субъектом действия на основе рационального рассуждения. Рассмотрена перспективная типология рациональных оснований Дж. Герта, описаны ее преимущества и недостатки.

Ключевые слова

рациональность, нормативность, рациональные основания, резоны, обоснование, Г. Шнедельбах, Дж. Герт

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00452

Для цитирования

Шевченко А. А. Рациональность и виды нормативных оснований // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 53–62. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-53-62

Rationality and kinds of normative grounds

A. A. Shevchenko

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses problems related to possible gaps between the requirements of rationality and normativity. It shows that the analysis of a practical action from the point of view of instrumental rationality cannot be done without supplementing the context with the requirements of epistemic rationality. Only taking into account the demands of both types of rationality gives us hope to expect that the resulting rational grounds will have normative

© Шевченко А. А., 2019

force. It is also shown that even this normative validity doesn't always lead to the performance of the rational action. The author analyses the promising distinction of rational grounds offered by J. Gert and notes the strong and weak points of this approach.

Keywords

rationality, normativity, rational grounds, reasons, justification, H. Schnädelbach, J. Gert

For citation

Shevchenko A. A. Rationality and Kinds of Normative Grounds. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 53–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-53-62

«Человек разумный» одновременно включает и описательную характеристику, и нормативное требование, основополагающее деонтологическое предписание использовать наши возможности наилучшим образом. Спорным вопросом остается принципиальная возможность оценки на рациональность не только средств достижения цели (инструментальная рациональность), но также самих целей и ценностей (рациональность аксиологическая). Как можно сформулировать критерии такой оценки? В современной аналитической философии рациональность целей и ценностей часто ставится в прямую зависимость от количества контрфактических допущений относительно контекста их обоснования. В рамках такого подхода наиболее рациональными считаются такие цели и ценности, которые избрал бы некоторый абстрактный и идеализированный индивид в гипотетической ситуации выбора, характеризующейся полнотой информации, заботой не только о краткосрочных, но и долгосрочных интересах, развитым нравственным чувством, способный к полноценному участию в коллективном действии, и т. д. Таким образом, предполагается, что работа с философскими абстракциями и идеализациями помогает формулировать все более сильные критерии рациональности.

Хотя понятие рациональности имеет множество интерпретаций – от слабых, когда она понимается как способность к мотивированному выбору, до самых сильных, где она фактически трактуется как нормативное предписание (о чем пойдет речь ниже), обычно необходимым критерием рационального действия или рассуждения считается его обоснованность. Наличие рациональных оснований – это минимально необходимый критерий, который позволяет отличить действие, основанное на доводах разума, от действий иррациональных. Такое понимание кажется настолько очевидным, что часто не только отдельные действия или рассуждения, но и рациональная деятельность в целом трактуется как синоним обоснования, отождествляется с поиском, отбором и формулировкой рациональных оснований.

В статье Г. Шнедельбаха содержится развернутая критика этого подхода, когда обоснование используется и для экспликации категории «рациональность» в целом [2017]. Такое истолкование, по мнению автора статьи, имеет три существенных недостатка. Прежде всего, оно слишком узко, сводя рациональное лишь к тому, что аргументативно или дискурсивно разрешено. Однако такая деятельность – лишь малая часть того, на что способны разумные существа. В качестве альтернативных вариантов он приводит, в частности, способность проверки реальности (Фрейд), учебу на ошибках и заблуждениях (Поппер), решение проблем в контекстах действия с обратной связью (Гелен), целеориентированный выбор средств (Вебер) [Шнедельбах, 2017. С. 299]. Вторая проблема заключается в круговом характере такой экспликации – та или иная концепция обоснования неизбежно уже включает определенное понимание рациональности. «...понятия “рациональность” и “обоснование” стоят в более точном круговом отношении, чем в герменевтическом круге, потому что обоснование должно быть само квалифицировано как рациональное, чтобы вообще иметь возможность быть примером (*exemplifizieren*) рациональности» [Там же. С. 302].

И наконец, недостаток такой экспликации в том, что она не учитывает принципиальную неоднозначность предиката «рациональный». Рациональность поэтому «...есть открытый концепт, который не может быть полностью эксплицирован для любого контекста (III)». Объясняется это, в частности наличием двух смыслов предиката «рациональный» – *недиспозиционного* и *диспозиционного*. Когда мы используем его недиспозиционно, то мы говорим о рациональных действиях, речевых актах, аргументах, нормах, т. е. о каких-то вещах и событиях в мире. В диспозиционном смысле предикат «рациональный» относится к «...персонам, системам или иным инстанциям, которым мы приписываем способность к созданию рациональных порождений (*Hervorbringung*) (в недиспозиционном смысле “рационального”)» [Там же. С. 306].

Соглашаясь с автором в оценке такого подхода, попытаемся ограничиться анализом предиката «рациональный» применительно к практическому действию. Что значит для действия «быть рациональным»? Стандартно здесь используется понятие практической или инструментальной рациональности. Рациональным считается действие, направленное на достижение некоторой цели в соответствии с такими постулатами, как эффективность, оптимальность выбора средств для достижения поставленной цели, и т. д. Однако критерии и постулаты, достаточные для признания действия инструментально рациональным, далеко не всегда обладают необходимой нормативной силой для субъекта действия.

Вообще говоря, связь понятий нормативности и рациональности может пониматься по-разному. В предельном широком смысле рациональность по-

нимается как общечеловеческий атрибут и императив. Тогда нормативность будет состоять в конкретизации этого императива в виде набора требований относительно нашего практического поведения или способов рассуждения. Такое понимание имеет место, когда мы говорим о нормативности морали, языка или права. Это системы внутренних или внешних предписаний. С другой стороны, нормативность может пониматься не как результат работы разума, а как некоторый еще более общий стандарт «должного», и тогда возникает вопрос о легитимации самой рациональности. В этом случае возникает вопрос «почему следует быть рациональным?».

В труде «О том, что имеет значение», вызвавшем многочисленные споры и отклики, Д. Парфит уделяет важное место изложению своего понимания природы нормативности, в частности, особенностям употребления таких понятий, как «резон», «рациональное», «правильное» и «неправильное» [Parfit, 2011. Pt VI]. Он работает в том же русле, что и другие современные аналитические философы, связывающие нормативность именно с рациональными основаниями, резонами, в отличие от других концепций, менее интересных с философской точки зрения, в которых нормативность относят к правилам, привычкам или психологической мотивации. Такую концепцию нормативности Д. Парфит называет концепцией рациональных оснований. Интерес Д. Парфита состоит в поиске объективных источников моральной нормативности, которые он трактует как «моральные истины». Основными оппонентами для него являются субъективисты в области морали, сторонники представлений о том, что нормативной основой наших оценок и поступков являются цели и желания. Д. Парфит же полагает, что опираться мы можем только на объективные основания. «Если бы таких нормативных истин не было, ничего бы не имело значения, и у нас не было бы рациональных оснований (reasons) пытаться решать как нам жить. Такие решения были бы произвольными (arbitrary). Мы не были бы животными, которые понимают резоны и могут на них отвечать. В мире без рациональных оснований мы действовали бы лишь на основе инстинктов и желаний и жили бы так же, как живут другие животные. Во Вселенной не существовало бы разумных существ» [Ibid. P. 619–620].

Для Парфита наличие таких нормативных истин не только необходимо для существования осмысленного мира, но и позволяет, в частности, добиваться согласия относительно способов нашего практического отношения к нему. За это отвечает его «тройная теория» морали, в которой именно теоретическое допущение о том, что во всех основных моральных теориях содержатся неизменные и «нередуцируемые» нормативные предписания, позволяет основным теориям морали, которые обычно принято считать конкурирующими, находить свой путь на вершину одной горы и там достигать конвергенции. Такой особый статус нормативных истин предпола-

гает и особое понимание того, как работают процедуры обоснования хотя бы применительно к отдельному практическому действию. Это, в частности, требует обсуждения вопроса о связи практической и эпистемической рациональности, с одной стороны, и рассмотрения напряжения и потенциальных разрывов между требованиями рациональности и нормативности – с другой.

В различных типологиях рациональных оснований выделяют самые разные резоны – внешние и внутренние, субъективные и объективные, практические и эпистемические, объяснительные, мотивирующие и т. д. Некоторые философы, например Б. Уильямс [Williams, 1981. P. 101–113], отрицают само наличие внешних оснований, утверждая, что все резоны для действия на самом деле являются внутренними, так как в итоге воспринимаются субъектом действия как нечто правильное, полезное или ценное для него в контексте принятия решения. Анализ этой позиции см. в нашей более ранней статье [Шевченко, 2018]. Следует лишь отметить, что главная проблема с такой интерналистской позицией в том, что здесь игнорируются многочисленные внешние основания для действия, которые зачастую не просто вступают в конфликт с нашими желаниями, но и берут верх. Это, например, ситуации, когда мы признаем безусловное существование каких-то моральных императивов или абсолютов. Однако интернализм важен в другом отношении. Как уже отмечалось, когда мы рассматриваем процесс принятия рационального решения, то возникает вопрос о том, какой субъект действия мы имеем в виду – реальный индивид со всеми его когнитивными и психологическими особенностями и ограниченный контекстом реальной ситуации или же некоторый идеализированный субъект, которому мы приписываем обладание всей полнотой информации, способность ее эффективно обрабатывать, быстро просчитывать вероятности того или иного действия и т. д. Анализ рациональных оснований для действия «изнутри», с позиции субъекта, принимающего решения, заставляет учитывать множество факторов, каждый раз в уникальной ситуации выбора. Можно ли помочь такому субъекту, создать какие-то общие алгоритмы, позволяющие как-то облегчить поиск и выбор нормативно правильного решения? В. С. Диев обращает внимание на множество серьезных проблем, встающих перед человеком, стремящимся принять «хорошее», «правильное» решение на основе рационального рассуждения. «Следующий круг проблем связан со стремлением любого человека находить непременно “хорошие”, “правильные” решения. А что такое “хорошее” решение? Видимо, оно должно оставаться таковым и спустя определенное время. Каковы критерии сравнения различных вариантов решения? Что же положить в основу принимаемых решений? Должны ли эти критерии учитывать только субъективные оценки человека, принимающего решение, или же возможен подход, кото-

рый позволяет находить методы, которые с одинаковым успехом применимы к разным людям и различным задачам? Может человек сделать точный рациональный выбор или же он может только приближаться к нему? Тем более что принимать решения приходится в условиях риска и неопределенности, и именно эти факторы характеризуют проблемы, стоящие перед современным человеком» [Диев, 2013. С. 42].

Реальная ситуация выбора делает необходимым разговор одновременно и о практической, и эпистемической рациональности, т. е. не только о поиске «хороших» оснований для действия, но и оценке на рациональность мнений, верований субъекта, методов, посредством которых он пытается установить истину. Ограниченная эпистемическая рациональность может приводить к разрывам между постулатами рациональности и требованиями нормативности. Другими словами, человек может субъективно полагать, что он выбрал наилучшее решение и соответствующий поступок будет рациональным, однако, с учетом всех соображений и фактов, оно может оказаться неправильным или «не должным», если по каким-то причинам не учтена вся необходимая информация, например, не было возможности узнать о побочных действиях определенного медицинского препарата. Таким образом, рациональное действие становится нормативно должным, только если мнения и убеждения субъекта, принимающего решения, являются не только его мнением, но и подлинным знанием. А это, согласно классической формуле «знание – есть обоснованное истинное мнение», требует не только выполнения процедур обоснования, но и соответствия содержания представлений субъекта реальному положению дел в мире.

Возможны и попытки разорвать или хотя бы ослабить связь между рациональностью и обоснованностью и нормативным характером резонов (даже в случае обоснованности и истинности мнений и утверждений). Так, продолжает вызывать интерес идея Дж. Герта, выдвинутая им в работе [Gert, 2004] и получившая развитие в [Gert, 2012]. Его тоже заботит вопрос о том, какую роль играют рациональные основания (резоны) в практическом и, шире, интенциональном действии? По мнению автора, проблема с теориями практической рациональности состоит в том, что резоны (рациональные основания для действия) изначально и автоматически трактуются как нормативные, т. е. предписывающие определенное действие, которое они обосновывают. Иначе говоря, любое рациональное обоснование действия трактуется как предписание. Проблема здесь в том, что резоны могут выполнять роль не только предписания (*requiring reasons*), но и оправдания (*justificatory reasons*). В данном случае перевод «оправдание» представляется более уместным, хотя бы для того, чтобы избежать путаницы с термином «обоснование», который выше использовался в более широком смысле. Таким образом, в сфере практического действия предлагается различать два

типа рациональных оснований (резон). Первый тип резон – такие, которые требуют от нас некоторого действия (requiring). Второй типа резон – обосновывающие, т. е. объясняющие и разрешающие (justificatory).

Так, наличие у меня хорошего голоса делает рациональным пение. Но воздержание от пения при этом нерациональным не является. Это так именно потому, что мы отказываемся трактовать рациональное основание для действия как предписание, а трактуем его как более мягкое «оправдание», т. е. основание, которое вовсе не обязательно воспринимать как нормативное. Как только мы выделяем эти два аспекта, у нас появляется своего рода более объемное видение рациональных оснований (резон). В разных измерениях (нормативном и объяснительно-оправдательном) резоны могут иметь разную силу, конкурировать между собой, что помогает понять многие трудности, возникающие в процессе поиска рациональных оснований для действия.

При этом основаниям первого типа (нормативным, требующим от нас действия) он приписывает сильную нормативность. Отказ следовать такому резону позволяет говорить об нерациональности или даже иррациональности субъекта. В качестве примера приводится требование заботиться о себе и стремиться избегать ущерба в тех случаях, если это можно сделать и этот вред не приносит никакой пользы. В то же время соображение претерпеть некоторые неудобства с целью оказания помощи другому человеку – это оправдывающий резон. Он служит основанием для действия, но не требует его. Действовать на основе такого соображения вполне рационально, однако отказ от такого поведения не может считаться нерациональным. Что дает введение такого различия? По мнению Герта, это позволяет по-новому взглянуть на проблемы объективной и субъективной рациональности, примирить интерналистов и экстерналистов в их бесконечных спорах по поводу рациональных оснований.

Интерналисты готовы считать рациональным основанием лишь то, что вызывает у субъекта действия соответствующую мотивацию, при условии, конечно, правильно выполненной процедуры рассуждения. Отрицая это, экстерналисты указывают на то, что существуют и нормативные основания другого типа, не обязательно создающие у субъекта необходимую мотивацию. Выделение двух типов рациональных оснований – нормативных и объяснительно-оправдательных позволяет, по мнению Герта, примирить обе стороны. Интернализм верен в отношении нормативных, «требующих» резон (requiring), так как они должны быть такой природы и силы, чтобы мотивировать к действию рационального субъекта. В то же время экстернализм верен в отношении резон объяснительно-оправдательных, поскольку, хотя они вовсе не обязательно мотивируют субъекта действия, отказ от действия совершенно не обязательно ведет к признанию такого поступка

нерациональным. Итак, два типа резонансов позволяют описать реальную конкуренцию оснований разных типов, сохраняя в то же время возможность трактовать как рациональное действие самый широкий спектр поступков или ситуаций. Тот факт, что у нас есть хорошее рациональное обоснование выполнять некоторое действие, означает лишь возможность или «разрешение» совершить это действие, но вовсе не является нормативным требованием. Кроме того, даже самое хорошее рациональное его обоснование вовсе не обязательно создает соответствующую мотивацию для действия.

При всей привлекательности подхода, который позволяет выделить целый класс действий, которые одновременно рационально обоснованы, но нормативно необязательны, возникают сомнения именно в полном разрыве этих двух типов оснований, когда даже самое сильное основание на шкале «объяснительно-оправдательных» резонансов в принципе не способно создать мотивирующее основание для действия. В качестве примера Герт неоднократно приводит примеры действий альтруистических. Тем не менее при этом возможность возникновения мотивации на основе соответствующего желания сохраняется. Однако механизм возникновения такого желания не вполне ясен. В более позднем тексте Герт описывает его следующим образом: «Желание “запускается” (is triggered), когда мир концептуально представлен определенным образом. В результате информация о том, что послужит триггером такой диспозиции, вероятно, хранится где-то, и потенциально субъект имеет к ней доступ» [Gert, 2012. P. 196]. Этот доступ осуществляется с помощью некоторых «ментальных механизмов», действующих на концептуальном уровне. Такое предположение кажется разумным, так как позволяет объяснить возможность не только осознания, но концептуально-дискурсивного выражения своих желаний.

При этом он делает важную оговорку о том, что, вполне возможно, это верно в отношении не всех желаний. Могут существовать так называемые «рефлексивные» желания, которые «запускаются» в обход механизмов концептуализации. Тем не менее для многих желаний, по его мнению, та или иная концептуальная репрезентация желания является обязательным условием его «запуска». Представляется, что допуск «рефлексивных» желаний, каким-то образом возникающих в обход общей схемы, сильно усложняет картину. Возникает необходимость поиска дополнительных (рациональных?) критериев и оснований для различения теперь уже желаний.

Это краткое обсуждение показывает необходимость учитывать соотношение и взаимодействие различных оснований для действия – внутренних и внешних, объяснительных и нормативных, инструментальных и эпистемических в том пространстве, в котором имеет место рациональный и нормативный выбор. Методологически важным является и учет того, с чего именно начинаются дискуссии о рациональности и нормативности – либо

с некоторых общих презумпций о природе рациональности в целом (таких, например, как необходимость избегать причинения вреда себе или другим людям или необходимость действовать оптимально и эффективно), либо же исходным пунктом рассуждений служит понятие отдельного резона или типа резонов, из которых уже производится «сборка» той или иной концепции рациональности. Так или иначе, современные обсуждения показывают все большую тематическую интеграцию внутри обсуждаемой проблематики – моральные контексты и шире – контексты практического действия становится очень трудно отделить от эпистемических, требования рациональности и нормативности частично пересекаются, «объективные резоны» интериоризируются и служат материалом для последующих субъективных ретроспективных рационализаций. Но наибольший интерес, пожалуй, по-прежнему вызывает этот неизбежный разрыв между рациональностью и нормативностью – пространство персонального выбора и свободы, в котором даже самые рациональные основания для действия далеко не всегда воспринимаются человеком как нормативное предписание.

Список литературы / References

- Диев В. С.** Проблемы выбора и принятия решений в междисциплинарном контексте // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2013. № 2 (22). С. 41–51.
- Diev V. S.** Problemy vybora i prinyatiya resheniy v mezhdistsiplinarnom kontekste [Choice and Decision-Making in an Interdisciplinary Context]. *Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Politology*, 2013, no. 2 (22), p. 41–51. (in Russ.)
- Шевченко А. А.** Практическая нормативность: внешние и внутренние основания // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 42–52.
- Shevchenko A. A.** Prakticheskaya normativnost: vneshniye i vnutrennie osnovaniya [Practical Normativity: External and Internal Grounds]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 16, no. 2, p. 42–52. (in Russ.)
- Шнедельбах Г.** О рациональности и обосновании // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 297–310.
- Schnädelbach H.** O ratsional'nosti i obosnovanii [On Rationality and Justification]. *Bulletin of the Tomsk State University. Series: Philosophy. Sociology. Politology*, 2017, no. 40, p. 297–310. (in Russ.)

Gert J. Brute Rationality. Normativity and Human Action. Cambridge Uni. Press, 2004.

Gert J. Normative Bedrock. Oxford Uni. Press, 2012.

Parfit D. On What Matters. Oxford Uni. Press, 2011. Vol. 2.

Williams B. Moral Luck. Cambridge Uni. Press, 1981.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Aleksandr A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

shev@philosophy.nsc.ru

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-63-77

Дж. Лэдимен и Э. Лоу: паттерны, сущность и установление истины*

Н. В. Головко

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Цель работы – поиск адекватного онтологического объяснения «второго паттерна» в концепции теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена, существование которого – условие того, что анализируемый паттерн действительно является «реальным паттерном». С точки зрения Дж. Лэдимена, онтологическим устанавливающим истину для эпистемического факта является то, что этот факт должен быть реальным паттерном. В качестве основной трактовки, устанавливающей истину в концепции Дж. Лэдимена, примем трактовку установления истины как эссенциальной зависимости, предложенную Э. Лоу: объект является устанавливающим истину для пропозиции, когда частью ее сущности является то, что пропозиция истинна, если объект существует. Принимая во внимание ряд ограничений концепции Э. Лоу (сущность предшествует существованию, сущность не является объектом и т.д.), существование «второго паттерна» в концепции Дж. Лэдимена нужно понимать как определение его сущности, независимо от того, будет ли само его существование когда-либо подтверждено.

Ключевые слова

онтологическое объяснение, эссенциальная зависимость, существование «второго паттерна», Э. Лоу, Дж. Лэдимен

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00120 «Метафизические основания научной онтологии: реальные паттерны и проект мета-метафизики»)

Для цитирования

Головко Н. В. Дж. Лэдимен и Э. Лоу: паттерны, сущность и установление истины // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77. DOI 10.25295/2541-7517-63-77

* Статья представляет собой развернутую версию доклада, представленного на XVI Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки и техники «Наводя мосты между академическими культурами» (г. Прага, Институт философии ЧАН, 5–10 августа 2019 г.).

J. Ladyman and E. J. Lowe: Patterns, Essence, and Truthmaking*

N. V. Golovko

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper aims to look for an adequate ontological explanation of the «second pattern» existence within Ladyman's ITSR, the existence of which is a necessary condition that the analyzed pattern is a real pattern indeed. From Ladyman's point of view, the ontological truthmaker for the epistemic fact is thus that it is a real pattern. As the core interpretation of truthmaking within Ladyman's concept, we will take the interpretation of truthmaking as essential dependence proposed by E.J. Lowe: an object is a truthmaker for the proposition when part of the essence of the proposition is that the proposition is true if the object exists. Taking into account a number of limitations of Lowe's concept (essence precedes existence, essence is not an object, etc.), the existence of a "second pattern" within Ladyman's conception should be understood via defining its essence, regardless of whether its very existence is ever confirmed.

Keywords

ontological explanation, essential dependence, second pattern existence, E. J. Lowe, J. Ladyman

Acknowledgements

The study was funded by RFBR according to the research project no. 19-011-00120 "Metaphysical Foundations for Natural Science Ontology: Real Patterns and Metametaphysics Project"

For citation

Golovko N.V. J. Ladyman and E. J. Lowe: Patterns, Essence, and Truthmaking. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 63–77. (in Russ.) DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-63-77

Утверждение что «онтологическим устанавливающим истину для эпистемического факта является то, что этот факт должен быть реальным паттерном» [Ladyman et al., 2007. P. 230], является квинтэссенцией той части концепции Дж. Лэдимена, которая непосредственно отвечает за объединение ее различных сторон в единое целое. Ключевой момент здесь, естественно, – понятие «устанавливающего истину». Что мы знаем об устанавливающих истину для утверждений о существовании паттернов в онтологии Дж. Лэдимена? Какая интерпретация концепции устанавливающих ис-

* The paper offers a detailed version of the paper presented at the XVI International Congress on Logic, Methodology and Philosophy of Science and Technology "Bridging Across Academic Cultures" (Prague, Institute of Philosophy of the Czech Academy of Sciences, August 5–10, 2019).

тину (через логическое следование, через необходимость, через сущность, через укорененность и т. д.) больше подходит для того, чтобы быть адекватно представленной – делать истинным «эпистемический факт» в онтологии Дж. Лэдимена? Примечательно то, что сам Дж. Лэдимен, по крайней мере публично, никогда не симпатизировал концепции устанавливающих истину, предпочитая использовать понятие «онтологическая зависимость»¹. Наш интерес, в данном случае, продиктован возможностью использовать концепцию устанавливающих истину в ее методологической роли, заключающейся в том, что принятое понимание устанавливающих истину должно отвечать идеалу онтологического объяснения для заданного класса утверждений (см.: [Smith, Simon, 2007]). В качестве основного затруднения, на наш взгляд, требующего адекватного онтологического объяснения, примем отсутствие адекватной трактовки существования «второго паттерна», являющегося условием того, что анализируемый паттерн действительно является «реальным паттерном» (см.: [Ladyman et al., 2007]). В качестве основной трактовки устанавливающих истину примем трактовку установления истины как эссенциальной зависимости, предложенную Э. Лоу: «объект *e* является устанавливающим истину для пропозиции *p* если и только если частью сущности *p* является то, что *p* истинно, если *e* существует» [Lowe, 2006. P. 210]. Наш тезис заключается в том, что интерпретация устанавливающих истину в терминах эссенциальной зависимости объясняет не только существование «второго паттерна» в концепции Дж. Лэдимена, – о «втором паттерне» следует говорить как о сущности, независимо от того, будет ли само его существование когда-либо подтверждено, но и другие неочевидные следствия онтологии Дж. Лэдимена, такие как масштабная относительность онтологии, отсутствие индивидуальных объектов и отрицание метафоры существования фундаментального уровня описания реальности, равно как и метафоры существования различных редуцируемых друг к другу уровней описания реальности.

Устанавливающие истину

Тридцать пять лет назад в 1984 г. в журнале «Философия и феноменологические исследования» вышла статья Кевина Маллигана, Питера Симона и Барри Смита «Устанавливающие истину» (Truth-Makers) [Mulligan et al., 1984], рецепция которой, со временем, привела к отрицанию приоритета семантики перед онтологией, т. е. к отрицанию самой перспективы, в которой проблема устанавливающих истину была поставлена². Вот, что пишут

¹ Из выступления на открытии семинара «Мета-Наука» в Бристольском университете (“MetaScience Kick-off Workshop”, University of Bristol, June 19, 2019). URL: <https://www.bristol.ac.uk/arts/events/2019/june/metascience-ko.html> (дата обращения 27.09.2019).

² Хорошо известен термин «онтологический поворот» и соответствующий онтологический проект, связываемый с именами Д. Армстронга, Э. Лоу и Дж. Хейла, который вклю-

авторы: «В ходе возрождения реализма в начале века, философы самых различных направлений занимались исследованием онтологии истины. Независимо от того, понимали ли они истину как соответствие, их интересовало то, в каком смысле мы должны предполагать существование объектов (entities), играющих роль в приписывании истинности предложениям (sentences)... Некоторые мыслители, Рассел, Витгенштейн в *Трактате* и Гуссерль в *Логических исследованиях*, говорили, что в дополнение к носителям истины (truth-bearers) мы должны предположить существование объектов, в силу которых предложения и / или пропозиции истинны. ...мы будем использовать нейтральную терминологию, обозначая объекты, являющиеся кандидатами на эту роль, *устанавливающими истину* (truth-makers). Уход со сцены логического реализма повлек за собой соответствующее падение интереса к онтологии истины. Понятия соответствия и самой истины стали считаться малопонятными и “метафизическими”. ...Патнэм пришел к тому, что если нам нужна теория истинности, то работу Тарского нужно дополнить философски не-нейтральной корреспондентной теорией. Если, как мы предполагаем, природа истины недоопределена теориями, подобными теории Тарского, тогда *адекватное понимание истины должно включать соображения, которые не являются исключительно семантическими в принятом смысле*. Наше предположение, – сформулированное в реалистском духе, – что путь к такой теории лежит непосредственно через анализ взаимосвязи между носителем истины, применяемой логикой и устанавливающим истину, [объективно] существующим в мире, и в силу которого предложения и пропозиции являются истинными» (курсив мой. – Н. Г.) [Ibid. P. 287–289]³. Чуть позже Б. Смит предложит более полновесную реалистскую концепцию устанавливающих истину: «Реальность ограничивает практику суждений (judgement), определяя, какое из контингентных суждений является истинным. ...Сделать (make) суждение истинным, это значит выделить (to carve out) конкретную область (portion) реальности. Устанавливающим истину для суждения является, по своей природе, часть этой области реаль-

часть в себя не только отрицание «семантического приоритета» (против «анти-метафизики» Р. Карнапа и «семантической парадигмы» У. Куайна), но и различные направления натурализма и метафизического объяснения («в духе неаристотелианства») (см., например: [Maurin, Brinck, 2005]), которые, по сути, и привели к отказу от абсолютности парадигмы «лингвистического поворота».

³ Примечательно то, что одну из своих первых книг, посвященных установлению истины, Дэвид Армстронг также начинает с логики, закрепленной лингвистическим поворотом: «Гипотеза этой работы состоит в том, что мир, – все что есть, – это мир положений дел. Другие, Витгенштейн в частности, говорили, что мир – это мир фактов, а не вещей. Их позиция в сущности такая же, просто по-другому выражена» [Armstrong, 1997. P. 1], а при первом упоминании устанавливающих истину он говорит: «Мы покажем, в духе *Трактата*, что необходимые (necessary) истины не имеют других устанавливающих истину, кроме положений дел» [Ibid. P. 2].

ности» [Smith, 1999. P. 274, 282]⁴. Подчеркнем, концепция устанавливающих истину с самого начала формулировалась в реалистском ключе.

Другая важная особенность концепции устанавливающих истину – выступать методологическим критерием состоятельности онтологической теории, – также была отмечена Б. Смитом: «Теория устанавливающих истину представляет собой ключевой (cornerstone) момент методологии в области метафизики, она сохраняет свою привлекательность как инструмент метафизического исследования... Ключевое (core) допущение, касающееся устанавливающего истину, – это требование онтологического объяснения, т. е. постулирования онтологических объектов, которые будут объяснять пропозиции заданного типа. Какой цели служит это онтологическое объяснение? Наш ответ – проверять (test) метафизические теории... Требование онтологического объяснения можно использовать как основание (mean) для сравнения различных онтологий. Хорошая онтология должна обеспечивать онтологическое объяснение достаточно большому числу (broad range) различных типов истин, и именно тем способом, который предполагает обращение только к объектам, чье существование мотивировано независимыми соображениями. Методологический шаг здесь заключается в том, что какие-то концепции будут неадекватны, т. к. не смогут обозначить подходящих устанавливающих истину для каких-то своих утверждений» (курсив мой. – Н. Г.) [Smith, Simon, 2007. P. 88, 92].

Подчеркнем, концепция устанавливающих истину обладает целым рядом характеристик, которые делают ее привлекательной для целей нашего исследования. Во-первых, концепция устанавливающих истину допускает возможность реалистской трактовки. Во-вторых, существует много допустимых вариантов задания устанавливающего истину (через логическое следование, через необходимость, через сущность, через укорененность

⁴ Также примечательным в этой работе Б. Смита является то, что для определения той части реальности, которой соответствует устанавливающий истину данного суждения, он использует понятие «проекция». Естественно, определение, которое дает Б. Смит, отличается от «проекции» в понимании Г. Рейхенбаха, Д. Деннета или Дж. Лэдимена. У Б. Смита, это отношение между суждением и реальностью, производное от введенного им отношения необходимости. У Г. Рейхенбаха, это отношение между физическим объектом (птица) и меткой (проекция птицы на горизонтальную плоскость). У Д. Деннета, это отношение между данными (сканер считывает штрих-код) и выделяемым паттерном (собственно штрих-код). У Лэдимена, это отношение между локаторами (*n*-ками параметров), определяющими паттерны в области формального представления некоторой материальной предметной области. Более того, нельзя сказать, что реализм Б. Смита является достаточно последовательным. Например, он говорит, что «если *X* делает мое суждение истинным, что значит, что *X*, по своей природе, является частью проекции этого суждения, то это происходит потому, что *X*, сам по себе, является артефактом моего суждения. В этом смысле, устанавливающие истину являются *моей* конструкцией» (курсив мой. – Н. Г.) [Smith 1999. P. 290]. Тем не менее нельзя не отметить сам факт терминологической близости реалистского понимания концепции устанавливающих истину и других, более традиционных попыток построить реалистскую онтологию.

и т. д.). В-третьих, в рамках этой концепции можно по-разному определять существование (например, в рамках трактовки установления истины через укорененность имеем: «устанавливающий истину X делает пропозицию Y истинной, если и только если факт, что X существует, укореняет факт, что Y истинно» [Raven, 2012. P. 689]). И наконец, в-четвертых, мы можем использовать эту концепцию в методологическом ключе (как требование непротиворечивого понимания устанавливающего истину для разных «типов истин», например, для утверждений, описывающих разнородные объекты, принадлежащие данной теории). В качестве основной онтологической теории, в рамках которой мы будем рассматривать концепцию устанавливающих истину, выберем теоретико-информационный структурный реализм Дж. Лэдимена⁵.

Дж. Лэдимен, «первый» и «второй» паттерны

Основной онтологический объект теоретико-информационного структурного реализма Дж. Лэдимена – «реальный паттерн», представление о котором является производным от представления о «реальном паттерне» в концепции «тропического реализма» Д. Росса, которое, в свою очередь, является производным от представления о «реальном паттерне» в соответствующей концепции Д. Деннета. Вот что пишет Дж. Лэдимен: «[следуя концепции Деннета] целесообразность [введения понятия] интенциональной позиции (intentional stance) является частным случаем целесообразности [обращения к] масштабной относительности (scale relativity) перспективы в науке, и выражает факт относительно того, как организована реаль-

⁵ Отвлекаясь от методологической роли концепции устанавливающих истину, предложенной Б. Смитом, в нашем случае, мы можем связать эту роль с выполнением ею функции «подкрепления» (backing) в «модели Тулмина» (см.: [Toulmin, 1958]). Предположим, наша цель убедить оппонента в том, что концепция «тропического (rainforest) реализма» Д. Росса, которую использует Дж. Лэдимен, хорошо подкреплена. Пусть онтологическая теория Дж. Лэдимена – это «требование» (claim), современное состояние научного знания, требующее адекватной онтологической модели, – это «данные» (data), а соответствующие соображения метафизического характера, которые приводит Дж. Лэдимен, обосновывая необходимость и содержательность своей концепции, – это «основание» (warrant). Следуя С. Тулмину, достоверность (soundness) аргумента определяется степенью приемлемости «основания», которая полностью зависит от «подкрепления». Учитывая то, что в онтологическом плане концепция устанавливающих истину является независимой от концепции Д. Росса, допускает реалистскую трактовку и может быть использована для трактовки содержания современного научного знания, – мы можем использовать ее как еще один методологический критерий, проверяющий достоверность построений Дж. Лэдимена. Естественно, наибольшее значение применения концепции устанавливающих истину в ее методологическом качестве в рамках «модели Тулмина» будет не столько в том, удастся ли нам сопоставить эту концепцию и «метафизическую аргументацию» Дж. Лэдимена, но в том, чтобы показать, что осталось незамеченным Дж. Лэдименом при выбранной им интерпретации «данных», а также что осталось за рамками его анализа «ограничений» (qualifier) и «встречных доводов» (rebuttal).

ность, – метафизический факт. Факт, который мы (но не Деннет) называем *масштабной относительностью онтологии*. ...Росс (2000) обратил внимание на это и обосновал, что аргумент Деннета (1991) можно принять согласованным (*consistent*) только как аргумент, задающий онтологическую интерпретацию масштабной относительности. Деннет (2000), прямо отвечая Россу, по-видимому, согласился с ним и с тех пор не публиковал ничего, что бы противоречило этой точке зрения. В силу этого, мы можем сразу перейти к интерпретации его [Деннета] экспликации масштабной относительности онтологии для случая *динамических паттернов*» (курсив автора. – Н. Г.) [Ladyman et al., 2007. P. 199–200]. В первую очередь Дж. Лэдимен стремится закрепить в онтологии наиболее важные, на его взгляд, черты современного научного знания – масштабную относительность, отрицание редукционизма, инструментализма и неосхоластики, отрицание всеобщности и необходимости таких идей, как эмерджентность и супервентность, и т. д., которые, как он полагает, уже имплицитно заложены в онтологии реальных паттернов Д. Деннета⁶. Что можно сказать об «онтологическом объяснении» истинности утверждений о существовании паттернов либо других утверждений, закрепляющих представления об онтологии науки в концепции Дж. Лэдимена?

Основной критерий реальности «реального паттерна» в концепции Дж. Лэдимена – наличие «второго» паттерна. Не вдаваясь в детали переопределения Дж. Лэдименом определения «реального паттерна», данного Д. Россом (подробнее об этом см.: [Карпович, Головкин, 2016]), приведем следующую цитату: «в новой формулировке [первой части] условия (ii) [“старая” формулировка Д. Росса: “паттерн кодирует информацию относительно по крайней мере одной структуры события или объекта”. – Н. Г.] мы хотим сказать *нечто содержательное* о том, что говорится об информации, содержащейся “внутри” паттерна. Слово “кодирует”, конечно же, вводит в заблуждение, и поскольку под “структурой” мы понимаем представление,

⁶ В частности, относительно инструментализма Дж. Лэдимен отмечает: «Деннет понимает, что есть класс независимых от наблюдателя фактов относительно динамических паттернов, которые *непосредственно* касаются их определения. Эти факты позволяют нам обратиться к реальности паттернов, *не сводя* все, как инструменталисты, к тому, что паттерн это удобный в предсказательном плане антропоцентрический объект. ...он не сводит то, что может быть вычислено к какому-то отдельному классу компьютеров» [Ladyman et al., 2007. P. 202]. Относительно редукционизма и масштабной относительности: «Деннет четко придерживается идеи, что порядок происходящего на заданном масштабе не должен зависеть от какого-либо *частного* базиса, принадлежащего другому масштабу, из которого тот может быть выведен... Деннет подчеркивает, что одному набору данных может соответствовать много паттернов, отвечающих разным масштабам, и мы не можем с определенностью сказать, что какой-то из них более фундаментальный, просто потому что один предсказывает значения, отвечающие некоторому микромасштабу, а второй – этого не может» [Ibid. P. 203]. Наша рецепция отмеченной дискуссии между Д. Россом и Д. Деннетом дана в работах: [Головкин, 2016; 2017а; 2017б].

отвечающее онтическому структурному реализму, мы больше не должны говорить, что реальный паттерн несет в себе информацию *относительно* структуры. Тогда, о чем же содержит информацию реальный паттерн? Ответ может быть только один: относительно *другого* паттерна. Ключевая интуиция, которую мы переняли от Деннета, заключается в том, что различие между выводимыми (*illata*) и абстрактными (*abstracta*) объектами не имеет научного основания. Это означает: *реальные паттерны до конца!* (*all the way down*) (здесь Дж. Лэдимен фактически постулирует то, что “реальный паттерн” является универсальным онтологическим объектом, задающим все многообразие любых базовых объектов сколь угодно сложной конкретно-научной онтологии произвольной научной теории. – Н. Г.). ... Теперь мы объяснили основания заменить условие (ii) следующим: “паттерн несет информацию относительно, по крайней мере, одного паттерна Р”» (курсив автора. – Н. Г.) [Ladyman et al., 2007. P. 227–228, 230]⁷. Подчеркнем, представление о паттернах у Дж. Лэдимена как минимум основывается на сочетании «тропического реализма» Д. Росса (вводит в онтологию и адаптирует для нужд метафизики науки концепцию реальных паттернов Д. Деннета), онтического структурного реализма (разновидность структурного реализма, предложенная С. Френчем и Дж. Лэдименом (см., например: [French, Ladyman, 2003], утверждающая что структура онтологически предшествует объекту), а также на характерном представлении об онтологии науки, о том, что, собственно, отражает современное научное знание. Показателен пример, который приводит Дж. Лэдимен: «Рассмотрим пример, – множество кривых, которые можно провести по соответствующему множеству точек, отражающему состояния котировок акций на фондовом рынке. Любая из этих кривых обозначает паттерн. Однако финансовый аналитик хотел бы знать, какая из этих кривых может быть достоверным образом продолжена, т. е. какую из них и на основе какого закона можно обобщить с целью анализа ненаблюдаемых данных. ... “Не делайте ставку на этот тренд показаний рынка”, – скажет ваш брокер, – “он не реален”. Брокер, естественно, не говорит о том, что собранные данные не реальны, он говорит о том, что паттерн, о котором идет речь, не является проецируемым» [Ibid. P. 228, 230]. Под «не проецируемым» в данном случае понимается невозможность получить содержательный, интересный с точки зрения описываемой проблемной ситуации, «второй» паттерн на основании данных,

⁷ Следуя Д. Россу: «Условие (ii) гарантирует, что наша онтология не является ни антропоцентрической, ни бесконечной, переформулируя Бритву Оккама в теоретико-информационных терминах. Оно блокирует избыточность онтологии. Во-первых, оно исключает чисто семантические артефакты, такие как произвольные конъюнкции реальных паттернов. Во-вторых, оно блокирует антропоцентризм и тем самым отрицает инструментализм» [Ross, 2000. P. 162].

на которых получен «первый»⁸. «Объективность состоит в поиске достоверных обобщений. “Объективность” здесь означает: предсказательно успешный и контрфактически подтверждаемый. Отслеживание индивидуальных объектов, таких как Наполеон, эпистемически полезно с точки зрения подтверждения предсказаний и контрфактических утверждений относительно него. Онтологическим утверждающим истину для эпистемического факта является то, что этот факт является реальным паттерном. Не проецируемый паттерн на конечном множестве данных является парадигмальным примером химеры» [Ladyman et al., 2007. P. 230]. Отметим, что в данном случае любое «объяснение истинности» утверждения о существовании паттерна так или иначе будет предполагать ответ на вопрос: «в каком смысле истинность утверждения о существовании “первого” паттерна будет зависеть от истинности утверждения о существовании “второго” паттерна?».

По мнению Майкла Девитта, реализм, как метафизическая концепция, не зависит от того, как в рамках данной концепции (а мы привыкли к тому, что любая достаточно широкая философская теория включает в себя как минимум: онтологический, эпистемический, семантический и другие тезисы) понимается истина: «Реализм не говорит ничего семантического, говоря об “объективном”, подчеркивая отрицательную коннотацию, что наши семантические возможности не конструируют мир» (курсив автора. – Н. Г.) [Devitt, 1991. P. 39]. В этом смысле, нам нет необходимости разбирать в деталях, какую именно концепцию истинности предпочитает Дж. Лэдимиен и почему. Нам важно только то, что концепция устанавливающих истину предполагает какой-то вид корреспондентной теории. И тогда, говоря об истинности суждения «паттерн X является “реальным паттерном”», равно как и говоря об устанавливающем истину для этого суждения, мы снова возвращаемся к условиям реальности паттерна – к наличию «второго» паттерна. Что можно сказать об онтологической зависимости между «первым» и «вторым» паттернами? Как с онтологической точки зрения понять утверждение, что «второй» паттерн является условием существования «первого» паттерна? Ответы на эти вопросы заставляют обратиться к такому понятию, как «метафизическое объяснение», так как связь между «первым» и «вторым» паттернами, по определению, должна быть онтологической,

⁸ К сожалению, объем статьи не позволяет нам в полной мере погрузиться в объяснение того, почему Дж. Лэдимиен интерпретирует разницу между «проецируемыми» и «не проецируемыми» паттернами как разницу между реальными и не реальными. Одной из мотиваций здесь служат онтический структурный реализм и характерная для него модель фундаментального объекта: «Основное онтологическое следствие онтического структурного реализма (OSR) заключается в том, что реальность не является суммой частных объектов (particulars). ...OSR отрицает, что реальные паттерны в конечном итоге сводятся к самостоятельным (self-subsistent) индивидуальным объектам. ...С онтологической точки зрения не проецируемый паттерн в точности соответствует традиционному философскому индивидуальному объекту. ...Не проецируемые паттерны бесполезны с эпистемической точки зрения, потому что они не реальны» [Ladyman et al., 2007. P. 228–230].

в более широком смысле – метафизической. Говоря о метафизическом объяснении, мы полагаем, что существование одного объекта зависит от существования другого, и при этом подчеркиваем, что эта «зависимость» должна быть именно метафизической, т. е. не логической и не причинно-следственной, в смысле обыденного понимания «зависимости», как, например, в естественных науках. Примечательно то, что, по мнению Б. Смита, именно концепция устанавливающих истину является одним из наилучших вариантов метафизического объяснения (см.: [Smith, Simon, 2007]). Концепция устанавливающих истину говорит о том, *что* существует (а не то, какое значение принимает соответствующая переменная) с точки зрения представления о том, что *должно* существовать для того, чтобы мы могли «метафизически объяснить» истинность соответствующего утверждения⁹.

Э. Лоу, сущность и установление истины

С точки зрения Эдварда Лоу, «отношение установления истины является отношением сущностной (essential) зависимости» [Lowe, 2006. P. 202]. В целом вопрос об онтологической зависимости между «первым» и «вторым» паттернами у Дж. Лэдимена естественным образом приводит к вопросу о типе рассматриваемой онтологической зависимости. И выбор, в данном случае, между более традиционным анализом онтологической зависимости в терминах модальности (см., например: [Kripke, 1980]) или в терминах сущности (essence), на наш взгляд, может быть продиктован именно преимуществами последнего. Сущность вещи – это то, что составляет ее идентичность (в смысле самой вещи, а не в смысле отношения), тогда эссенциальная зависимость – это отношение, в котором сущность данной вещи определяется посредством отношений, в которых эта вещь находится с другими вещами. Наиболее важным для нас в концепции эссенциальной зависимости Э. Лоу является то, как он понимает «сущность» и за счет чего, например, обосновывает тезис: «сущность предшествует существованию». «В общем случае, мы можем *знать* сущность вещи, независимо от того, знаем ли мы, что эта вещь существует или нет. В противном случае, мы бы никогда не могли сказать, что *ничто* существует. ...иногда мы можем узнать сущность чего-то только после того, как мы откроем существование *других*

⁹ Говоря здесь именно о «метафизическом объяснении», мы имеем в виду то, что это самостоятельный тип объяснения, отличный от более привычного причинного / научного объяснения тем, что вместо исследования пары «причина – следствие» проводится анализ зависимости существования анализируемого объекта от сущностей более фундаментального уровня. Вот как в терминах «метафизического объяснения» трактуется, например, понятие «укоренения»: «Следуя “ортодоксальной трактовке”, укоренение – это иерархическое отношение зависимости между фактами или положениями дел. Более точно, это объективное, гиперинтенциональное и немонотонное отношение частичного порядка, которое всегда выполняется между тем, что менее, и тем, что более фундаментально (более фундаментальное укореняет менее фундаментальное, а не наоборот)» [Maurin, 2019. P. 1574].

вещей. ...Крипке и Патнэм учат нас, что сущность открывается нам только *апостериорно*, а значит, нельзя говорить, что «сущность предшествует существованию». ...Утверждение, что открытие того, что Утренняя и Вечерняя звезды – это одно и то же, было эмпирическим, вполне обосновано. Но оно не было *полностью* эмпирическим. Идентичность [объектов] была установлена вследствие открытия того, что орбиты и положения на них Утренней и Вечерней звезд *совпадают*. [Утверждение об их идентичности] обосновано только в силу того, что Утренняя и Вечерняя звезды интерпретировались как *планеты*, а для *таких материальных объектов* мы можем сказать, что совпадение пространственно-временного положения влечет их идентичность. Утверждение, что различные материальные объекты не могут занимать одно и то же пространственно-временное положение, не является эмпирическим: оно является *априорным*, следующим за пониманием того, что значит *быть* материальным объектом определенного типа, – это истина, укорененная (*grounded*) в сущности [объекта]. Мы уже должны знать, что такое *планета* – знать сущность, прежде чем апостериорно заключить, что одна планета идентична другой» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2016. Р. 11, 13, 15]. Конструируя собственную теорию устанавливающих истину, Э. Лоу отмечает: «В качестве аксиом примем следующие: (1) Для любой пропозиции p существует один или несколько типов объектов E_p , такие что для любого i от 1 до n , частью сущности p является то, что p – истинно, если некоторый объект типа E_i существует; (2) Объект e является устанавливающим истинность для p , если и только если e принадлежит к одному из типов E_p , которые, в соответствии с аксиомой (1), предполагаются (*involved*) сущностью p . Так, например, мода m универсалии F , которой обладает (*possessed*) индивидуальный объект (*substance*) a , будет устанавливающим истину для пропозиции *а это F*, т. к. выполнена аксиома (1) – существует тип *мода универсалии F, которой обладает a*, который является частью сущности пропозиции *а это F*, и m является объектом этого типа, и, по аксиоме (2), m – устанавливающий истину для *а это F*» (курсив автора. – Н. Г.) [Lowe, 2006. Р. 210].

Как соотносятся сущность и существование «первого» и «второго» паттернов в онтологии Дж. Лэдимена? Мы можем сказать, что сущность паттерна предшествует существованию, и при этом сущность «первого» паттерна включает представление о сущности «второго». Отметим, что в оригинале Дж. Лэдимен говорит: «...паттерн несет информацию относительно, по крайней мере, одного паттерна P » [Ladyman et al., 2007. Р. 230]. В частности, это может означать, что паттерн может нести информацию о самом себе (представим такой предельный всеобъемлющий паттерн, как «Вселенная как единое целое»), однако этот факт не означает, что мы должны отказаться от идеи, что «реальный паттерн» не может быть метафизическим эпифеноменом (чтобы убедиться, что паттерн является «реальным паттерном», нам

нужно показать его «полезность»). Мы можем сказать, что паттерн, как существующий объект, должен нести информацию о своей сущности и тем самым закрепить представление о том, что истинность суждения «паттерн X является “реальным паттерном”» продиктована устанавливающим истину для этого суждения – тем, что X является «реальным паттерном», интерпретирующим онтологическую зависимость сущности и существования этого паттерна. В данном случае, существование «второго» паттерна может не иметь решающего значения, достаточно определить его сущность («реальный паттерн» должен быть проецирующим). Еще один важный момент для понимания сказанного заключается в том, что, с точки зрения Э. Лоу, «сущность не является объектом (entity)» [Lowe, 2016. P. 3], а значит, описываемое отношение между сущностью и существованием, например, нельзя представлять как отношение между «обычными» физическими объектами. «Серьезный эссенциализм, как я понимаю его, предполагает, что все объекты (entities) имеют сущности (essences), но их сущности – это не другие объекты, находящиеся с объектами в некотором особом отношении. ... Сам Локк, к сожалению, делает эту ошибку, полагая что “реальная сущность” материальной субстанции – это ее “частное внутреннее строение”. Эта же ошибка была закреплена в работах Крипке и Патнэма, что сущность воды заключается в ее молекулярной структуре. ... Мы можем сказать, что частью сущности воды является то, что она состоит из молекул H_2O . Но сущностью воды не может быть ни просто H_2O , ни свойство состоять из молекул H_2O Знать сущность – это не значит быть знакомым с другими вещами определенного вида, это просто понимать, что такое в точности есть эта вещь. Знание сущности – это результат понимания, а не эмпирического наблюдения» (курсив автора. – Н. Г.) [Ibid. P. 3, 10]. Естественно, подобное представление опирается на соответствующее определение сущности: «с целью избежать потенциальной путаницы в определениях важно с самого начала ввести различие между общими (general) и частными (individual) сущностями. Любая частная вещь (thing) должна быть вещью общего вида, т. к., по крайней мере, она должна принадлежать некоторой онтологической категории. ... тогда мы можем сказать, что общая сущность X заключается в том, что значит быть вещью вида K , а индивидуальная сущность X заключается в том, что значит для X быть индивидуальным представителем вида K по отношению к другим представителям этого вида. ... Сказать, что X эссенциально зависит от Y в смысле своего существования и идентичности, это сказать, что частью сущности X является то, что X существует, только если Y существует, а также то, что X находится в некотором единственном (unique) отношении с Y . В большинстве случаев, знание сущности вещи – это предмет понимания отношений эссенциальной зависимости, в которых она находится с другими вещами, чьи сущности мы уже знаем» (курсив автора. – Н. Г.) [Ibid. P. 4, 9]. Не вдаваясь в детали примеров, которые приводит

Э. Лоу для того, чтобы проинтерпретировать приведенные представления о сущности и эссенциальной зависимости, отметим, что если мы согласились с тезисом Б. Смита, что «концепция устанавливающих истину способна играть методологическую роль в метафизике», то мы уже оказались в ситуации, когда истинность суждения «паттерн X является “реальным паттерном”» получает удовлетворительное онтологическое объяснение в терминах установления истины посредством обращения именно к *независимым* (от обсуждаемого представления о существовании) соображениям, а именно – к понятию сущности «второго» паттерна, которая, следуя Э. Лоу, онтологически предшествует его существованию.

Вернемся к проблеме адекватного онтологического объяснения существования «второго» паттерна. «Второй» паттерн является условием существования «первого». В силу того, что мы принимаем, что между паттернами действует отношение эссенциальной зависимости (мы полагаем, что объект, являющийся устанавливающим истину для утверждения о существовании «первого» паттерна, должен как-то соотноситься с устанавливающим истину для утверждения о существовании «второго», а под устанавливающим истину отношением мы уже понимаем отношение эссенциальной зависимости), вопрос существования «второго» паттерна можно подменить вопросом определения его сущности. В этом случае, у нас нет необходимости говорить о существовании «второго» паттерна, его сущность определяется в ходе проверки требования проецируемости «первого» паттерна. Отметим также, что подобное онтологическое объяснение могут получить и другие неочевидные следствия онтологии Дж. Лэдимена, такие как масштабная относительность онтологии, отсутствие индивидуальных объектов и отрицание метафоры существования фундаментального уровня описания реальности. Отрицание редукционизма можно интерпретировать как тезис о том, что объекты разных «уровней» связаны именно отношением эссенциальной зависимости, точно так же, как и «объект» и «структура», в том смысле, что в рамках онтического структурного реализма, анализируя объект, можно говорить исключительно о его сущности, а не о его существовании.

Список литературы / References

- Головко Н. В.** Натуралистический поворот: научная метафизика, Д. Деннет и Д. Росс // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 5–17.
Golovko N. Naturalisticheskii povорот: nauchnaia metafizika, D. Dennet i D. Ross [Naturalistic Turn: Naturalistic Metaphysics, D. Dennett and D. Ross]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 5–17. (in Russ.)

- Головко Н. В.** О Д. Деннете и паттернах: Р. Рорти, М. Девитт и реализм // Сибирский философский журнал. 2017а. Т. 15, № 1. С. 35–48.
- Golovko N.** O D. Dennete i patternah: R. Rorti, M. Devitt i realizm [On D. Dennett and His Patterns: R. Rorty, M. Devitt, and Realism]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017a, vol. 15, no. 1, p. 35–48. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Еще раз о Д. Деннете и паттернах: Г. Рейхенбах, Дж. Хогеланд и новый эмпиризм // Сибирский философский журнал. 2017б. Т. 15, № 2. С. 53–67.
- Golovko N.** Eshche raz o D. Dennete i patternah: G. Reichenbah, Dzh. Hogeland i novyi empirizm [On D. Dennett and His Patterns Again: H. Reichenbach, J. Haugeland, and a New Empiricism]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2017b, vol. 15, no. 2, p. 53–67. (in Russ.)
- Карпович В. Н., Головко Н. В.** Логическая глубина и проецируемость как основания для онтологического научного реализма // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 43–57.
- Karpovich V., Golovko N.** Logicheskaya glubina i proetsiruemost kak osnovanie dlya ontologicheskogo nauchnogo realizma [Logical Depth and Projectability as Foundations for Ontological Scientific Realism]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 43–57. (in Russ.)
- Armstrong D.** *a World of States of Affairs*. Cambridge Uni. Press, 1997.
- Devitt M.** *Realism and Truth*. Princeton, NJ: Princeton Uni. Press, 1991.
- French S., Ladyman J.** *The Dissolution of Objects: Between Platonism and Phenomenalism*. *Synthese*, 2003, vol. 136, p. 73–77.
- Kripke S.** *Naming and Necessity*. Harvard, MA, Harvard Uni. Press, 1980.
- Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J.** *Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2007.
- Lowe E.** *The Four-Category Ontology: A Metaphysical Foundation for Natural Science*. Oxford Uni. Press, 2006.
- Lowe E.** Metaphysics as the Science of Essence. *Analysis*, 2016, vol. 19, no. 7, p. 1–30.
- Maurin A.** Grounding and Metaphysical Explanation: It's Complicated. *Philosophical Studies*, 2019, vol. 176, issue 6, p. 1573–1594.
- Maurin A., Brinck I.** Revisionary Metaphysics: An interview with D. M. Armstrong. *Theoria*, 2005, vol. 7, no. 1, p. 3–19.
- Mulligan K., Simons P., Smith B.** Truth-Makers. *Philosophy and Phenomenological Research*, 1984, vol. 44, p. 287–321.
- Raven M.** In Defence of Ground. *Australasian Journal of Philosophy*, 2012, vol. 90, p. 687–701.
- Ross D.** Rainforest Realism: A Dennettian Theory of Existence. In: Brook A., Ross D., Thompson D. (eds.). *Dennett's Philosophy: A Comprehensive Assessment*. Cambridge, MA, MIT Press, 2000, p. 147–168.

Smith B. Truth-maker Realism. *Australasian Journal of Philosophy*, 1999, vol. 77, p. 274–291.

Smith B., Simon J. Truthmaker Explanations. *Metaphysics and Truthmakers*. Ontos Verlag, 2007, p. 79–98.

Toulmin S. *The Uses of Argument*. Cambridge Uni. Press, 1958.

Материал поступил в редколлегию

Received

14.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Nikita V. Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

golovko@philosophy.nsc.ru

УДК 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-78-84

Дефляционная теория истины и инструменталистская концепция математики

А. В. Хлебалин

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследована возможность использования дефляционной концепции истины в объяснении природы понятия математической истины в рамках инструменталистской концепции математики. Показано, что использование понятия истины в математической теории аналогично использованию «идеальной» математики в программе Д. Гильберта. Показано, что эта аналогия трактует функцию понятия истины как средство упрощения получения доказательства.

Ключевые слова

инструменталистская концепция математики, инструменталистский дефляционизм, предикат истины, доказательство

Для цитирования

Хлебалин А. В. Дефляционная теория истины и инструменталистская концепция математики // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 78–84. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-78-84

Deflationary truth theory and instrumentalist conception of mathematics

A. V. Khlebalin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper discusses the possibility of using the deflationary conception of truth in explaining the nature of the concept of mathematical truth in the framework of the instrumentalist conception of mathematics. It is shown that the use of the concept of truth in mathematical theory is similar to the use of “ideal” mathematics in D. Hilbert’s program. It is also shown that this analogy interprets the function of the concept of truth as a means of simplifying the

© Хлебалин А. В., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

process of obtaining evidence (or as speed-up function).

Keywords

instrumentalist conception of mathematics, instrumentalist deflationism, truth predicate, proof

For citation

Khlebalin A. V. Deflationary Truth Theory and Instrumentalist Conception of Mathematics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 78–84. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-78-84

Ведущую позицию в разработке проблемы истины уже многие десятилетия занимает дефляционный подход, согласно которому понятие истины не обладает существенным содержанием, а выполняет определенные логические функции. Наиболее влиятельными его представителями являются Х. Филд и П. Хорвич. Вместе с тем невероятно стремительный рост популярности дефляционного подхода привел к созданию впечатляющей палитры различных формулировок дефляционного подхода к интерпретации понятия истины, претендующих от общих заявлений и демонстраций бессодержательности понятия истины предложить формально корректную формулировку этой общефилософской концепции. Эта тенденция привела к созданию большого числа аксиоматических теорий, выражающих концепцию, согласно которой понятие истины является по сути своей синтаксическим, не включающим в себя никакого семантического содержания. Аксиоматический подход обладает очевидными преимуществами по сравнению с дефиниционным, и сторонник дефляционного подхода, как правило, предпочитает именно эту стратегию. При создании каждой из теорий четко обозначаются цели ее конструирования: выразить убеждение в том, что понятие истины не служит никакой иной цели, кроме как процедуре раскавычивания – дисквотационная теория; выражение принципа композициональности – композиционная теория. Этот перечень принципов может быть без труда продолжен. В результате современное состояние, в котором находится дефляционная теория истины, характеризуется стремлением создать аксиоматическую теорию, наиболее полно выражающую принципы дефляционной концепции, причем при создании такой теории должны использоваться исключительно синтаксические средства, «не привносящие» никаких семантических средств. Иными словами, эта, по сути своей, формально-логическая задача, – нисколько не принижая ее важности и значения для обоснования общефилософской концепции дефляционизма, – на протяжении более чем десятка лет вытеснила философские аспекты дефляционизма. В дальнейшем нас будет занимать именно вопрос о функциях предиката истины, предписываемых ему дефляционной концепцией в связи с более общими эпистемологическими теориями. Одним из очевидных кандидатов на роль последних является концепция математического инструментализма, в том виде как она представлена в программе Д. Гильберта.

В общей дефляционной концепции истины можно выделить позитивную и негативную части. Позитивная заключается в утверждении о том, что предикат истины является экспрессивным средством, позволяющим выражать обобщения наиболее естественным способом, отказ от которого потребовал бы использования намного более громоздких и искусственных средств. Простейшая форма обобщения может быть представлена следующим образом. Пусть $\ulcorner \varphi \urcorner$ будут номерами для предложений φ , и пусть имеется множество предложений, которое указано формулой $B(x)$. Если мы пытаемся утверждать все предложения в B , мы можем воспользоваться схематической формой, вроде $B(\ulcorner \varphi \urcorner) \rightarrow \varphi$ для всех предложений φ ; но она будет только аппроксимацией, а не действительным утверждением всех предложений в B . Но с помощью предиката истины $T(x)$ вполне естественным способом можно выразить обобщение $\forall x(B(x) \rightarrow T(x))$, которое включает все предложения.

Отрицательная составляющая дефляционной концепции заключается в утверждении того, что предикат истины не выполняет ничего, кроме функции обобщения. Именно отрицательная составляющая концепции явилась источником обязательства консервативности для дефляционной теории истины. Само требование консервативности может быть сформулировано в виде концепции теоретико-доказательной консервативности, согласно которой для всех формул φ языка арифметики L_A , если $T(PA) \vdash \varphi$, тогда $PA \vdash \varphi$; или в виде концепции теоретико-модельной консервативности, согласно которой каждая модель PA может быть расширена до модели $T(PA)$. Хотя далеко не все представители дефляционизма согласны с тем, что дефляционная концепция должна удовлетворять требованию консервативности расширения (см., например: [Halbach, 2011; Horsten, 2011]), интересующий нас случай возможности использования дефляционной концепции истины для выражения инструменталистского понимания математики неизбежно сталкивается с таким требованием.

В математическом инструментализме дефляционная концепция истины представлена в виде трактовки истины как «инструментального предиката». Известно, что программа Д. Гильберта, включающая инструменталистскую концепцию математики, имеет длительную историю развития, в которой для наших целей важна предложенная им в 1920-е гг. концепция различения реальной и идеальной математики. «Реальная» часть математики состоит из осмысленных предложений, обладающих значением; эти предложения основаны на концепции конкретных знаков и относятся к финитной математике; она интуитивно приемлема; наконец, эта часть математики включает в себя формализованные доказательства и может быть использована для доказательства непротиворечивости «идеальной» части. «Идеальная» математика включает трансфинитные элементы; ее предложения не имеют значения, если они не выражают финитные утверждения, в этой

связи они должны быть формализованы и должна быть доказана их непротиворечивость. Таким образом, для демонстрации непротиворечивости классической математики достаточно показать, что «идеальная» математика консервативна по отношению к «реальной» ее части, и доказательство консервативности должно быть получено в «реальной» математике. Несмотря на широко распространенное мнение о том, что теоремы К. Геделя о неполноте продемонстрировали несостоятельность программу Д. Гильберта, саму программу нельзя считать архивной историей оснований математики. Известны многие варианты ее развития в свете результатов К. Геделя.

Концепция дефляционной истины в инструменталистской математике была предложена М. Фишером. Демонстрация возможности использования дефляционной концепции истины в связи с различием идеальной и реальной математики может быть представлена следующим образом. Традиционно используемая при построении дефляционной теории истины в качестве теории синтаксиса Арифметика Пеано (РА) имеет независимое обоснование (например, доказательство Генценом непротиворечивости РА с трансфинитной индукцией) и может рассматриваться в качестве «реальной» части. Расширение языка арифметики за счет добавления предиката истины вводит идеальный элемент: «В этом случае мы не вводим новый значимый предикат, который обязывает нас к новому виду сущностей, скорее, он позволяет получить новые формулы, такие как обобщение, аналогично тому, что описано Гильбертом, когда он переходит от схематической версии к формуле со свободными переменными» [Fischer, 2015. P. 298]. Реальная часть содержит объектную теорию, ее предложения обладают значениями; объектной теории соответствует условие-истинностная семантика, в которой термин обозначают объекты, а предикаты выражают свойства. В отличие от реальной части, – в полном соответствии с дефляционной концепцией, – предикат истины не выражает свойства, а его значение полностью определяется правилами вывода и аксиомами, вполне согласно концепции дефляционного инференциализма Л. Хорстена. Здесь мы имеем дело с трактовкой предиката истины как выполняющего исключительно экспрессивную функцию, позволяющую получить новые формы выражений; по аналогии с программой Гильберта, в которой предложения идеальной математики допускаются с целью получения неограниченной квантификации, в случае инструменталистской трактовки предиката истины, этой целью являются обобщения. Второй аспект функционирования предиката истины, согласно инструменталистской трактовке, связан с его ролью в доказательстве. Согласно дефляционной трактовке, введение в теорию понятия истины не должно привести к доказательству новых теорем, а значит, роль эта связана с облегчением доказательства уже известных теорем, с «укорачиванием» этих доказательств.

Несмотря на неизбежность использования понятия истины для обобщений, вроде закона исключенного третьего, иллюстрируемая ими выразительная функция предиката истины нуждается в уточнении. Прежде всего, принято уточнять природу той знаковой системы, для которой фиксируется увеличение выразительных возможностей: речь идет о языке, логике или о теории. Остается не ясным, кому из этих трех кандидатов можно приписать исходный смысл выразительности: «...хотя кажется наиболее естественным применять понятие экспрессивности к языкам и логике. Теории обладают дедуктивной силой, которая должна быть отделена от выразительной силы; только в каком-то производном смысле позволительно использовать понятие экспрессивности применительно к теориям» [Fischer, Horsten, 2015. Р. 4]. Обычно выразительность понимается как семантическое понятие. И если мы ставим вопрос о выразительности применительно к языку или логике, то мы уже должны предполагать определенную семантику. Мы вынуждены опустить здесь обзор технических тонкостей, вступающих при семантической интерпретации выразительности применительно к языку и логике (об этом см.: [Ibid. Р. 5–7]), и ограничимся указанием на то, что, в связи с интересующим нас вопросом о совместимости утверждений о дефляционном характере понятия истины, нередуцируемости выразительной функции предиката истины и требованием консервативности расширения исходной теории, целесообразно принять следующую экспликацию понятия выразительности, увязанную с концепцией консервативности. Если мы релятивизируем языки L_1 и L_2 к классам моделей, представленных, соответственно, теориями T_1 и T_2 , требуется, чтобы можно было представить каждую модель T_1 как редукцию модели T_2 . Для этого необходимо прибегнуть к понятию семантически консервативного расширения, основанного на понятии расширения модели: Теория T_2 является семантически консервативным расширением теории T_1 , если и только если каждая модель T_1 может быть расширена до модели теории T_2 . В этом случае мы получаем следующее определение выразительности. Пусть $L_1 \subseteq L_2$. Тогда L_2 выразительно сильнее в отношении T_2 , чем L_1 в отношении T_1 , если существует класс моделей k , который является элементарным в L_2 в отношении T_2 , но для которого класс ограничений (reducts) k' не является элементарным в L_1 в отношении T_1 [Ibid. Р. 6–7].

Таким образом, понятие о выразительной функции предиката истины становится увязанным с понятием дедуктивной силы. Нужно различать понятия синтаксической и семантической консервативности. Пусть S и T будут теориями, тогда T будет синтаксически консервативным расширением S , если и только если $S \subseteq T$, и для любого ϕ в языке S , если ϕ доказуемо в T , то ϕ доказуемо и в S . И T будет семантически консервативным расширением S , если и только если все модели S могут быть расширены до моделей T . Понятие семантической консервативности сильнее, так как любое семанти-

чески консервативное расширение будет и синтаксически консервативным. Обратное не будет верным, по крайней мере, для некоторых аксиоматических теорий истины, например, для композициональной теории истины Тарского (см.: [Halbach, 2011]).

В развернувшихся дебатах об обоснованности дефляционизма в связи с неконсервативностью расширения Арифметики Пеано после добавления предиката истины обычно не уточняется, о каком виде консервативности идет речь. В аргументации С. Шапиро принимается семантическая трактовка консервативности. В этом случае теория истины, добавление которой к исходной теории приводит к семантически неконсервативному расширению, исключает некоторые модели этой исходной теории. Согласно М. Фишеру и Л. Хорстену, если мы займем позицию намеренной интерпретации арифметики и примем определение консервативности в терминах определенных подмножеств, тогда никакие возможности не исключаются неконсервативным семантическим расширением: «Если мы примем теоретико-модельную (или алгебраическую) перспективу, тогда теория истины для исходной теории не должна элиминировать возможности, тогда это не будет теорией истины для исходной теории (понимаемой как класс моделей)» [Fischer, Horsten, 2015].

Иными словами, мы можем принять одну из двух точек зрения на исходную математическую теорию: либо как на теорию об определенной модели, или же рассматривая все модели теории на равных, последнее представляет собой упомянутую выше алгебраическую позицию. Именно последний вариант представляется наиболее приемлемым для защиты дефляционной концепции истины. В таком случае формулировка теории истины для алгебраически понимаемой теории должна обеспечивать семантическую консервативность расширения исходной теории и в то же время увеличивать экспрессивную силу теории. Известна теория истины PT^* (см.: [Fischer, 2009]), которая отвечает и требованию семантически консервативного расширения теории, и требованию увеличения выразительной силы исходной теории. В отношении семантически консервативного расширения, она может рассматриваться в качестве решающего аргумента (по крайней мере, в том, что касается математического знания) против тезиса С. Шапиро о несостоятельности дефляционной концепции истины. Кроме того, PT^* определенно представляет выразительную функцию предиката истины: она допускает конечное выражение конечно не аксиоматизируемых математических теорий, позволяя доказывать семантические теоремы (теорема о полноте) и обладает неэлементарным увеличением (non-elementary speed-up) экспрессивных возможностей исходной теории (см.: [Fischer, 2009; Fischer, Horsten, 2015]). Теория PT^* представляет предикат истины как действительно увеличивающий скорость доказательства теорем в PA . Предложенная интерпретация предиката истины как средства ускорения получения дока-

зательства (или сокращение доказательства; speed-up-функция предиката истины) выявляет тесную связь дефляционизма и математического инструментализма.

Таким образом, инструменталистская трактовка предиката истины, возможность которой в общих чертах продемонстрирована, представляется вполне жизнеспособной. Следующим необходимым шагом в развитии этой концепции должно стать детальное исследование возможности инструменталистского дефляционизма соответствовать требованию консервативности расширения теории с предикатом истины. Общей стратегией решения этой проблемы может стать использование принципа рефлексии. Но сама эта проблема требует особого, отдельного рассмотрения в дальнейшем исследовании.

Список литературы / References

- Fischer M.** Minimal truth and interpretability. *Review of Symbolic Logic*, 2009, vol. 2, no. 4, p. 799–815.
- Fischer M.** Deflationism and instrumentalism. In: *Unifying the Philosophy of Truth*. Springer, 2015, p. 293–306.
- Fischer M., Horsten L.** The expressive power of truth. *The Review of Symbolic Logic*, 2015, vol. 8, no. 2, p. 1–25.
- Halbach V.** *Axiomatic Theories of Truth*. Cambridge, UK, Cambridge Uni. Press, 2011. 364 p.
- Horsten L.** *The Tarskian Turn: Deflationism and Axiomatic Truth*. MIT Press, 2011. 165 p.
- Horwich P.** *Truth*. Oxford, Clarendon Press, 1998. 190 p.

*Материал поступил в редколлегию
Received
10.10.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Хлебалин Александр Валерьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права, заместитель директора по научной работе (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Aleksandr V. Khlebalin, Candidate of Science (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Deputy Director for Research (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sasha_khl@mail.ru

УДК 168

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-85-92

Философские основания моделирования квантовых компьютеров

А. Ю. Сторожук

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Источником традиционных эпистемологических проблем квантовой механики является влияние наблюдателя на систему. В частности, к таким проблемам относится редукция волновой функции, которая вынуждает говорить физиков о «скрытых параметрах» и неполноте квантовой механики. Процесс измерений квантовой системы нарушает ее внутреннее состояние и делает невозможным получение информации о других ее параметрах (принцип неопределенности Гейзенберга). В 1980-х гг. была высказана точка зрения о необходимости создания квантового компьютера, поскольку моделирование поведения квантовой системы на классическом вычислительном устройстве не может обеспечить достаточной точности воспроизведения всех ее параметров. Возникает вопрос: насколько введение квантового компьютера способно разрешить традиционные эпистемологические проблемы квантовой механики? Способно ли моделирование поведения элементарных частиц на квантовом компьютере «обойти» проблему влияния наблюдателя на систему? Другими словами, можно ли получить информацию о поведении квантовой системы, не производя наблюдения? Сохранится ли внутреннее состояние смоделированной системы?

Ключевые слова

квантовый компьютер, влияние наблюдателя на систему, коллапс волновой функции, эпистемология квантовой механики

Для цитирования

Сторожук А. Ю. Философские основания моделирования квантовых компьютеров // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 85–92. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-85-92

The Philosophical Foundations of Quantum Computer Modeling

A. Yu. Storozhuk

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The source of some problems of the quantum mechanics is the observer's influence on the system. In particular, such problems include the reduction wave function, which

© Сторожук А. Ю., 2019

forces physicists to talk about “hidden parameters” and the incompleteness of quantum mechanics. Measurements of a quantum system violate its internal state and make it impossible to obtain information about its other parameters (Heisenberg’s uncertainty principle). In 1980 there appeared the thesis that since modeling the behavior of a quantum system on a classical computer cannot provide sufficient accuracy for reproducing all its parameters, there is a need for a quantum computer. The question arises: to what degree can a quantum computer help to solve traditional epistemological problems of quantum mechanics? Can modelling the behavior of elementary particles on a quantum computer “bypass” the problem of the observer’s influence on the system? In other words, is it possible to obtain information about the behavior of a quantum system without observation? Will the internal state of the simulated system be preserved?

Keywords

quantum computer, observer influence on the system, collapse of wave function, epistemology of quantum mechanics

For citation

Storozhuk A. Yu. The Philosophical Foundations of Quantum Computer Modeling. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 85–92 (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-85-92

Цель статьи – рассмотрение вопроса, можно ли избежать «проблемы редукции волновой функции» при получении информации о системе элементарных частиц с помощью квантового компьютера? Если в реальных экспериментах процесс измерения параметров элементарных частиц связан с коллапсом волновой функции, то моделирование поведения системы на квантовом компьютере не предполагает вмешательство наблюдателя, проводящего измерения. Позволит ли квантовый компьютер обойти принцип неопределенности?

А. И. Липкин дает следующую формулировку проблемы «редукции (коллапса) волновой функции»:

«утверждение 1: измерение есть явление, которое должно описываться квантовой теорией;

утверждение 2: на языке квантовой теории это явление описывается как мгновенное изменение волновой функции системы, ...этот скачок и называется “редукцией (или коллапсом) волновой функции”;

утверждение 3: такой переход не описывается уравнением Шредингера и поэтому оказывается “незаконным” с точки зрения уравнений стандартной квантовой механики. Выводимая из последнего утверждения (опирающегося на два первых) неполнота современной квантовой механики и необходимость дополнительного развития ее оснований и составляет суть того,

что со времен фон Неймана имеют в виду под “проблемой редукции (коллапса) волновой функции”»¹.

Рассмотрение этой проблемы приводит к формулировке тезиса о неполноте современной квантовой механики. Попытки ее решения имеют богатую историю, и их нельзя назвать удовлетворительными. Так, 1930-х гг. фон Нейман предлагал ввести в формулировку квантовой механики наблюдателя, а во второй половине XX в. появляется многомировая интерпретация Эверетта – Уиллера – ДеВитта. Согласно М. Б. Менскому, в этой интерпретации считается, что «различные члены суперпозиции соответствуют различным классическим реальностям, или классическим мирам... Сознание наблюдателя расслаивается, разделяется, в соответствии с тем, как квантовый мир расслаивается на множество альтернативных классических миров» [2005. С. 423–424].

С другой стороны можно рассматривать сознание как независимое понятие, необходимое для логической полноты квантовой механики. Например, возможно отказаться от «трудной проблемы сознания» и ограничиться рассмотрением «легкой проблемы сознания». Данное терминологическое деление было введено Д. Чалмерсом, связывающим первую проблему с вопросом связи физического состояния мозга с ментальными состояниями, а вторую – со способами получения и обработки информации на уровне психической активности мозга (см.: [Чалмерс, 2013]). При этом «легкая проблема» гораздо легче переводима на язык информационного подхода, принятого в области компьютерного моделирования.

Одна из посылок Д. Чалмерса – необходимость обратиться к квантовой механике при моделировании сознания: «Чаще всего высказывалось предположение, что квантовая механика могла бы оказаться ключом к физическому объяснению сознания. Но, как мы видели, этот проект обречен на неудачу. Квантовые “теории” сознания в итоге страдают от такого же провала в объяснении, что и классические теории. В любом случае опыт должен рассматриваться как нечто выходящее за пределы физических свойств мира. Квантовая механика, возможно, могла бы содействовать характеристике психофизической связи, но одна лишь квантовая теория не может сказать нам, почему существует сознание» [Там же. С. 413]. В классических интерпретациях квантовой механики сознание рассматривается как независимое понятие, необходимое для логической полноты квантовой механики [Безлепкин, 2019]. «Для нахождения связи между сознанием и квантовой механикой Пенроуз и Хамероф идут по пути, который для физиков является не только типичным, но часто представляется единственно возможным. Этот путь состоит в том, чтобы выделить такую материальную систему, ко-

¹ Липкин А. И. Миф об особой роли сознания наблюдателя в квантовой механике. URL: https://mipt.ru/education/chair/philosophy/publications/works/lipkin/philsci/a_3vzyrl.php

торая существенна для изучаемого явления, проанализировать поведение этой системы в соответствии с известными физическими законами и вывести все черты изучаемого явления из поведения данной системы. В этом случае ставится цель вывести все черты сознания из поведения мозга (точнее, микротрубочек) как квантовой материальной системы. Однако такой способ рассуждения, отвечающий на типичные вопросы физиков, по отношению к сознанию оказывается, по-видимому, недостаточным. Причина этого очевидна. Она в том, что сам феномен сознания лежит в центре до сих пор не решенной концептуальной проблемы квантовой механики: «проблемы квантового измерения» [Менский, 2015. С. 52]. Признание влияния наблюдателя на квантовую систему предполагает субстанциальный дуализм, противопоставляющий сознание материальному миру. Предположение о субстанциальном дуализме ведет к еще большему провалу в объяснении, так как нарушает принципы физического единства мира и принцип причинной замкнутости. Дуализм с неизбежностью предполагает, что физическая система производит нечто сверхъестественное (сознание). Признание влияния сознания на тело нарушает закон сохранения энергии, так как предполагает наличие нематериальной причинности. Однако решение «легкой проблемы сознания» не должно нарушать причинно-следственные связи физического мира, с одной стороны, но с другой – объяснить наличие взаимодействия между физическим объектом – мозгом и нефизическим по сути сознанием.

Проблема сознания кажется неразрешимой в рамках классических подходов, поэтому ее пытаются решить в рамках различных информационных подходов к описанию сознания. Например, «с точки зрения информационной причинности сознание воздействует не на физическое сущее как таковое, а на суперпозицию возможных состояний, определяемую процессами физического порядка» [Черепанов, 2017. С. 27]. В данном случае, переход с онтологического уровня на информационный осуществляется с помощью обращения к многомировой интерпретации квантовой механики, в рамках которой рассматривается суперпозиция состояний. Как отмечают целый ряд авторов, мы можем расширить «интерпретацию Эверетта» настолько, чтобы она включала и мозг наблюдателя [Mensky, 2013]. В рамках этого подхода, применяя к объяснению феномена сознания «расширенную интерпретацию Эверетта», акт осознания рассматривается как проекция суперпозиции состояний на одно из состояний ансамбля. Тем самым устанавливается структурная аналогия между информационной природой сознания и квантово-механическим описанием реальности.

Чтобы решить проблему редукции волновой функции с помощью квантовых компьютеров, рассмотрим подробнее их архитектуру и историю сознания. Идея квантового компьютера была высказана еще в 1980 г. Ю. Ма-

ниным, а в 1981 г. Р. Фейман заговорил о невозможности точного моделирования поведения системы квантовых частиц на классическом компьютере и о необходимости разрабатывать иную материальную реализацию, основанную на принципах квантовой механики.

Появление квантового компьютера связано с изменением взглядов на вычисления. Если еще двадцать лет назад вычисления рассматривались как абстрактная логическая процедура, то сейчас на первый план выходят исследования материальной реализации вычислительного процесса. Сама идея новой парадигмы еще в 1960 г. была высказана американским физиком Р. Ландауэром, говорившим, что вычисления реализуются на устройствах, работающих на основе естественных процессов, и что для определения принципиальной границы вычислимости нужно знать физическую реализацию. Постепенно формируется тенденция рассматривать квантовую теорию не как онтологию мира, а лишь как удачную вычислительную машину, предсказывающую вероятности исходов.

До указанной смены парадигмы прогресс компьютерной техники шел по пути количественного усиления вычислительных мощностей на основе полупроводниковых устройств. Квантовый компьютер дал толчок развитию широкого спектра подходов к моделированию основной единицы квантового компьютера – кубита. Реализации включали различного рода квантовые системы – от захваченных в ловушку атомов и даже крупных молекул, состояние которых управлялось посредством изменения внешнего магнитного поля, до кольцевых токов в среде сверхпроводников.

Практический интерес к созданию квантовых компьютеров возник после доказательства в 1994 г. П. Шором теоремы о возможности быстрого разложения на множители больших чисел с помощью квантового алгоритма. Чтобы понять значение его открытия, надо рассказать о роли этой математической процедуры в современном Интернете. Информация от пользователя к пользователю передается в зашифрованном виде, основной алгоритм шифрования основан на перемножении двух больших простых чисел. В основе всей криптографии лежат две взаимобратные математические процедуры, одну из которых выполнить легко (например, умножение чисел), а вторую сложно (например, разложить на простые множители). Шифрование происходит с открытым ключом, т. е. одно из простых чисел и зашифрованная информация передаются в открытом доступе, а принимающий компьютер проводит расшифровку полученных сообщений, разлагая на множители полученные данные (технология RSA DATA SECURITY, Inc.) Поскольку на множители разложить трудно (это задача решаемая полным перебором), обратное вычисление на обычных компьютерах занимает длительное время. Этот алгоритм шифрования используется в банковских электронных системах, при передачи данных в личных кабинетах и т.д. В случае

изобретения квантовых компьютеров банкам придется переходить на другие методы защиты информации, так как алгоритмы шифрования окажутся легко доступными для злоумышленников.

Поэтому в технологии развития квантовых компьютеров были вложены огромные средства. Сама архитектура памяти повторяет принципиальную структуру памяти обычного компьютера, в которой минимальной единицей является *бит* – ячейка памяти, принимающая значения ноль или единица. Ячейка памяти квантового компьютера называется *кубит*, его отличие от бита в том, что кубит может принимать также и все промежуточные значения от нуля до единицы. Кроме того, в квантовом компьютере применяется принцип суперпозиции, согласно которому ячейка памяти находится во всех состояниях одновременно, что позволяет вести параллельные вычисления [Quantum Computing..., 2019.]. Также имеется отличие и в числе задействованных параметров. Если в классическом компьютере использовалось только одно свойство элементарной частицы – заряд электрона, то в квантовом компьютере используются целый спектр квантовых чисел и запутанность ансамбля частиц.

На пути создания квантового компьютера стоят большие технологические проблемы. Квантовая система, которой является кубит, очень нестабильна, быстро распадается, что не позволяет запускать на квантовом компьютере длительные вычисления, и, кроме того, квантовая система имеет низкую помехоустойчивость, т. е. на нее сильно влияют шумы. Поэтому ядро квантового компьютера может работать только при сверхнизких температурах, когда уменьшаются помехи идущие от теплового колебания атомов и имеет место сверхпроводимость.

В последние пару лет произошел значительный прорыв в создании квантового компьютера. В 2019 г. команда IBM открыла облачный доступ к квантовому компьютеру на основе 50 кубитов. В марте 2019 г. в Британии реализована первая в мире компьютерная сеть с новыми принципами защиты информации. Теперь вместо шифрования на базе вычислений реализуется защита от считывания, основанная на принципах квантовой механики.

Квантовый компьютер – новый способ микрочастиц взаимодействовать с человеческим сознанием. В квантовом компьютере элементарные частицы играют информационную роль помимо сознания наблюдателя, проходя несколько этапов эволюции и сохраняя свою сущность. Устранение процедуры измерения позволяет не поднимать вопросы, связанные с рядом парадоксов квантовой механики. Вопрос об исключении влияния наблюдателя на квантовую систему решается с точки зрения информационного подхода. В последнем случае роль человеческого сознания для квантового объекта состоит в том, что его материальные свойства преобразовываются в информацию. Определенность возникает только в нашем сознании, но не в самом

объекте, сознание воздействует не на физическое сущее как таковое, а на суперпозицию возможных состояний.

Вернемся к возможности решения эпистемологических проблем. Можно ли получать информацию о квантовой системе без ограничений, «обходя» с помощью квантового компьютера принцип неопределенности? Нам представляется, что нет. Квантовый компьютер – физическая система и подчиняется всем ограничениям материальных систем. В частности, получение и передача информации упираются в проблему масштабирования многочастичных систем. Кроме того, для квантовых компьютеров доказана теорема о запрете клонирования, т. е. существует проблема с копированием квантовых запутанных состояний. Другими словами, обычная для классического компьютера процедура копирования информации может оказаться вовсе не реализуемой на квантовом компьютере.

Список литературы / References

- Безлепкин Е. А.** Квантово-механические процессы в структуре мозга: анализ теорий // *Философия науки*. 2019, № 3 (82). С. 101-111
- Bezlepkin E.A.** Quantum-mechanical processes in the structure of the brain: analysis of theories. *Philosophy of Science*. 2019, no. 3 (82), p. 101–111. (in Russ.)
- Менский М.** Интуиция и квантовый подход к теории сознания // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 48–57.
- Mensky M.** Intuition and the quantum approach to the theory of consciousness]. *Questions of Philosophy*. 2015, no 4, p. 48–57. (in Russ.)
- Менский М.Б.** Концепция сознания в контексте квантовой механики // *Успехи физических наук*. 2005. Т. 175, № 4. С. 413-435.
- Mensky M.B.** The concept of consciousness in the context of quantum mechanics. *Advances in Physical Sciences*, 2005, vol. 175, no. 4, p. 413–435. (in Russ.)
- Чалмерс Д.** Сознание ум: в поисках фундаментальной теории. Либроком, 2013.
- Chalmers D.** The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Librocom, 2013. (in Russ.)
- Черепанов И.В.** Квантово-информационный эпифеноменализм. Новосибирск, 2017.
- Cherepanov I.V.** Quantum-informational epiphenomenalism. Novosibirsk, 2017. (in Russ.)

Mensky M. Everett Interpretation and Quantum Concept of Consciousness. *NeuroQuantology*, 2013, vol. 11 (1), p. 85–96.
Quantum Computing: Progress and Prospects. Grumbling E., Horowitz M. (eds.)
Washington, DC: NAP, 2019.

Материал поступил в редколлегию

Received

14.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Сторожук Анна Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Anna Yu. Storozhuk, Doctor of Philosophy, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Stor71@mail.ru

УДК 303.01

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-93-105

«Кризис» в социальных, экономических и политических науках: к попытке осмысления понятия

В. В. Самсонов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются особенности изучения кризиса в различных науках об обществе. Анализируются траектория развития этого понятия и особенности формулировки концепций кризиса как социального, экономического и политического явления. Показано, что бесконечное усложнение кризисных ситуаций выступает характерной чертой современности. Это актуализирует потребность в компиляции знаний, накопленных различными науками, и одновременно – и в их возможном переосмыслении.

Ключевые слова

кризис, науки об обществе, концептуализация, проблематизация, система

Для цитирования

Самсонов В. В. «Кризис» в социальных, экономических и политических науках: к попытке осмысления понятия // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 93–105. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-93-105

“Crisis” in Social, Economic and Political Sciences: An Attempt to Understand the Concept

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article considers the features of studying the crisis in various social sciences. The trajectory of development of this concept is shown, the features of the formulation of the conceptions of the crisis as a social, economic and political phenomenon are analyzed. It is shown that the infinite complication of crisis situations is a characteristic feature of modernity. This actualizes the need for the compilation of knowledge accumulated by various sciences and at the same time – for its possible rethinking.

Keywords

crisis, social sciences, conceptualization, problematization, system

For citation

Samsonov V. V. “Crisis” in Social, Economic and Political Sciences: An Attempt to Understand the Concept. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 93–105. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-93-105

В настоящее время кризисная парадигма анализа социальных и экономических процессов становится одной из наиболее распространенных методологических установок при изучении изменений, происходящих в современном мире – как на глобальном, так и на национальном, региональном, локальном уровнях. Для социальных наук характерной чертой является постепенная и закономерная смена методологических установок в отношении объяснения социальных явлений. В частности, на смену объяснительных парадигм указывает П. Штомпка в своей работе «Социальное изменение как травма». Если в XIX в. социальные изменения рассматривались в рамках парадигм прогресса, то в XX в. происходит рост влияния постэволюционистской и постпрогрессистской парадигм кризиса, а с конца столетия для характеристики процессов социальных изменений все чаще используется слово «травма» [Штомпка, 2001. С. 6].

Понимание социальных явлений как кризисных ставит перед исследователями ряд проблем, прежде всего методологического характера, связанных с определением природы современного глобального кризиса, а также классификацией кризисов, разворачивающихся одновременно по всему миру. Можно предположить, что за различными методологическими позициями стоит общая перестройка картины мира и пересмотр мировоззренческих позиций и отношения к феномену кризиса.

Электронная энциклопедия «Википедия» определяет кризис как «переворот, пору переходного состояния, перелом, состояние, при котором существующие средства достижения целей становятся неадекватными, в результате чего возникают непредсказуемые ситуации»¹. Это слово греческого происхождения. Исследователь Античности А. Б. Егоров указывает, что κρίσις происходит от глагола κρίνω (krínō), означающего «определять, выбирать», который прочно вошёл в античную судебную практику и «обозначал все действия судебного процесса: обвинение, ведение судебного процесса, состязание сторон, а также вынесение приговора, также сохраняя общее значение “ведения дела в суде”. Слово κρίσις, сохраняя эти значения (суд, судебное разбирательство, приговор), приобретает и несколько новых значений: исход (битвы), спор, состязание, толкование (сна); негативного смысла в термине практически не отмечается» [2013. С. 348]. Можно заметить, что и по произношению, и по значению слово близко русскому слову «крениться».

В свою очередь κρίνω имеет индоарийские корни и является производной формой от более раннего протоиндоевропейского корня krey-, переводимого как «просеивать, разделять, разбирать», в том числе употребляется в значении «внимательно что-то исследовать для поиска истины, разде-

¹ Википедия, свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%81>. (дата обращения 01.09.2019).

лять, судить»². Слова из разных языков, производные от указанного корня (включающие и французское *crucial*, и латинские *crux*, *cross*, и английское *crisntmas*), позволяют сделать вывод о близости понятия, выражаемого словом «кризис», к таким понятиям, как «круг», «кружить», «поворачивать».

Можно заметить, что наиболее давнее из известных нам значений этого термина толкует его не в негативном ключе, а как проявление закономерного хода событий. Да и многие из более современных употреблений также лишены негативного контекста. Получается, что кризис – это явление действительно поворотное, центральное, стержневое, но при этом неизбежное и закономерное. Наиболее близкими аналогиями в данном случае могут служить природные циклические события в окружающем нас мире: смена времен года, равноденствия, солнцестояния, циклы движения планет и пр.

Такое понимание закономерного характера кризисных явлений не только в жизни общества, а в функционировании мироздания, вместе с дискурсами о кризисе, которые становятся все более интенсивными, все более актуальными и нарастают буквально лавинообразно, заставляет признать тот факт, что, по-видимому, человечество действительно переживает сегодня некий поворотный, кризисный этап, решающий для последующего развития. Более того, оно пытается осознать это состояние, проблематизируя и концептуализируя его в целом ряде смежных социальных, экономических, психологических дисциплин.

С такой точки зрения актуальными становятся общий обзор подходов к рассмотрению кризисных явлений и выявление общих трендов и закономерностей в изучении кризисов, чтобы понять, каким образом современная наука и шире – современное общество решают эту проблему и на каких основаниях, предлагаемых современной наукой, эта проблема может быть решена. Цель данной работы – показать, каким образом различные науки об обществе сегодня изучают кризисные явления, т. е. каким образом происходят концептуализация, проблематизация и исследование кризиса в различных сферах жизни общества.

В экономических науках основы представлений о кризисе начали формироваться раньше, чем в социальных, и к началу XX в. прошли несколько концептуально различных этапов. Среди первых экономистов (Д. Милль, Ж.-Б. Сэй, Д. Рикардо) преобладало представление о том, что при капитализме кризис не является угрозой. Поскольку между спросом и предложением всегда существует относительное равновесие, то перепроизводство товаров в масштабах всего общества невозможно, а саморегулирующаяся система рынка может переварить возникающие кризисы.

² Wiktionary, the free dictionary. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/Reconstruction:Proto-Indo-European/krey->. (дата обращения 01.09.2019).

Затем К. Маркс показал, что опосредованность обмена товаров деньгами создает несовпадения в работе системы и соответственно ведет к возможности возникновения кризисов. По сути дела, представления о кругообороте капитала предопределили и предвосхитили представления о циклическом характере всех хозяйственных процессов и о неизбежности кризисов.

Таким образом, уже к началу XX в. в экономических науках понимание кризиса складывалось под влиянием представлений о циклическом характере экономических процессов. В связи с этим, понятие «кризис» рассматривалось не само по себе, а в комплексе с такими категориями, как «цикл» или «волна». Цикличность мыслилась как универсальная форма движения хозяйств, независимо от масштаба, т. е. как мировых, так и национальных. Революции, эволюции, спады, подъемы, кризис и прогресс – все эти феномены концептуализировались как стадии, этапы, циклического развития [Агапова, Серегина, 1997].

Цикл представляет собой интервал времени в развитии экономики, в течение которого происходит увеличение объема производства товаров и услуг, а затем их сокращение и спад [Файншмидт, 2014]. С такой точки зрения, кризис необходимо рассматривать, как обязательную составную часть каждого отдельного цикла либо как часть между двумя волнами экономического подъема, в рамках многократно повторяющихся циклических колебаний. Иначе говоря, кризис понимается преимущественно как нисходящая фаза экономического цикла.

Подобное представление начало формироваться благодаря появившимся возможностям сравнительного анализа больших массивов данных, относящихся к особенностям хозяйствования разных стран. В качестве наиболее яркого и одновременно наиболее значимого вклада в развитие циклического понимания характера экономической деятельности, и соответственно кризиса как составной части цикла, необходимо отметить теорию российского экономиста Н. Кондратьева.

Проведя сравнительный анализ макроэкономических показателей стран Западной Европы и США с 1790 по 1920 г., Кондратьев обнаружил синхронность их роста и спада и доказал, что развитие мировой, прежде всего капиталистической экономики представляет собой последовательное чередование периодов замедленного и ускоренного роста. Каждый такой период длится два-три десятилетия, а весь цикл составляет 50–60 лет. Свои идеи он изложил в 1928 г. в работе «Большие циклы конъюнктуры», однако в дальнейшем работа не была продолжена, поскольку автор был репрессирован и расстрелян. Тем не менее на основании своих наблюдений он сделал долгосрочный прогноз до 2010 г., в том числе предсказал Великую депрессию 1930-х гг. и глобальный экономический кризис 2008 г. [Кондратьев, 2002].

Теория кондратьевских циклов до сих имеет много сторонников. Не останавливаясь в рамках данной работы на ее более подробном анализе, целесообразно отметить лишь два момента. Во-первых, смена циклов связана со сменой технологических укладов, их главной движущей силой являются радикальные изменения в технологической базе общественного производства, его структурная перестройка. Во-вторых, Кондратьев отметил любопытную закономерность, связанную с социальными и политическими процессами: во время экономических подъемов происходило вовлечение новых стран и регионов в мировую торговлю и в мировое разделение труда, но одновременно эти процессы сопровождались увеличением количества войн и восстаний.

Анализ хозяйственных практик позволил исследователям выделить еще несколько типов экономических циклов или волн, наиболее известными из которых являются циклы Эллиотта (29 лет), циклы С. Кузнеца (18–25 лет), циклы К. Джуглера (7–11 лет), циклы Дж. Китчена и ряд других циклов [Файншмидт, 2014]. Их колебания обусловлены различными причинами экономического характера, такими как инвестиционная активность, эмоциональные настроения потребителей, величина запасов товарно-материальных ценностей на предприятиях и пр.

Характеризуя изучение кризисов в рамках циклических концепций развития, надо отметить, что цикличность рассматривается как черта преимущественно экономического развития, и другие сферы жизнедеятельности общества воспринимаются циклически ровно настолько, насколько связаны с развитием экономики. Объясняется это тем, что представление о циклическом характере развития было получено преимущественно из анализа экономических данных, отражающих различные аспекты функционирования хозяйственных систем. Экономические процессы не просто связаны с процессами социальными и политическими, но мыслятся как приоритетные по отношению к ним. Этот тезис следует и из марксистской методологии исследования, и из буржуазных экономических теорий.

Несмотря на постулируемый циклический, закономерный характер развития экономических систем, предсказание появлений очередных кризисов фактически оказывается крайне затруднительным, поскольку кризисы возникают под воздействием слишком большого количества переменных. На практике постулирование периодического характера кризисов не делает их более предсказуемыми. Следствием такого положения дел является то, что сама цикличность экономического развития и кризисов подвергается сомнению. Целый ряд экономистов, в том числе нобелевские лауреаты П. Самуэльсон, В. Леонтьев, П. Кругман отрицают закономерность экономических циклов, ссылаясь на то, что периодичность циклов весьма отно-

сительна, и склоняясь к интерпретации кризиса в терминах стихийного развития.

Таким образом, в рамках экономических наук отношение к кризису двоякое, он мыслится и как закономерное, и как стихийное явление. Тесная взаимосвязь экономических процессов с социальными еще более затрудняет прогнозирование ситуации и ведет к сближению экономических теорий кризиса с теориями кризиса, разрабатываемыми в рамках других наук.

Изучение кризиса в рамках социальных наук также имело свои особенности, связанные со специфическим видением этого явления, как части социальных процессов. Одно из первых крупных исследований кризиса на современных этапах развития общества было предпринято американским социологом У. Томасом в первое десятилетие XX в. Будучи социологом и этнологом, У. Томас заметил, что современные общества в отличие от традиционных являются более изменчивыми. Быстрый рост социальной эволюции заявляет о себе в виде различных и разнообразных кризисов. Кризис свидетельствует о том, что условия изменились и необходима новая модель поведения. Однако увеличение скорости социальных изменений приводит к тому, что техники выхода из кризисных ситуаций не успевают апробироваться на практике и закрепиться в виде системы запретов или табу [Томас, Знанецкий, 1994].

Крайне важным оказался вывод У. Томаса об амбивалентном характере кризиса. С одной стороны, кризис несет в себе разрушительный потенциал и может привести к разрушению институтов и целых социальных групп. С другой стороны, именно кризисные ситуации дают стимул для дальнейшего развития. Томас связывает возникновение кризисов с особенностями человеческого разума и приходит к выводу о том, что разум человека формируется именно благодаря влиянию кризисных ситуаций, которые необходимо решать. В силу того, что такие явления свойственны человеку, как «язык, мышление, обсуждение, логический анализ, абстракция, технические изобретения, магия, религия и наука, развивались... путем разрешения сложных ситуаций через перестройку привычного поведения, то можно сказать, что и разум сам по себе является продуктом кризиса» [Thomas, 1909. P. 17.] Более того, уровень прогресса отдельных народов коррелирует с количеством перенесенных кризисов.

Еще одной важной чертой, проявившейся в рамках исследований кризиса как социального явления, оказалось внимание к субъективному, ментальному измерению кризиса. Как отметил Томас, последствиями субъективно воспринимаемого кризиса оказываются объективные изменения в функционировании социальных структур, поскольку люди в результате начинают взаимодействовать по-другому. Основное положение, сформулированное на основе такого подхода, ставшее известным как «теорема Томаса», гласит:

«Если люди считают ситуации реальными, они оказываются реальными по последствиям» [Thomas W., Thomas D., 1928. P. 571–572].

Эту же связь между субъективным и объективным измерением кризиса позже отметил немецкий философ Ю. Хабермас. В работе «Проблема легитимации позднего капитализма» он отмечает, что кризисы возникают в тех случаях, когда система предоставляет меньше возможностей, чем необходимо для решения кризисной ситуации. Однако главным оказывается не это. О кризисе мы можем говорить только тогда, когда члены сообщества воспринимают структурные изменения как критические и ощущают угрозу своей социальной идентичности. Таким образом, Ю. Хабермас, с одной стороны, концептуализирует кризис как несоответствие потребностей и возможностей системы, а с другой, в качестве необходимой черты социального кризиса постулирует его субъективное, «ментальное» восприятие. Кризис – это особенность восприятия сознания, причем такое восприятие во многом опосредовано. Проблемы, из которых возникают кризисы, как правило, не осознаются действующими субъектами, но влияют на их поведение [2010. С. 10–13].

Амбивалентный характер кризисов был отмечен и П. Сорокиным, который определил данную особенность как «закон позитивной и негативной поляризации». Проанализировав 1 622 социальных кризиса, имевших место с 600 г. до н. э. по 1925 г., Сорокин определил, что в кризисные периоды для людей характерны полярные типы, с одной стороны альтруистические и созидательные, с другой – эгоистические и разрушительные. Проявление определенного типа поведения зависит от типа личности, но в обществе обязательно присутствуют представители обоих типов. Поэтому революционные изменения имеют два типа последствий: не только деструктивные, но и конструктивные, и это правило действует не только к политике, но почти во всех сферах жизни общества. Если революция приходится на период подъема, то преобладают положительные эффекты, а если на период упадка, то – отрицательные. О полном завершении революции, т. е. ситуации кризиса, можно говорить лишь тогда, когда закончатся не только революционные события, но и общественная реакция на них. Именно на стадии реакции происходит снижение градуса революционных настроений и закрепление новых институтов, которые, к слову, могут быть как эволюционно полезными, так и диктаторскими и традиционными (см.: [Сорокин, 1997]).

Таким образом, концептуализация кризиса в социальных науках в первую очередь связывает объективные реалии и субъективные представления о них. Любой кризис всегда имеет проекцию в сознании индивидов, отсюда внимание к личностным установкам, ценностям, субъективному восприятию. При этом постулируется амбивалентный характер кризиса, кризис – это точка бифуркации, развилка социального развития, которая обязатель-

но содержит не только отрицательный, но и положительный импульсы. Потребность в преодолении кризисных ситуаций мыслится как обязательная черта человеческого сознания. Можно добавить, что к подобным выводам приходит и другой исследователь, занимающийся историей и философией науки – Т. Кун, когда пишет о потребности решать умственные головоломки и о том, что развитие науки структурируется вокруг этой особенности человеческого сознания (см.: [Кун, 2003. С. 64–71]).

Вообще, можно заметить, что для социальных наук понимание кризиса связано с представлением о социальной системе в целом, это некое качество, которое ей присуще. Независимо от того, что является причинами кризиса: объективные системные нарушения или субъективное коллективное осознание ситуации как кризисной, – эти две плоскости оказываются взаимозависимыми, и кризис переходит из одной плоскости в другую.

Отдельным, но крайне важным ответвлением в изучении кризисов, возникшим на стыке экономических и социальных наук в середине 70-х гг. XX в., можно считать исследование функционирования кризисов на уровне предприятий и организаций. Пионерами здесь стали социологи Р. Дайнз и Э. Карантелли, которые в 1976 г. провели исследование «Организационные коммуникации и принятие решений в кризисных ситуациях» [Dynes, Quarantelli, 1976]. Они проанализировали более 300 практических случаев кризисов на предприятиях, а в качестве приоритетных предметов исследования выделили принятие решений, координацию, коммуникацию в условиях кризисных ситуаций. В результате ими были сформулированы такие понятия, как «кризисное управление» и «кризисные коммуникации».

Важно подчеркнуть, что возможности данного, а также ряда других эмпирических исследований кризисов ознаменовали развитие принципиально нового микроуровневого анализа кризисных ситуаций. Такой подход отличается, прежде всего, объектом исследования, это не общество или его подсистемы – предприятия и организации. Изучение кризиса в повседневной жизни породило новое восприятие кризиса как познаваемого и управляемого процесса. Произошла рутинизация кризиса, кризисы стали восприниматься как неотъемлемая часть образа жизни людей. На практике это привело к тому, что выводы социологических и экономических исследований стали все больше использоваться в менеджменте и администрировании; организации стали все больше внимания уделять анализу угроз и кризисов в своей деятельности, возникли такие профессии, как «кризисный управленец», «кризисный менеджер», для представителей которых кризисы превратились в рутинное явление.

Еще одна волна исследований кризисных ситуаций в обществе имела место в политических науках. Эта сфера исследований отличалась вниманием к процессам на уровне социальных систем в целом, что позволило говорить

о формировании макроуровневого подхода к изучению кризиса (в противовес микроуровневому, сформировавшемуся в рамках экономических наук). Расцвет внимания к политической составляющей кризиса пришелся на 70–80 гг. XX в.

Важной составляющей, сделавшей возможным реализацию макроуровневого подхода, стало параллельное развитие и применение принципов системного и структурно-функционального подходов к анализу социальных и политических систем, а в дальнейшем введение в методологию наук об обществе принципов исследования нелинейных систем. В результате ракурс рассмотрения кризиса и вся его концептуализация значительно изменились. Если раньше кризис рассматривался как часть социальной или политической системы, то теперь все общество стало рассматриваться как система, причем как система, функционирующая на основе принципов нелинейности. Видение социальных систем как нелинейных было дополнено постулатом о неравномерности развития различных сфер жизнедеятельности общества. Кризис стал рассматриваться как часть развития нелинейных систем. При осмыслении кризиса стал использоваться образ запаздывания, несоответствия одних элементов системы другим. Такое видение нашло отражение в целом ряде политических и социальных теорий.

Например, теория культурного лага У. Огборна учитывала неравномерность развития материальных и нематериальных сфер жизнедеятельности общества. Модель перестройки Арнольда объясняет экономические и социальные провалы в периоды реформ особенностью функционирования нелинейных систем.

Российский исследователь В. Венда показал, что возникновение волн развития сложных систем (и в том числе волн прогресса общества) подчинено закону трансформационного спада: достижение максимума любого из показателей системы ведет к последующему изменению структуры этой системы, причем переход к новой структуре связан, при прочих равных условиях, с обязательным временным снижением данного показателя [1990].

Таким образом, с точки зрения системного подхода кризис (или его итог) – это процесс необратимых изменений у элемента системы, в результате того, что какие-то его свойства оказываются подавлены или какие-то функции он не может выполнять. Результатом кризиса всегда является деление элементов системы, переживающей кризис, на две или более части (подавленные элементы ищут выход), таким образом, развитие системы усложняется и происходит перестройка всей ее структуры.

Эскалация кризисов, наблюдаемая в современном мире, изменяет и восприятие мирового сообщества в целом. Рубеж XX–XXI вв. все чаще характеризуется исследователями как «мировое общество риска» (У. Бек), «эра кризисов» (О. Лербингер), «сложный социум» (С. Кравченко). Подобная

тенденция ярко демонстрирует, что даже в научном дискурсе о кризисе становится невозможно говорить, как о чем-то единичном.

В целом развитие теорий кризиса в науках об обществе демонстрирует следующую траекторию. В период с начала XX в. и до середины 1970-х гг. имеет место первый этап развития теорий кризиса. На этом этапе происходят формулировка концепций кризиса как социального, экономического и политического явления и его отдельные исследования в рамках каждой из наук. Подобные разрозненные исследования позволили выделить и проанализировать различные аспекты кризисных явлений и их проявления в жизни общества.

С середины 70-х гг. и до настоящего момента начинается второй этап в развитии теорий кризиса, который характеризуется сразу двумя в какой-то степени противонаправленными тенденциями.

С одной стороны, происходит «рутинизация» кризиса. Он связан с развитием микроуровневого подхода к кризису и исследованием особенностей функционирования кризиса не на уровне обществ или его подсистем, а на уровне предприятий и организаций.

С другой стороны, происходит «глобализация» кризиса. Это связано с формированием макроуровневого подхода к анализу кризисных ситуаций, попытками создания интегральной концепции кризиса и кризисного управления; сближением различных дисциплин и подходов.

По сути дела, бесконечное усложнение кризисных ситуаций делает все более насущной потребность в компиляции знаний, накопленных различными науками, но одновременно – и в возможном переосмыслении этих знаний.

Спектр исследований кризиса в различных науках об обществе специально представлен в данной статье достаточно схематично. По мнению автора, учитывая количество, сложность и многоплановость исследований кризиса, именно такой подход является необходимым, если мы за спецификацией и специализацией отдельных научных дисциплин хотим увидеть траекторию осмысления основных проблем, наиболее остро возникающих на протяжении последних двух веков.

Анализ изучения кризиса в различных социальных науках показывает, что исследования этого явления были начаты по-разному в различных дисциплинах и по-разному концептуализированы. Все эти наработки, подчеркивавшие различные аспекты кризисных ситуаций и предлагающие различные методы их анализа и интерпретации, оказались крайне важны при формировании двух современных направлений в исследовании кризиса, которые условно можно назвать макро- и микроанализом кризиса. А формирование подобных глобальных подходов к исследованию в свою очередь оказалось продиктовано сложностью самого предмета исследова-

ния, амбивалентной сущностью кризисов и многоаспектностью их современных формаций.

Пример кризиса как предмета исследования показывает траекторию движения социальных наук не просто от частного к общему, а от единой нерасчлененной проблематики (характерной для социальных наук в XIX в.) – через концептуализацию проблем в поле отдельных наук в XX в. – к попытке более сложного, комплексного понимания предмета исследования, обуславливающего все большую потребность в междисциплинарных исследованиях, ставшую явной на рубеже XX–XXI вв.

В результате всех современных исследований мы видим кризис все более многоаспектным и многоплановым, но именно эти его черты сегодня представляют основную сложность для изучения. Несмотря на то, что кризисные ситуации становятся сегодня приоритетным объектом исследования, само количество кризисов в «эру кризисов» не дает возможности пока увидеть ни общую схему этого процесса, ни отдельных частей внутри него. В результате видение кризиса до сих пор является во многом спорным: мы колеблемся между признанием его циклического (то есть закономерного) и стихийного характера, между восприятием кризиса как статичного явления (момента, ситуации, поворотного пункта) и как процесса. Положение дел усугубляется необходимостью признания вероятностного характера кризиса, невозможностью ни его более или менее точного предсказания, ни предсказания его реальных последствий.

В целом подобная ситуация выступает следствием современного уровня развития социальных наук, которые, несмотря на все достижения, находятся пока на стадии накопления и анализа информации.

Список литературы / References

Агапова Т. А., Серегина С. Ф. Макроэкономика: Учебник. М.: МГУ им Ломоносова, «ДИС», 1997.

Agarova T. A., Seregina S. F. Makroekonomika: Uchebnik [Macroeconomics: Textbook]. Moscow, Lomonosov MSU, "DIS", 1997. (in Russ.)

Венда В. Ф. Системы гибридного интеллекта. М.: Машиностроение, 1990.
Venda V. F. Sistemy gibridnogo intellekta [Hybrid intelligence System]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1990. (in Russ.)

- Егоров А. Б.** Кризисы в истории Рима (события и проблемы) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира: Сб. ст. к 80-летию со дня рожд. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2013. Вып. 12. С. 346–365.
- Egorov A. B.** Krizisy v istorii Rima (sobytiya i problemy) [Crises in the history of Rome (events and problems)]. In: Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Sbornik statei k 80-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E. D. Frolova [Mnemon. Research and publications on the history of the ancient world: Collection of articles dedicated to the 80th birthday of prof. E. D. Frolov]. St. Petersburg, 2013, no. 12, p. 346–365. (in Russ.)
- Кондратьев Н.** Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избр. труды. М.: Экономика, 2002. 767 с.
- Kondratiev N.** Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy [Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Selected works]. Moscow, Ekonomika Publ., 2002, 767 p. (in Russ.)
- Кун Т.** Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
- Kun T.** Struktura nauchnykh revolyutsii [Structure of scientific revolutions]. Moscow, ООО «Izdatel'stvo AST», 2003, 605 p. (in Russ.)
- Сорокин П.** Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. 350 с.
- Sorokin P.** Glavnye tendentsii nashego vremeni [Main trends of our time]. Moscow, Nauka, 1997, 350 p. (in Russ.)
- Томас У., Знанецкий Ф.** Методологические заметки // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 182–194.
- Tomas U., Znanetskii F.** Metodologicheskie zametki [Methodological notes]. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty. In: American sociological thought: Texts. Moscow, MSU Press, 1994, p. 182–194. (in Russ.)
- Файншмидт Е. А.** Кризис-менеджмент: Учеб. пособие. М.: Евразийский открытый институт, 2014. 399 с.
- Fainshmidt E. A.** Krizis–menedzhment: uchebnoe posobie [Crisis management: textbook]. Moscow, Evraziiskii otkrytyi institut, 2014, 399 p. (in Russ.)
- Хабермас Ю.** Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010, 264 с.
- Khabermas Yu.** Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma [The Problem of legitimation of late capitalism]. Moscow, Praksis Publ., 2010, 264 p. (in Russ.)
- Штомпка П.** Социальное изменение как травма (статья первая) // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
- Shtompka P.** Sotsial'noe izmenenie kak travma (stat'ya pervaya) [Social change as trauma (article the first)]. Socis, 2001, no. 1, p. 6–16. (in Russ.)
- Dynes R. R., Quarantelli E. L.** Organization Communications and Decision Making in Crises. Columbia, Ohio, Disaster Research Center, The Ohio State Uni., 1976.

Thomas W. I., Thomas D. S. The child in America: Behavior problems and programs. New York, Knopf, 1928.

Thomas W. I. Source Book for Social Origins: Ethnological Materials, Psychological Standpoint, Classified and Annotated Bibliographies for the Interpretation of Savage Culture. Boston, Gorham Press, 1909.

*Материал поступил в редколлегию
Received
09.09.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Самсонов Всеволод Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod V. Samsonov, Candidate of Science (Philosophy), Senior researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

highbook@yandex.ru

УДК 101

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-106-112

Человек и общество:

основные контуры защиты от рисков

Л. В. Елизарова

*Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Нижний Новгород, Россия*

Аннотация

С опорой на концепцию «общества риска» показано, что при множестве различных существующих рисков есть и множество защитных контуров от них. Автор обращает внимание на то, что человек и общество являются не только субъектами, производящими риски, но и субъектами, создающими различные формы защиты от рисков. Представлена типология контуров защиты от рисков, которая строится на трех основаниях и включает семь основных типов защиты от рисков: 1) экзистенциальный, 2) индивидуально-договорной, 3) интенциональный, 4) эмерджентный, 5) корпоративный, 6) коллективно-договорной, 7) социокультурный. Отмечается, что разные контуры защиты имели различную значимость для человека и общества на разных этапах истории. В философской перспективе автор ставит вопрос: «общество риска» превращается в общество угроз или нет?

Ключевые слова

общество риска, защита от риска, экзистенциальный, эмерджентный, корпоративный, социокультурный, интенциональный, индивидуально-договорной, коллективно-договорной контуры защиты от рисков

Для цитирования

Елизарова Л. В. Человек и общество: основные контуры защиты от рисков // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 106–112. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-106-112

The Person and Society: The Basic Protection Frameworks from Risks

L. V. Elizarova

*Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

The article uses the conception of a “risk society”, and shows that with many different existing risks, there are many protection frameworks from them. The author draws attention to the fact, that person and society are not only risk producing entities, but also actors creating various

© Елизарова Л. В., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

forms of protection against risks. A typology of protection frameworks from risks is presented, which is built on three bases and includes seven main types of risk protection: 1) existential, 2) individually-contractual, 3) intentional, 4) emergent, 5) corporate, 6) collective-contractual, 7) socio-cultural. It is noted, that different protection frameworks had different significance for a person and society at different stages of history. From a philosophical perspective, the author poses the question: does the “risk society” turn into a society of threats or not?

Keywords

risk society, protection framework, existential, emergent, corporate, socio-cultural, intentional, individually-contractual, collective-contractual protection frameworks from risks

For citation

Elizarova L. V. The Person and Society: The Basic Protection Frameworks from Risks. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 106–112. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-106-112

Невозможно представить себе жизнь человека без рисков. Человек и общество систематически взаимодействуют с опасностями и угрозами. В философском плане это обстоятельство впервые отразила теория «общества риска» У. Бека в середине XX в. Общество риска – это общество, которое генерирует риски. В современном мире самоустраниться от рисков невозможно, так как создание рисков осуществляется во всех сферах жизнедеятельности общества, поэтому «...в обществе риска... нормативный и движущий принцип – безопасность» [Бек, 2000]. В современном обществе произошли существенные изменения. С одной стороны, человек имеет большие возможности для свободной самореализации, а с другой – следствием свободы выбора могут быть новые риски. Поэтому необходимо уметь выявлять новые риски, а также контуры защиты от них. С одной стороны, риск заставляет человека и общество прогрессировать, развиваться, а с другой – ведет к ограничениям прогресса, призванным гарантировать защиту от вероятных угроз (поэтому, в частности, существуют ограничения в сфере теории и практики клонирования). Внутренняя противоречивость, сложная диалектика отношений «свободы», «рисков» и «защит» актуализируют все новые и новые способы осмысления конкретных ситуаций, а философы стремятся ответить на вопрос об альтернативе общества риска [Дахин, Елизарова, 2019]. Нельзя сказать, что философия защиты от рисков хорошо проработана: дискуссии по проблемам безопасности являются ярким тому подтверждением [Елизарова, 2018].

В жизни современного человека настолько много рисков, угроз, что он сталкивается с ними ежедневно, даже ежеминутно. Люди пытаются защититься от рисков, каждый по-своему: кто-то идет своим индивидуальным путем, а кто-то взывает к коллективному разуму. Например, от риска смерти в результате дорожно-транспортного происшествия один человек заключает договор страхования, а другой – надеется на свою внимательность на дороге, специальные светоотражающие элементы на своей

одежде, да и просто на русский «авось». От риска временной утраты трудоспособности в связи с беременностью и родами, рождением ребенка, уходом за ребенком до достижения им возраста полутора лет одни женщины вступают в официальные трудовые отношения с работодателем для получения в дальнейшем государственных пособий, другие же – заранее создают финансовую подушку безопасности самостоятельно. От риска утраты или повреждения имущества в результате противоправных действий третьих лиц один человек, опять же, заключает договор страхования, а другой – укрепляет свое жилище путем установки надежных входных дверей, замков высокого класса защиты, решеток на окнах, сигнализации или приобретает оружие. Для положительного решения своих вопросов в структурах власти одни люди пойдут официальным путем, будут действовать согласно букве закона, а другие – «подстрахуются» путем дачи взятки должностному лицу, воспользуются схемой с коррупционной составляющей. От риска рейдерских захватов законопослушные корпорации имеют службу безопасности, а других «крышует» криминалитет. Один человек не преступит закон в силу своих высоких моральных принципов, и это оградит его от потенциального наказания, а другой – совершит преступление в расчете остаться безнаказанным с помощью своих родственных или личных связей, и т. д. Таким образом, мы видим, что индивидуальных философий защиты от рисков так же много, как и самих рисков.

В нашем исследовании мы приводим в систему все множество контуров защиты от рисков и даем типологию основных разновидностей.

Первое основание нашей типологии связано с тем обстоятельством, что именно человек и общество являются не только субъектами, производящими риски, но и субъектами, создающими защитные контуры от рисков. При этом «риск» мы отличаем от термина «угроза», который активно используется в дискурсе безопасности. Угроза – это частное проявление риска, т. е. тот случай, когда источником риска является социальный субъект (индивид или сообщество). Иначе говоря, риск, который создается социальным субъектом, мы определяем термином «угроза». Способность человека генерировать защиту от рисков реализуется в двух измерениях: индивидуальном и коллективном. Поэтому первое основание типологии контуров защиты от рисков связано с выделением индивидуальных и коллективных форматов. Индивидуальный контур защиты – это способность личности (индивида) предвидеть, прогнозировать возникновение угрозы, риска, предотвращать их, противостоять им. Коллективный контур защиты – это способность сообщества предвидеть, прогнозировать возникновение угрозы, риска, предотвращать их, противостоять им.

Контур защиты – это всегда мобилизация каких-либо ресурсов. Поэтому мы выходим на второе основание типологии контуров защиты от рисков: *внутренние* для субъекта и *внешние* для него ресурсы. Между ними суще-

ствуует определенная исторически детерминированная взаимосвязь, которую отражает, в частности, понятие Э. Гидденса «декавалификация индивида» [Giddens, 1991], указывающее на возрастающую зависимость индивида от внешних социальных условий.

Для защиты от рисков индивид может активировать свои внутренние *силы*: этику и моральные принципы (светские и религиозные), профессиональные компетенции [Зеленов, 2017], физическую силу, интеллект, смекалку. Например, предметом восхищения и удивления человека Запада традиционно является «русская смекалка», находчивость, изобретательность. Тому немало примеров, в частности, в российской военной истории. Этот контур индивидуальной защиты от рисков мы называем *экзистенциальным*, поскольку он реализуется через индивидуальную способность к мобилизации экзистенциальных ресурсов человека, а концептуальное описание этой сферы представлено в философии экзистенциализма.

Внешние ресурсы защиты индивида формируются и реализуются в совокупности социальных взаимодействий индивида с внешней предметной и социальной средой, в поле которой мы выделяем третье основание типологии – устойчивость. С одной стороны, это могут быть устойчивые, постоянно действующие, т. е. институциональные ресурсы, с другой – неустойчивые, ситуативно действующие, т. е. внеинституциональные ресурсы. Индивидуальные, внешние и *институциональные* формы защиты от рисков реализуются во всевозможных *индивидуальных договорных отношениях индивида с другими людьми или с организациями*: договор страхования, договор охраны квартиры с последующим приездом полиции (сигнализация), денежные вклады в расчетно-кредитных организациях и пр. Индивидуальные, внешние и при этом *внеинституциональные* формы защиты от рисков реализуются человеком через применение самых различных кустарных приспособлений (забор вокруг дома, надежная входная дверь квартиры, замки высокого класса защиты, решетки на окнах, оружие, сейф, бункер, средства индивидуальной защиты (СИЗ) и пр.), которые создаются собственными руками или приобретаются в специализированных компаниях. Поэтому опции «институционального» и «внеинституционального» переплетаются между собой. Тем не менее отделение их друг от друга существенно потому, что в первом случае основой является договор *двух* субъектов, в рамках которого индивид соотносит собственные интересы и требования с интересами и требованиями «другого». Во втором же случае мы имеем дело с ситуацией, когда индивид формирует ресурс защиты «на свой страх и риск». Первая ситуация концептуально описывается теориями социального интеракционизма, так что этот контур защиты от рисков можно определить как *индивидуально-договорной*. Вторая ситуация концептуально описывается феноменологической теорией, а соответствующий контур защиты индивида может быть определен как *интенциональный*. Таким образом, на основе индиви-

дуальной активности мы выделяет три контура защиты человека от рисков: экзистенциальный, индивидуально-договорной и интенциональный.

Если перейти теперь к типологическому анализу контуров защиты, которые может генерировать коллективный социальный субъект, то для обеспечения логической целостности всей типологической системы мы будем рассматривать те же снования типологии, которые были выделены выше. Основание «внутреннее – внешнее» позволяет выявить комплекс ресурсов защиты, который является внутренним достоянием, потенциалом коллективного социального актора. К внутренним ресурсам защиты от рисков относится все, что обеспечивает мобилизацию коллективных защитных сил сообщества: коллективный дух, «воля народа», различные организации внутри сообщества, которые обеспечивают возможность совместного защитного действия (боевые дружины, армия и т. п.) и пр. К внешним ресурсам могут быть отнесены самые разнообразные форматы взаимоотношений коллективного актора со своей внешней средой, которые позволяют воспользоваться внешними обстоятельствами, условиями, услугами других субъектов.

Как в сфере внутренних, так и в сфере внешних ресурсов коллективного контура защиты следующий шаг анализа связан с выделением институциональных и внеинституциональных форм. В сфере *внутренних* коллективных ресурсов защиты к внеинституциональным формам относится все, что сплачивает, мобилизует защитные силы сообщества на неформальной основе, когда незримые внутренние силы сообщества так соединяют индивидуальные силы членов сообщества, что возникает эффект синергии, формируются эмерджентные защитные свойства сообщества. Соответственно этот контур защиты от рисков определяем как *эмерджентный*. В отличие от него, все случаи, когда к незримой «коллективной воле» добавляется эффект от действия социальных институтов, – профессиональные защитные компетенции, создаваемые соответствующими социальными институтами, профессиональными корпорациями, – мы относим к категории коллективных, внутренних и институционализированных ресурсов защиты, которые определяем как *корпоративные*.

Внешние коллективные ресурсы защиты от рисков также имеют институциональное и внеинституциональное измерения. К институциональной сфере относится все, что становится доступно благодаря договорам коллективного субъекта с иными акторами социальной среды. Этот вид мы определяем как коллективно-договорной. В отличие от него есть категория внешних ресурсов, которые могут быть доступны сообществу на неформальной основе, – на основе знания иностранного языка, этической, религиозной культуры и пр., которые обеспечивают возможность сосуществования, взаимопонимания и кооперации для обеспечения защиты от рисков. Этот контур защиты от рисков определяем понятием *социокультурный*. Проде-

ланный анализ, таким образом, позволяет выделить четыре контура защиты для коллективного социального актора: эмерджентный, корпоративный, коллективно-договорной и социокультурный.

В заключение отметим, что наше исследование позволило выделить 3 основания для типологии ресурсов защиты человека от рисков: 1) диалектика «индивидуальное – коллективное»; 2) диалектика «внутреннее – внешнее»; 3) диалектика «институциональное – внеинституциональное». Типологический анализ практик защиты людей от рисков, проведенный по этим основаниям, позволил выделить семь основных типов (контуров) защиты от рисков, создателями которых являются человеческий индивид и общество: 1) экзистенциальный, 2) индивидуально-договорной, 3) интенциональный, 4) эмерджентный, 5) корпоративный, 6) коллективно-договорной, 7) социокультурный.

Список литературы / References

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Beck U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Moscow, 2000, 383 p. (in Russ.)

Дахин А. В., Елизарова Л. В. Общество риска: есть ли альтернатива? // Глобализация и национальная безопасность: человек и общество в меняющемся мире. XXII Вавиловские чтения: Материалы междунар. междисциплинарной науч. конф.: В 2 ч. / Под ред. В. П. Шалаева / Поволжский государственный технологический университет. Йошкар-Ола, 2019. Ч. 1. С. 11–13.

Dakhin A. V., Yelizarova L. V. Obshchestvo riska: est' li alternativa? [Society of risk: is there an alternative?]. In: Globalizatsiya i natsionalnaya bezopasnost': chelovek v menyayushchemsya mire. Dvadsat' vtoriyе Vavilovskiyе chteniya: materialy meghdunarodnoy meghdistsiplinarnoy nauchnoy konferentsii [Globalization and national security: man and society in a changing world: Materials of the international interdisciplinary scientific conference]. Yoshkar-Ola, 2019, vol. 1, p. 11–13. (in Russ.)

Елизарова Л. В. Личность в обществе рисков: практики защиты в поле светской и религиозной культур // Вестник Нижегородского института управления. 2018. № 2 (48). С. 22–25.

Yelizarova L. V. Lichnost v obshchestve riskov: praktiki zashchity v pole svet-skoi i religioznoi kultur [Personality in a risk society: protection practices in the field of secular and religious cultures]. *Vestnik Nizhegorodskogo instituta*

upravleniya [Bulletin of the Nizhny Novgorod Institute of Management], 2018, vol. 2 (48), p. 22–25. (in Russ.)

Зеленов Л. А. Общая теория мировоззрения: Моногр. / Л. А. Зеленов, А. А. Владимиров. Н. Новгород: Гладкова О. В., 2017. 134 с.

Zelenov L. A. Obshchaya teoriya mirovozzreniya: monografiya [General Theory of Worldview: Monogr.]. Nizhny Novgorod, 2017. 134 p. (in Russ)

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, Stanford Uni. Press, 1991, p. 186.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Елизарова Лариса Владимировна, аспирант кафедры философии и политологии Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (пр. Гагарина, 46, Нижний Новгород, 603950, Россия)

Larisa V. Elizarova, Postgraduate of the Philosophy and Political Science Department, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation)

yelar712@yandex.ru

УДК 316.4

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-113-123

Роль этнокультуры в социальном регулировании региональных экономик

С. А. Мадюкова

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Социальное регулирование рассмотрено как мягкий способ воздействия на социальные субъекты, предполагающий повышение роли региональных органов власти. Зафиксировано, что использование потенциала этнокультуры может являться эффективной стратегией регулирования экономического развития региона. На примере этнокультуры тувинцев выявлены конкретные содержательные ее компоненты, обладающие потенциалом для повышения региональных экономических показателей. Зафиксированы негативные последствия использования этнокультуры тувинцев, проявляющиеся в ценностно-этических трансформациях этнического самосознания. Сделан вывод, что в регионе необходимо повышение престижности прикладного этнокультурного образования, внутрирегиональная дифференциация производства этнопродукции, поддержка высоких стандартов качества тех составляющих этнокультуры, которые уже завоевали популярность на российском и мировом уровнях.

Ключевые слова

социальное регулирование, этнокультура, этноэкономика, межэтническое сообщество, региональная экономика, Республика Тыва

Для цитирования

Мадюкова С. А. Роль этнокультуры в социальном регулировании региональных экономик // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 113–123. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-113-123

© Мадюкова С. А., 2019

The Role of Ethnic Culture in Social Regulation of Regional Economies

S. A. Madyukova

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Social regulation is considered as a soft way of influencing social actors, which presupposes an increase in the role of regional authorities. It has been recorded that using the potential of ethnic culture can be an effective strategy for regulating the economic development of a region. Using the example of the Tuvinian ethnoculture, the paper identifies its specific substantial components that have the potential to increase regional economic indicators. The negative consequences of using the Tuvinian ethnoculture, which are manifested in the value-ethical transformations of ethnic identity, are also recorded. It is concluded that in the region it is necessary to increase the prestige of applied ethnocultural education, intra-regional differentiation of the production of ethnic goods, support for a high quality standards of those components of ethnic culture that have already gained popularity in Russia and across the world.

Keywords

social regulation, ethnoculture, ethnoeconomics, interethnic community, regional economy, Tuva Republic

For citation

Madyukova S. A. The Role of Ethnic Culture in Social Regulation of Regional Economies. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 113–123. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-113-123

Исследование и осмысление проблематики социального регулирования и управления различными сферами общества на региональном уровне актуализировано необходимостью формирования такой государственной политики в Российской Федерации, которая с необходимостью учитывала бы особенности социально-экономических отношений и институциональной среды отдельных субъектов Федерации [Аверьянов, 2013. С. 169]. Под социальным регулированием традиционно понимается система средств воздействия на поведение людей с целью упорядочения общественных отношений. При этом в современном российском обществе усиливается запрос именно на социальное регулирование, как более мягкий, по сравнению с управлением, способ воздействия на социальные субъекты при организации различных сфер жизнедеятельности людей [Социология управления..., 2014. С. 524]. Как отмечают М. А. Абрамова, В. Г. Костюк и Г. С. Гончарова, «в процессе регулирования предполагается не доминирование государства (как это имеет место в современном российском социальном управлении),

а взаимодействие различных социальных институтов, включая гражданское общество» [2019. С. 127]. Таким образом, социальное регулирование включает в себя в качестве значимой компоненты самоорганизацию жизни и самоуправление. Следовательно, государственная политика такого рода предполагает значительное повышение роли региональных органов власти и социальных институтов в регулировании социального развития. Отметим, что социальное регулирование экономической сферы предполагает в широком смысле распределение материальных ресурсов в социальной сфере. Внутренняя экономика страны представляет собой «многоуровневую конструкцию, состоящую из региональных, зональных, корпоративных и первичных (кооператив, предприятие, фирма, семейное хозяйство) хозяйственных систем, связанных между собой инфраструктурными, отраслевыми, информационными, финансовыми и другими подсистемами» [Дармограй, 2013. С. 30]. С одной стороны, на федеральном уровне «в комплексе мер государственного регулирования социально-экономических отношений на этапе перехода к инновационному типу экономического роста значительную роль играет внешнеэкономическая политика – регулирование миграционных процессов, решение глобальных трудовых проблем» [Янченко, Завгородняя, 2013. С. 71]. С другой стороны, поскольку сами регионы страны разнородны по показателям экономической успешности, на региональном уровне с необходимостью должны быть актуализированы собственные потенциалы, позволяющие региону в той или иной мере решить задачу сокращения разницы социально-экономических показателей. Одной из эффективных стратегий экономического развития региона может являться использование потенциала этнокультуры. Следовательно, при продуманном социальном регулировании региональных экономик сами этнокультурные различия могут являться фундаментом для преодоления неравномерности социального и экономического развития регионов.

Следует отметить, что в отечественном социогуманитарном дискурсе нет единого определения этнокультуры. Под общую «шапку» концепта этнокультуры (этнической культуры) нередко уместается довольно разное содержание. Анализ литературы позволил зафиксировать, что под этнокультурой понимают как комплекс ценностных ориентаций и конкретных обрядовых (обладающих сакральным содержанием) практик, так и бытовые повседневные «этнически маркированные» навыки и компетенции (ведение традиционного хозяйства, владение родным языком на бытовом уровне и т. д.). Справедливо замечание З. С. Жирковой, что «этническая культура проявляется буквально во всех областях жизни этноса: в языке, в воспитании детей, в одежде, в устройстве жилища, рабочего места, домашнем хозяйстве, в традициях... На формирование этнической культуры оказывают влияние природные условия, язык, традиции, а также психический склад этноса» [2015. С. 234]. Прикладное народное творчество, в современном

мире реализуемое подчас в виде профессионального этнического искусства (вышивка, украшение конской сбруи, горловое пение и мн.др.), также относится исследователями к этнокультуре. Не отрицая правомерности всех этих суждений, мы считаем, что все это характеризует разные стороны одного и того же явления, этнокультуры как некоего комплексного образования, компонентами которого правомерно назвать все вышеперечисленные аспекты социокультурного бытия этноса.

Наиболее адекватным для нашего исследования представляется следующее определение этнокультуры: «Этнокультура – это совокупность традиционных ценностей, отношений и поведенческих особенностей, воплощенных в материальной, духовной, социальной жизнедеятельности этноса, сложившихся в прошлом, развивающихся в исторической социодинамике и постоянно обогащающих этнической спецификой культуру в различных формах самореализации людей» [Афанасьева, 2008. С. 35].

В качестве объекта эмпирического анализа в данной статье выбрана Республика Тыва, поскольку, с одной стороны, регион обладает яркой этнокультурной специфичностью, объясняемой его этническим составом, а с другой – отнесен к бедным дотационным регионам, в которых почти полностью «отсутствуют условия и стимулы самостоятельного территориального развития» [Киселева, Браткова, 2016. С. 131]. Таким образом, данный регион может служить показательным примером возможностей использования этнокультурного потенциала тувинцев в социальном регулировании экономики Республики Тыва. Этническая структура Тувы следующая: преобладающая по численности этническая группа – тувинцы (81 % населения, по данным Всероссийской переписи населения в 2010 г., с тех пор эта цифра еще выросла), русских около 16 %, кроме того, небольшую часть населения составляют тувинцы-тоджинцы – субэтническая группа тувинцев, отнесенная к числу коренных малочисленных народов Севера ¹. Социально-экономическая ситуация в регионе такова: Республика Тыва расположена на юге Сибирского федерального округа у государственной границы Российской Федерации, является одним из трансграничных регионов. Преобладающей отраслью экономики Тувы является сельское хозяйство. Около 42 % населения республики отнесены к категории населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума. По объему валового регионального продукта Республика Тыва находится в конце списка регионов РФ ².

¹ Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения 26.06.2019).

² Валовой региональный продукт по субъектам Российской Федерации в 1998–2016 гг. // Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-16.xlsx (дата обращения 22.08.2019).

В последние годы как региональные власти Тувы, так и отдельные частные предприниматели используют компоненты этнокультуры тувинцев в коммерческих целях. Одним из наиболее популярных способов такого использования этнической культуры является формирование этнотуристического кластера в регионе. Этнотуризм, как правило, разделяют на две группы: видовой и событийный. В рамках событийного туризма обычно посещаются массовые мероприятия, фестивали, национальные праздники и пр. Значительное количество туристов из регионов РФ и из-за рубежа приезжает в Туву именно на такие «этнически маркированные» массовые мероприятия, что выводит республику на лидирующие позиции в событийном туризме в масштабах Сибири и даже всей страны³. Показательно в этом плане объявление «Треугольника Богдо-Гегена» объектом этнокультурного туризма в 2010 г. Сюда относятся: храм Устуу-Хурээ, источник Богдо-Гегена и конный подъем на озеро Сут-Холь⁴. К популярным у туристов событиям традиционно относят праздник животноводов Наадым; фестиваль живой музыки и веры «Устуу-Хурээ»; национальный новый год Шагаа; международный конкурс исполнителей на национальном инструменте «Хомус»; «Дембилдей» – конкурс-фестиваль исполнителей горлового пения; международный фестиваль войлока «Узоры жизни на войлоке»; международный этномузыкологический симпозиум «Хоомей – феномен культуры народов Центральной Азии» [Седек, 2016. С. 204]. В программы мероприятий включены традиционная борьба «хуреш», конные скачки, посещение храмов, обряды шаманов.

В рамках видového этнотуризма гости региона осматривают территории традиционного природопользования, моноэтнические поселки, культовые места, памятники археологии и этнографии, экспозиции музеев. Немалой популярностью пользуется покупка натуральных продуктов и блюд национальной кухни, сувенирной продукции: изделий из кожи, войлока, агальматолита. Кроме того, растет спрос на блюда национальной кухни тувинцев из молока, мяса. Такие блюда, национальная утварь, одежда используются при организации отдыха в туристических комплексах, добавляя им привлекательности за счет «этнического колорита». Показательным примером может служить туристический комплекс «Алдын-Булак», где в ресторане наряду с блюдами европейской кухни подаются национальные тувинские блюда, а в качестве «номеров» выступают оформленные в этническом стиле юрты эконом- и премиум-класса, оборудованные электричеством, теплом,

³ Тува – лидер событийного туризма в Сибири // Официальный портал Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/tourism/22051/ (дата обращения 12.08.2019).

⁴ Дулуш И. Д. О. Состояние и перспективы организации культурных событийных мероприятий в Туве (на примере Международного фестиваля живой музыки и веры «Устуу-Хурээ») // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/328> (дата обращения 28.06.2019).

душевыми кабинками и wi-fi ⁵. Некоторая эклектичность сочетания европейского и тувинского не мешает данному комплексу пользоваться большой популярностью у туристов.

Запрос гостей региона на местную продукцию в последние годы во многом реализуется за счет одного из наиболее коммерчески успешных проектов «неотрадиционного» подхода к сельскохозяйственной деятельности. Проект называется «Одно село – один продукт» и реализуется при поддержке Правительства Республики Тыва. Цель данного проекта – выявление и исследование ресурсов, присущих конкретному муниципалитету, развитие производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции ⁶. Проект ориентирован именно на получение прибыли: например, валовая продукция сельского хозяйства Республики Тыва в 2016 г. увеличилась на 18,5 % к уровню 2013 г. и составила 6 424,3 млн руб. (2013 г. – 5 423 млн руб.). Значимым представляется выделение в данном проекте наряду с молоко-, мясо-, рыбоперерабатывающей отраслями, переработкой дикоросов и т. д. производства национальных продуктов питания, изделий из шерсти и войлока, а также собственно туристических объектов республики.

В качестве еще одного из социальных институтов, причастного к регулированию региональной экономики в фокусе данной статьи, следует отметить также систему образования, а именно растущую популярность в регионе профессионального этнокультурного образования. В последние годы в Туве актуализировано получение конкретного декоративно-прикладного или музыкального образования, цель которого – применение его в качестве профессии, с целью зарабатывания денег. Как представляется, именно этот механизм получения знаний о традиционной культуре обладает значимым потенциалом для экономического развития региона, поскольку в связи с развитием туризма в Туве возрастает интерес к народному декоративно-прикладному искусству, увеличивается потребность в традиционных изделиях народных мастеров, в изящных и недорогих сувенирах, отражающих специфику региона, растет спрос на этнопродукцию в широком смысле. В Кызылском колледже искусств и в профессиональном училище № 13, находящемся в Бай-Тайгинском кожууне Республики Тыва, молодежь получает профессии «изготовитель художественных изделий из дерева», «резчик по камню», «вышивальщица». По данным Министерства культуры Тувы, основные виды деятельности мастеров художественных промыслов в республике – изготовление национальной утвари и музыкальных инструментов, пошив национальной одежды, головных уборов и обуви, камнерезное искусство, художественная обработка металла, ювелирное дело,

⁵ Этнокультурный комплекс «Алдын-Булак» // TOUVA. URL: <http://touva-go.ru/product/item/etnokulturnyiy-kompleks-aldyin-bulak> (дата обращения 12.03.2019).

⁶ Губернаторский проект «Одно село – один продукт» // Официальный портал Республики Тыва. 2017. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/31684/ (дата обращения 16.02.2019).

резьба и роспись по дереву, обработка войлока, тиснение по коже. Нельзя не упомянуть также о тувинском горловом пении и игре на традиционных тувинских музыкальных инструментах, поскольку тувинская национальная музыка является брендом мирового значения. В Туве в Кызылском колледже искусств им. А. Б. Чыргал-оола на отделении национальных народных инструментов студенты обучаются по классу чадагана, дошпулуура, игила, бызанчи, чанзы. Таким образом, можно говорить о серьезном потенциале прикладного и этномузикального образования для монетизации полученных профессиональных знаний, а следовательно – для повышения уровня экономического благосостояния отечественных жителей региона, а при проведении качественной маркетинговой и туристической политики – и для экономического развития региона в целом.

Вместе с несомненными плюсами для экономического развития региона, использование этнокультуры тувинцев ведет к негативным последствиям, которые на первый взгляд менее очевидны. Речь идет о ценностно-этических трансформациях этнического самосознания жителей региона, а также злоупотреблении этнокультурой исключительно с целью коммерческого использования. Безусловно, частичное отмирание некоторых видов художественной деятельности (изготовление седел, уздечек, сундуков, шитье традиционной одежды и обуви) происходит из-за снижения потребности в этих вещных проявлениях этнокультуры в связи с модернизацией, сменой образа жизни [Кужугет, 2011. С. 138]. Но эти компоненты этнокультуры в современном мире нередко занимают принципиально иную нишу – нишу индустрии развлечений. И этнотуризм, на наш взгляд, является одной из наиболее «красноречивых» практик формирования эрзац-культуры. При этом нужно понимать, что манипуляции с традиционными культурами с целью монетизации – не локальное явление. А. К. Кужугет отмечает, что «стремление к накоплению, отказ от традиционных ценностей, общемировая тенденция на расширение индустрии развлечений ведет к уничтожению самой культуры как таковой, замене ее на эрзац-культуру» [Там же].

Формирование эрзац-национального для продажи туристам можно проследить в упрощении рецептов традиционных блюд, замене традиционных ингредиентов более дешевыми или популярными аналогами, использовании более дешевых (или менее трудоемких в изготовлении) тканей, машинной вышивки и т. д. Исследователи наблюдают на массовых республиканских мероприятиях снижение уровня аутентичности в пользу зрелищности мероприятий, процесс «нормализации» (опривычивания) национальной культуры для европейского глаза и уха туристов, эклектичное смешение стилей на музыкальных фестивалях ⁷.

⁷ Львоградский Ю. «Устуу-Хурээ»: главное – не бежать впереди зеленой лошади // Новые исследования Тувы. 2012. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/325> (дата обращения 22.08.2019).

Одним из значимых проявлений суррогатной культуры является изготовление «традиционной» одежды и украшений с использованием современных технологий и не аутентичных материалов. Так, И. С. Тарбастаева цитирует слова тувинки-тоджинки, руководителя Комитета по вопросам коренных малочисленных народов Севера в Хурале представителей Тоджинского района Ирины Андреевой: «В отраслях культуры работают не тувинцы-тоджинцы, они не понимают в шитье и декорировании национального костюма этноса. В старину тувинцы-тоджинцы летом одевались в кожаные одежды без меха, а зимой в меховые. Основная же масса тувинцев шьют и надевают национальные костюмы из шелка. Тувинцы-тоджинцы в жизни не надевали шелковые наряды. Правильный костюм тувинцев-тоджинцев не восстанавливают, его мы утрачиваем. Власти на это внимания не обращают, о восстановлении даже речи нет»⁸.

Исследователи этнокультур Саяно-Алтайского региона обеспокоены как вымыванием сакральных смыслов из этнокультуры, так и конкретно снижением качества этнопродукции. В 2016 г. была проведена Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья. З. К. Кыргыз отмечает, что на конференции поднимались вопросы, связанные с отрицательными сторонами массовости изготовления, а именно – низким качеством продукции, когда мастера копируют ювелирные украшения, в своей работе используют полуфабрикаты, изготовленные штамповкой. Исследовательница отмечает, что «современное потребительское отношение к прикладным изделиям сужает сакральное значение каждого предмета», а «не очень качественные новые “шедевры” продают очень дорого»⁹.

Таким образом, с одной стороны, использование потенциала этнокультуры тувинцев в социальном регулировании экономического развития региона может привести к повышению экономических показателей региона. Исследователи выделяют целый ряд позитивных для региональной экономики последствий использования этнопродукции и в первую очередь развития туризма (в частности, этнотуризма) в регионе: формирование в Республике Тыва конкурентоспособной туристско-рекреационной отрасли, вносящей значительный вклад в социально-экономическое развитие региона; создание особой экономической зоны туристско-рекреационного типа; строительство туристских баз и курортов в кожуунах республики; развитие гостиничного сервиса [Сунчугашева, 2013. С. 156].

⁸ Тарбастаева И. С. Алтай и Тува: Красавица и дикарка // Новые исследования Тувы. 2014. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/192> (дата обращения 12.03.2019).

⁹ Кыргыз З. К. I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/470> (дата обращения 22.04.2019).

С другой стороны, ценностно-этические трансформации этнического самосознания, выраженные в десакрализации и коммерциализации традиционной культуры, представляются весьма значимыми по своим долгосрочным последствиям для самосознания и идентификации этноса. Поэтому, как представляется, необходимо осуществлять грамотное социальное регулирование, с учетом этнопсихологической и этнокультурной составляющих в социально-экономических процессах регионального уровня. При формировании экономической и национальной политики в регионе необходимо не механическое увеличение числа этнотуристических баз и ресторанов с «национальным колоритом», а повышение качества этнопродукции с использованием комплексного подхода: повышение престижности прикладного этнокультурного образования, внутрорегиональная дифференциация производства этнопродукции и локальное стимулирование роста его качества и конкурентоспособности на региональном и российском рынке, поддержка высоких стандартов качества тех составляющих этнокультуры, которые уже завоевали популярность на российском и мировом уровнях. Только учет всех этих компонентов социального регулирования в Туве может привести к экономическому прорыву на региональном уровне.

Список литературы / References

- Абрамова М. А., Костюк В. Г., Гончарова Г. С.** Модели управления и регулирования процессов трансформации межэтнических и сельских сообществ современной России // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 1. С. 122–133.
- Abramova M. A., Kostyuk V. G., Goncharova G. S.** Modeli upravleniya i regulirovaniya protsessov transformatsii mezhetnicheskikh i sel'skikh soobshchestv sovremennoy Rossii [Models of Management and Regulation of Transformation Processes of Ethnic and Rural Communities in Modern Russia]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 1, p. 122–133. (in Russ.)
- Аверьянов Б. А.** Региональное регулирование рынка труда и социального развития в условиях новой патерналистской экономики // Сегодня и завтра российской экономики. Научно-аналитический сборник. 2013. № 59. С. 169–172.
- Averyanov B. A.** Regional'noye regulirovaniye rynka truda i sotsial'nogo razvitiya v usloviyakh novoy paternalistskoy ekonomiki [Regional regulation of the labor market and social development in the new paternalistic economy] *Today and tomorrow of the Russian economy*, 2013, no. 59, p. 169–172. (in Russ.)

- Афанасьева А. Б.** Совершенствование этнокультурного образования современных педагогов // Человек и образование. 2008. № 4 (17). С. 34–38.
Afanasyeva A. B. Sovershenstvovanie etnokulturnogo obrazovaniya sovremennykh pedagogov [Improving the ethnocultural education of modern educators]. *Man and Education*, 2008, no. 4 (17), p. 34–38. (in Russ.)
- Дармограй В. И.** Регулирование социального развития хозяйственных систем // Российский академический журнал. 2013. Т. 24, № 2. С. 30–33.
Darmogray V. I. Regulirovanie sotsial'nogo razvitiya khozyaistvennykh sistem [Regulation of social development of economic systems]. *Russian Academic Journal*, 2013, vol. 24, no. 2, p. 30–33. (in Russ.)
- Жиркова З. С.** Формирование этнической идентичности учащихся средствами образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 9. С. 233–235.
Zhirkova Z. S. Formirovanie etnicheskoi identichnosti uchashchikhsya sredstvami obrazovaniya [Formation of ethnic identity of students by means of education]. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2015, no. 9, p. 233–235. (in Russ.)
- Киселева Н. Н., Браткова В. В.** Проблемные регионы: сущность и идентификационные признаки // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 4 (30). С. 131–135.
Kiseleva N. N., Bratkova V. V. Problemnye regiony: sushchnost i identifikatsionnye priznaki. *Science Vector of Tolyatti State University*, 2016, no. 4 (30), p. 131–135. (in Russ.)
- Кужугет А. К.** Проблемы преподавания культуры Тувы в образовании XXI века // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 11. С. 136–140.
Kuzhuget A. K. Problemy prepodavaniya kul'tury Tuvy v obrazovanii XXI veka [The problems of teaching Tuva culture in the formation of the XXI century] *Siberian pedagogical journal*, 2011, no. 11, p. 136–140. (in Russ.)
- Севек В. К.** Активный туризм в Республике Тыва: состояние и проблемы развития // Научные труды Тув. гос. ун-та. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ / Отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл: Тув. гос. ун-т, 2016. С. 204–205.
Sevek V. K. Aktivnyi turizm v Respublike Tyva: sostoyanie i problemy razvitiya [Active tourism in the Republic of Tuva: state and development problems]. In: *Scientific works of the Tuva State University. Materials of the annual scientific-practical conference of teachers, employees and post-graduate students of TuvSU*. Kyzyl, TuvSU Publ., 2016, no. 13, p. 204–205. (in Russ.)
- Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / Под ред. А. В. Тихонова. М.: «Канон+» РООН «Реабилитация», 2014. 560 с.
Sotsiologiya upravleniya: fundamentalnoe i prikladnoe znanie [Sociol-

ogy of Management: Fundamental and Applied Knowledge]. Moscow, «Kanon+» ROON «Reabilitatsiya», 2014. (in Russ.)

Сунчугашева Л. А. Проблемы формирования инфраструктуры туризма в приграничном регионе (на примере Республики Тыва) // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. 2013. № 3. С. 151–156.

Sunchugasheva L. A. Problemy formirovaniya infrastruktury turizma v prigranichnom regione (na primere Respubliki Tyva) [Problems of formation of tourism infrastructure in the border region (on the example of the Republic of Tyva)]. *Infrastructure sectors of the economy: problems and development prospects*, 2013, no. 3, p. 151–156. (in Russ.).

Янченко Е. В., Завгородняя Н. А. Роль социальной политики и социального партнерства в регулировании социально-трудовых отношений в современной экономике // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 3 (24). С. 69–73.

Janchenko E. V., Zavgorodnyaya N. A. Rol' sotsialnoi politiki i sotsialnogo partnerstva v regulirovanii sotsialno-trudovykh otnosheniy v sovremennoy ekonomike [The role of social policy and social partnership in regulation of social and labor relations in the modern economy]. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2013, no. 3 (24), p. 69–73. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received
03.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Светлана Александровна Мадюкова, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Svetlana A. Madyukova, Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sveiv7@mail.ru

УДК 316.347

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-124-134

Как сконструировать нацию: этносоциальный менеджмент и академическая наука в проблемном поле государственной национальной политики

Е. А. Ерохина

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Анализируются документы стратегического планирования в сфере национальной политики постсоветской России. Рассмотрен кейс законодательной инициативы, известной как «закон о российской нации». Делается вывод о том, что рецепция национализма в практики этносоциального менеджмента является результатом заимствования вестернизированных моделей управления этническим многообразием.

Ключевые слова

национальная политика, гражданское общество, академическая наука, этносоциальный менеджмент, управляющее воздействие

Для цитирования

Ерохина Е. А. Как сконструировать нацию: этносоциальный менеджмент и академическая наука в проблемном поле государственной национальной политики // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 124–134. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-124-134

How to Build a Nation: Ethnosocial Management and Academic Science in a Problem Field of State National Policy

E. A. Erokhina

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper presents an analysis of strategic planning documents in the field of ethnic politics of post-Soviet Russia. A case study of a legislative initiative known as the “law on the Russian nation” is considered. It is concluded that the reception of nationalism in the practice of ethnosocial management is the result of borrowing Westernized models of ethnic diversity management.

© Ерохина Е. А., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

Keywords

national politics, civil society, academic science, ethnosocial management, governing influence

For citation

Erokhina E. A. How to Build a Nation: Ethnosocial Management and Academic Science in a Problem Field of State National Policy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 124–134. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-124-134

Официальные установки государства в сфере национальной политики представляют собой политико-правовую основу и практический фундамент управляющих этносоциальными процессами в современной России воздействия. Одним из инструментов его реализации является Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г.¹ Документ, утвержденный Указом Президента от 19 декабря 2012 г., упразднил Концепцию государственной национальной политики России от 15 июня 1996 г., подписанную первым Президентом России Б. Н. Ельциным.

Появление Стратегии обозначило окончание первого постсоветского цикла развития Российского государства, хронологически охватывающего два периода: 1) федерализации и «парада суверенитетов» 1990-х гг.; 2) централизации и усиления «вертикали власти» 2000-х гг. «Национальный» вопрос был и остается одним из ключевых, если пользоваться метафорой Э. Ренана, в «ежедневном плебисците» россиян по поводу важных вопросов общественной жизни и доверия государству. Как организован процесс принятия решений? Участвует ли общество на «равных» с чиновниками в принятии решений или власть ограничивается «учетом его мнения»? Как соотносится реальное положение дел в данной сфере с менеджеральным видением ответственных за ее регулирование чиновников?

Понятие этносоциального менеджмента введено в научный оборот представителями новосибирской этносоциологической школы в работе «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика». Появление столь необычного научного термина отражает изменение социальных реалий, которые нуждаются в осмыслении учеными и практиками. Одна из этих реалий – сверхцентрализация власти в 2000-е гг., в результате которой полномочия были делегированы на верхние этажи власти, тогда как ответственность оказалась возложена на низовые структуры. Как показали исследования новосибирских этносоциологов, в настоящее время к вопросам местного значения отнесены укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение

¹ Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 « О Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г.» с изм. от 06.12.2018 г. URL: <https://www.zakonrf.info/ukaz-prezident-rf-1666-19122012> (дата обращения 24.06.2019).

и развитие языков и культуры народов России, проживающих на территории поселений, социальная и культурная адаптация мигрантов, профилактика межэтнических конфликтов [Попков и др., 2018. С. 71]. Между тем реальными инструментами, в том числе бюджетными, для реализации этих задач большинство муниципалитетов не располагает. Другое существенное изменение коснулось оценки эффективности государственных и муниципальных служб, а также организаций, имеющих соответствующий статус. Оно проявилось в увлечении количественными показателями оценки их деятельности в ущерб качественным критериям. Данный тренд коснулся как реализации мероприятий в рамках Стратегии государственной национальной политики РФ, так и деятельности учреждений, в том числе научных и образовательных.

Наконец, отдельного упоминания заслуживает работа государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, которая заменила автоматизированной обработкой труд экспертов, участвовавших в этносоциальном мониторинге. Итогом этих изменений стало появление особой, менеджериальной реальности, мало связанной с этносоциальными процессами, и доминирование номенклатурных показателей оценки эффективности деятельности государственных и муниципальных органов, ответственных за реализацию Стратегии.

Данная статья анализирует случай из практики работы Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, который иллюстрирует указанные изменения и сопряженные с ними тенденции: усиление технократизма, игнорирование значения этнической самоорганизации, идеализацию советской национальной политики. Кейс актуализирует одну из ключевых проблем межэтнической интеграции современного российского общества: проблему адекватной номинации политического согражданства россиян. Как следует его именовать: российский народ или российская нация? Этот, казалось бы, сугубо академический вопрос, который дискутируется между сторонниками политической и культурной трактовки нации, имеет важное политико-практическое значение. В настоящей статье будет рассмотрено не столько содержание самой полемики, важной для теоретического осмысления моделей социального регулирования, сколько практика «написания правил», в соответствии с которыми осуществляется этносоциальный менеджмент.

31 октября 2016 г. в Астрахани, где проходило заседание Совета по межнациональным отношениям, посвященного вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., один из участников, Вячеслав Михайлов, обратился к Президенту РФ В. В. Путину со следующими словами: «в Стратегии была записана, и в Вашей статье (речь идет о предвыборной статье В. В. Путина «Россия – национальный во-

прос». – примеч. авт.) о ней говорилось, что многонациональный народ Российской Федерации – это российская нация. Я предлагаю такой вариант закона – о российской нации и управлении межэтническими отношениями. То есть это стратегическая линия, которая акцентирует внимание закона: о российской нации. У нас есть уже основания и достаточно правовых моментов раскрыть это понятие и перейти в конечном счете к более, кажется, точному наименованию межэтническими отношениями»². Президент эту идею поддержал: «Но что точно совершенно можно и нужно реализовать, прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать, – это закон о российской нации»³.

«Что такое нация»? Историк Эрнст Ренан, автор одноименного доклада, прочитанного в Сорбонне в 1882 г., отвечал на этот вопрос так: нация – это ежедневный плебесцит или, иными словами, договор, контракт, выражающий согласие людей жить вместе⁴. Идея нации неразрывно связана с модерном, а именно со способом легитимации политической власти. В обществах, предшествующих модерну, этот способ может быть охарактеризован как династийно-монархический, находящий свой источник в божественном начале. В обществах современного типа это гражданский способ самоопределения, а единственным легитимным источником политической власти в государстве может быть признан лишь народ – граждане, наделенные равными правами, которые защищает закон.

В настоящее время в академическом дискурсе существует две интерпретации концепта «нация»: первая из них восходит к идеологии Просвещения и связывает нацию с политическими структурами государства, осуществляющего процесс национального строительства без учета этнического многообразия. Примером реализации такой модели являются унитарная Франция и федеративные США, различные по принципам своего государственного устройства. Вторая восходит к идеалам романтизма и связывает нацию с культурой. В рамках второй модели нациестроительство опирается на принцип национального самоопределения. На основе этнического самоопределения в XIX–XX вв. возникли Греция, Германия, Италия, Польша, Чехословакия, Венгрия. В современной Европе такими государствами являются федеративные по своему устройству ФРГ, Австрия, Бельгия и Россия и унитарные Великобритания и Испания, допускающие определенную степень автономности регионов, имеющих этническую специфику. В Великобритании это, например, Уэльс, Шотландия и Сев. Ирландия, в Испании – Каталония, Наварра и Страна Басков.

² Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 года. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения 24.06.2019).

³ Там же.

⁴ Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 г. http://www.hrono.ru/statii/2006/renan_naci.php (дата обращения 24.06.2019).

Становление постсоветского федерализма невозможно рассматривать в отрыве от процессов суверенизации. Сегодня суверенизация оценивается как противоречивый процесс, послуживший источником сепаратизма, локальных конфликтов, слабости центральной власти. Однако справедливость требует указать и на позитивные изменения, обусловленные внедрением этой инновации в политическую жизнь России. Автономные области и округа в составе РСФСР, которые добивались повышения своего статуса в рамках нового политико-административного и территориального устройства РФ, достигли своей цели. На волне этнополитического возрождения были сформированы институциональные и общественные структуры, которые взяли на себя миссию сохранения и развития родного языка и родной культуры. Были созданы национально-культурные автономии и национальные общественные объединения, родовые общины, советы старейшин родов конкретных этносов, введены стандарты регионального компонента в общеобразовательную систему субъектов РФ.

Вместе с тем слабость институтов федерализма усиливала центробежные процессы, что требовало, в свою очередь, определенных усилий для приведения их в равновесие с центростремительными. Инструментом, компенсирующим грозящую выходом из-под контроля суверенизацию, стало внедрение в практики управления экстерриториального принципа управления этническим многообразием.

В 1996 г. был утвержден Закон о национально-культурной автономии, закрепивший возможность этнического самоопределения граждан из числа меньшинств, которые получили шанс развивать свою культуру вне территорий своих национально-территориальных либо государственных образований⁵. Тогда же была принята Концепция государственной национальной политики РФ⁶, утвержденная первым Президентом России 15 июня 1996 г. Концепция Б. Н. Ельцина признала итоги суверенизации и обозначила необходимость совершенствования федеративных отношений. Вместе с тем она закрепила ряд существенных инноваций: 1) впервые в документе была обозначена задача укрепления гражданского единства россиян. Тем самым была конституирована реальность новой политической общности россиян как гражданской и надэтнической по своему характеру; 2) впервые было упомянуто о том, что защита чести и достоинства граждан России независимо от этнической принадлежности, борьба с дискриминацией, являются приоритетами государственной политики; 3) этническое многообразие как элемент исторического наследия получило статус культурного капитала.

⁵ Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9578> (дата обращения 24.06.2019).

⁶ Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Указ Президента России от 15 июня 1996. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051> (дата обращения 24.06.2019).

Для своего времени Концепция носила своевременный и прогрессивный характер. Однако в силу того, что сама суверенизация воспринималась противоречиво, постепенно словосочетание «национальная политика» стало выходить из употребления у управленцев и ученых. В 2000 г. было упразднено Министерство национальной политики РФ. На смену «параду суверенитетов» пришла «вертикаль власти», умами чиновников завладела идея губернизации, хотя вслух обсуждать демонтаж национально-территориальных субъектов РФ никто до сих пор не решился. Администрирование межэтнических отношений было вменено Министерству регионального развития.

Однако в период с 2010 по 2013 г. произошел ряд тревожных событий: убийство футбольного болельщика Егора Свиридова на Манежной площади в декабре 2010, события в Ремонтном, Бирюлеве, Пугачеве, вызвавшие конфликты на этнической почве. Они совпали с окончанием прежнего и началом нового электорального цикла. О том, что данная сфера нуждается в особом внимании государства, говорилось давно. Следует сказать, что этим рекомендациям власть вняла и обсуждение текста Стратегии государственной национальной политики России в 2012 г. стало беспрецедентным по своему масштабу. В этом, а также в открытости и трансдисциплинарности состоявшейся дискуссии ее большой плюс.

Новый документ, Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 г., в качестве целевых ориентиров указала следующее:

- 1) укрепление гражданского единства россиян;
- 2) сохранение культурного многообразия, в особенности поддержка коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни;
- 3) защита чести и достоинства граждан России от этнической конфессиональной и иных видов дискриминации;
- 4) адаптация и интеграция мигрантов;
- 5) борьба с экстремизмом.

Критики Стратегии обращают внимание на наличие двойной терминологии – *российский народ / российская нация* – как на недостаток [Попков, Тюгашев и др., 2015]. В действительности же данное обстоятельство было обусловлено необходимостью поиска компромисса между сторонниками культурной и политической трактовки нации. Отсутствие единства в самом научном сообществе сформировало предпосылки для возникновения двух конкурирующих лагерей, борющихся за влияние в научном сообществе в надежде конвертировать отвоеванный ресурс в политический вес и академическое влияние.

Предложение В. Михайлова вызвало дискуссию по поводу целесообразности инициативы. В информационном пространстве национальных республик стали раздаваться предостерегающие об угрозе этнического сепаратизма голоса: принятие такого закона поставит в конкурентную позицию

общегражданскую идентичность с этнонациональной: татарской, якутской, чеченской и пр.

Необходимо признать, что высказанные опасения имеют веские основания. В СССР гражданская общность «советский народ» сформировалась вне идеологии национализма. Попытка ее намеренного внесения в принципы согражданства россиян противоречит преамбуле Конституции Российской Федерации. Российское общество может столкнуться с фрагментацией его членов, которые, по устоявшейся традиции, связывают национальное с этнокультурным, а гражданское с политическим развитием.

Негативная реакция на перспективу принятия такого закона проявилась и среди представителей доминирующего большинства. Действующий в тот момент глава комитета Государственной думы по культуре и кинорежиссер Станислав Говорухин в эфире канала «Россия 24» так прокомментировал эту инициативу: «Мы много веков были русским народом. И сейчас мы русский народ по факту. Мы были всю жизнь русским народом». Он также заметил, что в Советском Союзе граждане именовали себя советскими людьми. «Сейчас советской власти нет. Кто мы? Я не понимаю»⁷. Не остались в стороне и пользователи глобальной сети: «Надеюсь, закон не определит, что де все, кто имеет паспорта РФ, – русские? Ибо если да, то это бред... Если нет, то зачем нужен такой закон?»⁸. Попробуем ответить на этот вопрос.

Появление данной инициативы находит объяснение в контексте поиска культурных оснований, которые могли бы послужить основой союза между российским обществом, испытывающим дефицит общих ценностей, и властью, которая в 2010-х гг. начала испытывать дефицит доверия. «Духовные скрепы» – выражение, широко распространенное в публичной риторике и ставшее объектом иронии для несистемной оппозиции, вошло в широкий оборот в начале 2010-х гг., когда была принята Стратегия государственной национальной политики. Его происхождение, так же как и внедрение в политический дискурс концепта «глубинного народа», связано с деятельностью экспертной группы публичных интеллектуалов, близких к Администрации Президента РФ⁹. Можно лишь предположить, что кому-то из представителей власти или близких к ней элитных кругов данная инициатива по формированию патриотических настроений методом внедрения национальной идеи «сверху» в условиях кризиса показалась своевременной и актуальной.

⁷ Говорухин назвал «отвратительным» слово «россиянин». РБК, 17 ноября 2016 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/582d7b2a9a79474d2f34c7bb> (дата обращения 24.06.2019).

⁸ Путин призвал разработать закон о российской нации. Всем ли понравится? URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/st/0/topic1481522.html> (дата обращения 24.06.2019).

⁹ Путин: национальная идея в России – это патриотизм. 03.02.2016. URL: <https://ria.ru/20160203/1369184806.html> (дата обращения 24.06.2019); Владислав Сурков: Долгое государство Путина. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 24.06.2019).

К 2016 г. падение уровня материального достатка и социального благополучия россиян, рост централизации власти – процессов, приводящих к ограничению доступа граждан к политическому участию и сужению каналов социальной мобильности, отчетливо обозначили вступление в новую фазу экономического и политического кризиса. Всякий социальный кризис в России сопряжен с этническим обособлением, фрагментацией, сегментацией. При существующих тенденциях весьма соблазнительной выглядит идея проводить политику искусственной интеграции с опорой на доминирующее русское большинство, которое весь постсоветский период чувствовало себя ущемленным национализмом элит постсоветских республик. Однако недоминантные этнические группы в России, хоть они и составляют меньшинство, также весьма активны и чувствительны к своему статусу, особенно титульные этносы в национальных республиках. Их элитами внедрение в дискурс понятия «российская нация» воспринимается не иначе как попытка упразднить национально-государственный статус их собственной этничности. Не приведет ли новая искусственная попытка интеграции «сверху» к противоположному результату, если внедрение термина «российская нация» воспримется как посягательство на идею татарской, якутской, осетинской, башкирской и даже русской наций?

Кроме того, и в Конституции РФ, и в обыденном словоупотреблении существительное «нация» накрепко связано с этническим контекстом. При этом прилагательное «национальный» как синоним «государственного» также прочно закрепилось в общественном сознании и ни у кого не вызывает возражений. Насколько целесообразно искусственное внедрение речевых практик, подобных упомянутому, тем более в федеральном законе? Например, в академическом дискурсе понятия «межэтнические отношения» и «межнациональные отношения» употребляются как синонимичные. Для исследователей и людей, далеких от академической науки, это понятно. Зачем умножать сущности без необходимости? Зачем необходимо академический термин нагружать идеологическим содержанием?

Сложность в интерпретации термина «нация» заключена в односторонней его интерпретации либо как этнического, либо как политического феномена. Представляется, что в определении нации нельзя все свести к одной из этих составляющих. В политических концепциях либерализма нация является результатом общественного договора. В этом смысле термин «нация» как сугубо академический, обозначающий согражданство, вполне уместен в научном дискурсе. Нация – это договор, контракт, которым общество созидает один из своих институтов, государство. Нация как согражданство в обществе модерна является единственным источником легитимации политической власти. Однако нужно ли академический термин обязательно делать идеологическим? Существующие номинации «россияне» «народ

России», «российский народ» как выражения этого контракта вполне корректны.

В СССР нациестроительство было осуществлено на этнической основе. В 1920–1930 гг. было проведено территориальное размежевание между союзными республиками и автономиями в составе СССР, проводилась политика позитивной дискриминации русского населения. Благодаря этому были ликвидированы сословные и конфессиональные барьеры, которые конституировали этнические различия и способствовали сохранению этнического неравенства. Национальная политика в СССР имела много противоречий, не была лишена недостатков, однако нельзя отрицать, что ее достоинством было создание сложной системы, обеспечивающей этнический паритет во власти и сфере развития культуры. В результате ее реализации искусственной ассимиляции не был подвержен ни один народ, многие народы получили письменность и литературу, осуществили переход в индустриальную эпоху с соответствующей ей сложной социально-профессиональной структурой. При этом впервые была сформирована гражданская общность «советский народ» с соответствующей идентичностью.

Исходным пунктом аргументации сторонников идеи российской нации является тезис о необходимости деонтологизации этничности. Они полагают, что этнические чувства, включая этническую идентичность и солидарность, являются результатом рационального выбора индивида. Этничность, по их мнению, представляет собой репертуарную роль, сознательно и заинтересованно рассчитанную индивидом и группой, конструируется в интересах достижения целей так называемых этнических предпринимателей. Именно они, а также этнические элиты ответственны за постсоветскую дезинтеграцию, их усилиями переписывается история. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения является Валерий Александрович Тишков, научный руководитель Института этнологии РАН [1998].

Позиция Тишкова, автора концепции этнической процессуальности, и его сторонников имеет определенные основания в феноменах гибкости и многосоставности этнической идентичности. Однако следует отметить, что ее пластичность не является безграничной, так же как и репертуар этнических ролей, доступных для одного человека. Стоит ли многого ждать от «пересборки» идентификационной матрицы россиян «сверху»? Да и возможна ли она?

Можно лишь констатировать, что попытка внедрить в общественное сознание некий искусственный конструкт, отвечающий менеджеральным представлениям о «национальной идее», совпадает с этими ожиданиями. Нарастание индивидуализма и отчуждения в обществе побудило российскую власть обратиться к концептам нации и национализма, которые в европейской культуре Нового времени сыграли роль «социального клея», собирающего в единое общество атомизированных индивидов индустри-

альной и постиндустриальной эпох. Национализм делает социальную дистанцию между олигархами и неимущими иллюзорной. Он дарит государству в эпоху «восстания масс» идею, возвышающую общество потребления до экзистенциального горизонта, соотносимого по силе с тем, что давали религии средневековому социуму.

Российская власть имеет традицию опоры на западный опыт государственного управления еще со времен Петра I. Не всегда этот опыт успешно прививался на российской почве, имеющей определенные цивилизационные особенности. Однако всякий раз на новом витке трансформаций, которые проходили в виде реформ и революций, ориентация на западный опыт оставалась доминирующей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что идея гражданского национализма показалась привлекательной по мере утверждения неолиберальной модели управления, основанной на вере в технократизм и ценность менеджериального подхода. Хотя связь между национализмом и неолиберализмом не кажется очевидной на первый взгляд, в реалиях России периода институциональных реформ любой наблюдательный исследователь заметит влияние вестернизации на социальные изменения. В этой логике рецепция национализма в практики этносоциального менеджмента предстает как итог заимствования.

Однако национализм, как показала история двух мировых войн, является обоюдоострым оружием. В Европе его крайности нивелируются идеей общеевропейской интеграции. Тем не менее и она дала сбой в результате миграционного кризиса. В России же гражданская идентичность еще очень молода, как молодо и само государство.

Позитивная консолидация граждан вокруг общих ценностей возможна лишь тогда, когда реальная политика отвечает их запросам и ожиданиям, а не диссонирует с ними [Попков, Скалабан и др., 2018. С. 346]. Ее реальность будет увеличиваться по мере того, как формы общественного участия в принятии важных для всех решений приобретут институциональные формы и соответствующие требованиям современного общества правовые механизмы [Ерохина, 2016. С. 185]. По мере развития институтов общественной экспертизы и превращения академического дискурса в трансдисциплинарный, «ежедневный плебисцит» имеет все шансы стать практикой «малых дел», из которых кристаллизуются политические ценности, объединяющие россиян.

Список литературы / References

Ерохина Е. А. Концептуальные основания и принципы регионально-го моделирования этнонациональной политики в современной Рос-

- сии // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 4. С. 174–187.
- Erokhina E. A.** Kontseptualnye osnovaniya i printsipy regionalnogo modelirovaniya etnonatsional'noi politiki v sovremennoi Rossii [Conceptual Foundations and Principles of Regional Modeling of Ethno-National Policy in Modern Russia]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 174–187. (in Russ.)
- Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Ерохина Е. А.** и др. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.
- Popkov Yu. V., Tyugashev E. A., Erokhina E. A.** and others. Etnosotsialnye protsessy i etnonatsionalnaya politika v regionah Sibiri [Ethno-Social Processes and Ethno-National Policy in the Regions of Siberia]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2015. (in Russ.)
- Попков Ю. В., Скалабан И. А., Тюгашев Е. А.** и др. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.
- Popkov Yu. V., Skalaban I. A., Tyugashev E. A.** and others. Sotsiokul'turnyi monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika [Sociocultural Monitoring of the Urban Interethnic Community: Methodology and Practice]. Novosibirsk, NGTU Publ., 2018. (in Russ.)
- Тишков В. А.** Забыть о нации (Постнационалистическое понимание национализма) // Вопросы философии. 1998. № 9. С. 3–26.
- Tishkov V. A.** Zabyt' o natsii (Postnatsionalisticheskoe ponimanie natsionalizma) [Forgetting the Nation (Post-nationalist Understanding of Nationalism)]. *Questions of Philosophy*, 1998, no. 9, p. 3–26. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Ерохина Елена Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Elena A. Erokhina, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

leroh@mail.ru

УДК 130.2

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-135-143

Социально-философский феномен молодежной субкультуры диггеров

Ю. В. Костикова

*Государственный университет управления
Москва, Россия*

Аннотация

Характеризуется молодежное субкультурное движение диггеров; рассматривается типология диггеров, выделяемая последователями этого направления; анализируется социально-философский аспект существования субкультуры диггеров в России. На примере философии, мировоззрения показана социальная ориентированность этого движения, раскрыт образ подземного мира и предназначения «копателей», который существует в представлениях диггеров.

Ключевые слова

субкультура, сленг, диггер, диггерство, подземный мир, ценности, цивилизация

Для цитирования

Костикова Ю. В. Социально-философский феномен молодежной субкультуры диггеров // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 135–143. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-135-143

A Socio-Philosophical Phenomenon of the Youth Subculture of Diggers

Yu. V. Kostikova

*State University of Management
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article describes the youth subcultural movement of diggers; examines the typology of diggers, offered by the participants of this activity; analyzes the socio-philosophical aspect of the existence of the subculture of diggers in Russia. It shows the social orientation of this movement, its philosophical and worldview implications, the image of the underground world and the purpose of “diggers” which exists in their own representations.

© Костикова Ю. В., 2019

Keywords

subculture, slang, diggers, underworld, values, civilization

For citation

Kostikova Yu. V. A Socio-Philosophical Phenomenon of the Youth Subculture of Diggers. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 135–143. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-135-143

В настоящее время в молодежной среде особую популярность получили различные виды экстремальной деятельности. Число людей, увлеченных экстримом, растет по всему миру, в том числе и в России. Экстрим имеет разные формы, начиная от различных видов спорта, заканчивая разнообразными молодежными экстремальными субкультурными движениями, к которым относится и диггерство.

Цель данной статьи – рассмотрение социально-философского феномена молодежной субкультуры диггеров.

Одной из форм экстремальной молодежной субкультуры является диггерство (от англ. digger – копатель или от англ. digging – копание, рытье), под которым понимается исследование подземных коммуникаций, созданных человеком с применением строительных технологий и материалов (заброшенные подземные военные объекты, тоннели метро, канализационные коллекторы, дренажные системы, системы подземных коммуникаций и т. д.) [Андреев, 2009].

Диггерство широко распространено в различных странах. Так, в Америке диггеры получили название «исследователей города», во Франции «любителей катакомб». Однако, в отличие от многих других молодежных субкультур, диггерство в России достаточно самобытно как по своему образу жизни, так и по философии. Уже в конце 1980-х – 1990-х гг. диггерство получило широкое распространение в Москве. Позднее его последователи обнаружили себя в Санкт-Петербурге, Калининграде, Самаре, Владивостоке и других крупных городах. Диггеры собираются в небольшие группы (до нескольких десятков человек, в основном мужчин), не стремятся афишировать свою деятельность, ориентированы на сохранение вокруг себя ореола таинственности и мистизма [Луков, 2008].

Сегодня диггерство – это не просто путешествие по подземным коммуникациям города, но и проведение подземных исследований в области археологии, экологии, биологии, геологии, составление кадастра подземных сооружений, оказание помощи в предотвращении геотехногенных катастроф. Активно диггеры привлекаются при проведении археологических раскопок и поиске артефактов. Диггеры сотрудничают с официальными властями, информируют их об угрозе каких-либо явлений, происходящих в подземных коммуникациях (нарушения экологического характера, утечка в водо-

снабжении, оседание фундаментов строений и т. д.). В этом плане, по сравнению с другими молодежными субкультурами, диггеры более социально направлены и экологически ориентированы [Герасимов, Топилина, 2012; Кузовенкова, 2015; Омельченко, 2000].

Для субкультуры диггеров характерно их разделение на две основные группы: псевдодиггеры и истинные диггеры (тру-диггеры).

К первой группе относятся малоразвитые группы подростков и молодежи, которые лазят в подzemелье для массовой тусовки. Сюда входят люди, которые собирают металлический лом («металлисты»), используют подzemное пространство для игр; распивают спиртные напитки («гопники»); оставляют там свои надписи и автографы, портя ими исторические и культурные объекты («графферы») [Башкатов, 2000].

Также сюда относятся подzemные туристы, которые временно используют подzemку как средство уйти в другой мир, от мирской суеты, от проблем.

К истинным, или тру-диггерам, можно отнести четыре основные группы. В первую входят люди, интересующиеся чем-то необычным с точки зрения простого обывателя. Помимо диггерства они могут интересоваться и другими экстремальными видами деятельности. Вторую группу составляют реально интересующиеся диггерством люди. У них сформированы профильные или смежные с диггерством интересы. Диггерство – это их хобби, они постоянно интересуются подzemным миром, стремятся посещать интересные места в подzemке. Третья группа – это группа фанатиков. Для них характерно постоянное диггание. Это их образ жизни, а не просто хобби. Своего рода зависимость, так как без подzemки они свою жизнь не представляют. Наконец, последняя группа – это «престарелые диггеры» (в возрасте 30–40 лет). Это самая малочисленная группа, которая спускается в подzemку часто в одиночку, чтобы «придаться воспоминаниям, помедитировать, пообщаться с тенями прошлого и отдохнуть от обывательской жизни и семейных проблем»¹.

Отдельно выделяют группу начинающих диггеров, которых часто используют как «дронов» (по аналогии с роботами, которые выполняют опасные для человека задания), «мясо», «практически не представляющее ценности». Их обычно посылают на опасные задания, когда существует риск быть задержанными правоохранительными органами.

Следует обозначить и так называемую группу «пиггеров» (от англ. pig «свинья»), которые не добиваются в диггерстве каких-либо значимых результатов, но позиционируют себя как истинные профессионалы и дискредитируют движение в постоянных интервью в СМИ.

Философия диггерства выражена в следующем постулате: «Там, внутри, – мир, отражающий поверхность, зазеркалье. Мир, принимающий в себя

¹ Краткая история подzemной инфильтрации (диггерства) в Москве. URL: <https://neglinkin.livejournal.com/9674.html?view=22986#t22986> (дата обращения 27.06.2019).

все, аккумулирующий и отдающий назад, на поверхность. И здесь, в этом “чреве Левиафана”, как написал в свое время Гюго о подземке очень любовно, действительно делается очная ставка всем человеческим глупостям, ошибкам или, наоборот, хорошим и добрым делам. Потому что все выходит из этого горнила и в него возвращается. Для нас, по нашей философии, там нет национальных границ. Границы есть только наверху, а недра едины»².

И далее руководитель общества «Диггер-СПАС» В. Михайлов отмечает: «Все оттуда вышло: и язычество, и тьма, и свет вышли оттуда. И земная судьба Христа связана с пещерой. Мифология диггерства пересекается с творчеством Гюго. Для нас Гиляровский – отражение Гюго, но он в меньшей степени этого касается, хотя “Трущобный мир и Неглинка” является ипостасью нашего мира, но это не настольная книга диггерства. Гюго пишет о подземелье: “По углам видите красный свет? Это сочится кровь Варфоломеевской ночи. Слышите шорох? Это работают метлой призраки, отмывающие в этом Стиксе плод своих работ”. У нас то же самое. Мы видим кровь баррикад девяносто третьего года. До сих пор присутствует их дух восстания под Пресней. Мы там находим остатки ружей, патроны 1905 года... Вся жизнь, история отображаются в этих сумрачных водостоках, в наносных слоях подземной Москвы. Мы ощущаем эту мистическую, infernalную карму города. Чувствуем то, что таится во тьме, вызывает массовые суициды, потрясения, сумасшествие»³.

В представлениях диггеров подземелье символизирует социально-общественное дно, клоаку, отличающуюся от надземного мира тем, что «она не умеет врать... Она цинична и являет без стыда все, что в ней происходит»⁴. Подземелье символизирует, по мнению диггеров, горнило цивилизации, гигантскую лабораторию, «мерило ее прочности».

Главный идеолог движения диггеров в России В. Михайлов на примере индейских цивилизаций Южной Америки делает вывод, что они не просто растворились и исчезли, но «провалились» в подземный мир, в «подмир».

По мнению диггеров, цивилизация «у себя под ногами» создала «гигантский муравейник с колоссальным осадочным оползнем, часть из которого исследована, а часть превратилась в запретную зону, могильник, колоссальный некрополь, который неизменно и незаметно деструктивно воздействует» на людей. В конце концов, геологические слои возвращают людям наверх все отстойники цивилизации, «копиризируя все отрицательное вовнутрь и возвращая на поверхность двойным “бумеранговым” ответом». Именно на основе такого подхода происходило формирование философии диггерства, отношение диггеров к подземелью.

² Филин О. Диггеры планеты Андерграунд. URL: http://www.manwb.ru/articles/persons/fatherlands_sons/DiggUnder_OIFilin. (дата обращения 27.06.2019).

³ Вадим Михайлов: Мы – «Диггер СПАС»... URL: <https://vadimh.livejournal.com/1197.html>. (дата обращения 27.06.2019).

⁴ Там же.

Цивилизация деградирует и страдает из-за заразных болезней, которые приходят из подземного мира. Вирусы болезней в этом подмире «проходят подготовку», мутируют в особо жизнестойкий штамм, который становится практически неуничтожимым и крайне вирулентным. Цивилизация «пожирает плоды собственного безумия» тогда, когда вирусы чумы, оспы, других эпидемий выходят из водостоков. В этом смысле, как отмечают диггеры, «от подземки зависит все. Сегодня – это наука наук, это философия философий, политика политик для каждой страны мира. И наш мир – мир диггеров земли, ее “атлантов снизу”», борющихся по-своему с грядущим Апокалипсисом»⁵.

Подземка представляет собой, в философии диггерства, «самое безграничное и неисследованное место». Если в обычном мире есть границы и строгий контроль, то в подземном – рамки социальных и национальных групп стираются. Там люди становятся, не зависимо от своего статуса в обычной жизни, равными друг другу. Поход в подземный мир всегда связан для диггера с погружением в другую историческую, культурную, социальную реальность. Таинственность диггерской субкультуры выражена в следующей, как отмечает сам В. Михайлов, пафосной фразе: «Мы идем сквозь туннели времени. Из мрака прошедшего в полную неизвестность грядущего. Это, действительно, реальный туннель, который объединяет людей. Помните: мы – всегда – под вами!»⁶.

В философии диггерства есть место патриотизму и патриотическому воспитанию молодого поколения, экологической защите, участию в спасательных операциях под землей, поиску историко-культурных ценностей и захоронению разрушенных кладбищ и могил. В. Михайлов отмечает по этому поводу, что «нужно воспитывать патриотизм в людях, нужно заниматься молодежью, поднимать детей с общественного дна, где бродяги умирают и создают смрадные некрополи бомжей под землей. Сегодня строят элитный рай на костях, без перезахоронений. В парках надо ставить кресты, потому что парки разбиты на месте кладбищ. Мы ходим и попираем могилы предков. Будем все вместе изгонять дьявола современности из поколения, вычищать наши реальные “Авгиевы конюшни”»⁷.

Диггеры отмечают, что они обязаны сохранять подземный мир, правильно его исследовать и использовать.

Миссия диггерства – эта миссия поиска, создания карт изучения какого-то пласта или направления культуры, нового ее вида, в которой происхо-

5 *Вадим Михайлов*: Мы «Диггер СПАС»... URL: <https://vadmih.livejournal.com/1197.html>. (дата обращения 27.06.2019).

6 *Вадим Михайлов*: Мы «Диггер СПАС»... URL: <https://vadmih.livejournal.com/1197.html>. (дата обращения 27.06.2019); *Филин О.* Диггеры планеты Андеграунд. URL: http://www.manwb.ru/articles/persons/fatherlands_sons/DiggUnder_OlFilin. (дата обращения 27.06.2019).

7 *Вадим Михайлов*: Мы «Диггер СПАС»... URL: <https://vadmih.livejournal.com/1197.html>. (дата обращения 27.06.2019).

дит взаимопроникновение недр и поверхности («единого осмоса поверхности и антропогенных недр цивилизации»).

Подземку диггеры считают своим домом, в котором находят свое отражение в архитектуре, инжиниринге и т. д. разные типы культур.

Как пишет И. В. Савенкова, для диггеров уйти в поход по тоннелям и трубам – это возможность сменить суетную и будничную среду надземного мира на тьму и мрак истории [2016].

Философия диггерства отражена и в этических принципах их деятельности: ничего не ломай; никакого вандализма; не брать чужого. Основные правила диггера – личная безопасность; избегание встреч с обитателями объектов исследования (сектанты, бомжи, обыкновенные подростки) и местной фауной и флорой; правительственных и военных объектов [Андреев, 2009; Сенько, 2014].

Как и любая другая значимая молодежная субкультура, диггерство имеет свою мифологию, систему тайн и секретов (рассказы о Метро-2 в Москве и Санкт-Петербурге, легенда о Белом Спелеологе, слухи о животных-мутантах (например, трехметровых крысах) и т. д.), призраках.

В качестве примера можно привести историю отряда диггеров, который исследовал подземные сооружения под СКЛИФом. «Едва спустившись к центральному корпусу, “копатели” внезапно обнаружили печи для сжигания останков, возле которых якобы лежал букет свежих гвоздик. После этого одну из участниц «экспедиции» пришлось отправить наверх, так как она испытала сильнейший шок. Следующей находкой стала груда костей какого-то крупного животного, а кульминацией – появление призрака в небольшой камере, к которой вел тоннель... из толщи бетонного свода стал появляться женский силуэт, а затем он снова исчез, словно втянутый в стену необычайной силой... “копатели” поспешили выбраться наружу. По дороге один из них, сильно ударившись головой, содрал кожу на темени. Он был доставлен в приемное отделение СКЛИФа. До прихода дежурного врача пострадавшего положили на кушетку в одну из палат. Невдалеке стояла каталка с трупом, накрытым простыней. Когда санитары приподняли простыню, несчастный испытал двойной шок: перед ним лежал труп той самой женщины, призрак которой привиделся диггерам под землей. Из разговора с санитарями выяснилось, что она скончалась ровно полчаса назад от травм, как раз в то время, когда отряд находился внизу. Позднее следствие установило: женщина покончила с собой, бросившись под колеса автомобиля»⁸.

Это, а также ритуалы диггерства являются необходимым условием выделения этой субкультуры из других экстремальных видов молодежных увлечений.

⁸ Малахова Н. Байки и были московских диггеров URL: <http://2005.novayagazeta.ru/pomer/2005/58n/n58n-s30.shtml> (дата обращения 27.06.2019).

Философия диггерства нашла свое отражение и в сленге представителей этой субкультуры. Так, например, одно из ключевых понятий в словаре диггера – слово «ад». Ад – предстает в мировоззрении диггеров и как подземный мир, «пещеры мрака», которые и являются «адом во плоти», куда спускаются копатели. Сами же они представляют себя как несущие свет (в том числе, с помощью фонариков и факелов), как защитники надземного мира от «демонов зла». С другой стороны, ад – это и то место, куда стремятся попасть диггеры после смерти, так как в нем, в отличие от неба, есть туннели.

Образ подземного мира как ада дополняется его искусственностью происхождения. Современная цивилизация сама создает этот ад, прежде всего, заполнением своими нечистотами, канализационными шахтами мест бывших погостов, храмов, церквей. Человек «кощунственно попраля Святыни... тем самым... открыл inferнальные врата, через которые поднимаются темные силы, некроэнергия. В таких местах изменена карма города»⁹.

Наряду с адом, в словаре диггеров существует и легенда о Князе Тьмы, который является покровителем подземного мира и может наказать тех из них, кто «плохо» ведет себя в подземелье (т. е. «гадит» – употребляет алкоголь, оставляет мусор и т. д.)¹⁰.

Широко используются в диггерском словаре множество призывов, пословиц, девизов, имеющих интертекстуальную основу: «Диггерство – свет, а недиггерство – тьма!» («Ученье – свет, а не ученье – тьма!»); «Назвался диггером – полезай в говносток!» (Назвался груздем – полезай в кузов!); «Сколько диггера не мой, он все равно в люк смотрит» («Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит»); «В тихом омуте диггеры водятся (с аквалангами)» («В тихом омуте черти водятся»); «Ты записался в ассенизаторы!» («Ты записался в добровольцы!»); «Диггер диггеру друг, волк и суп» («Человек человеку друг, товарищ и брат») и т. д.¹¹

В таких фразах находит свое отражение, с одной стороны, самоирония диггеров, а с другой – их внутреннее мировоззрение, создается привлекательный образ путешественников в подземный мир.

Подводя итоги нашему краткому анализу социально-философского феномена молодежной субкультуры диггеров, можно отметить, что в России она стала оформляться в отдельное движение начиная с 1990-х гг. и в настоящее время в ней уже сформирована определенная философская основа. В нее входят представления диггеров о подземном мире, о влиянии на него цивилизации и деятельности человека, о защитной роли диггеров в социуме. В отличие от других молодежных субкультур (эмо, готы, рокеры и др.) – диггеры активно сотрудничают с официальными властями в области про-

⁹ Тайны московских подземелий. URL: <https://tainy.net/618-tajny-moskovskix-podzemelij.html> (дата обращения 27.06.2019).

¹⁰ ДиггСталкерский словарь. URL: <http://saintdiver.narod.ru>. (дата обращения 27.06.2019).

¹¹ Диггеры – пословицы и поговорки. URL: <http://deepdig.ru/art/pogovorki.html>. (дата обращения 27.06.2019).

ведения спасательных операций, археологических раскопок, решения проблем экологии и т. д.

Список литературы / References

- Андреев В. К.** Лексикон диггеров как отражение ценностных доминант субкультуры // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 92–94.
Andreev V. K. Leksikon diggerov kak otrazhenir tsennostnyh dominant subkultury [Lexicon of diggers as a reflection of the value dominants of the subculture]. *Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 2009, no. 9, p. 92–94. (in Russ.)
- Башкатов И. П.** Психология неформальных подростково-молодежных групп. М.: Информпечать, 2000. 336 с.
Bashkatov I. P. Psihologiya neformalnyh podrostkovo-molodezhnyh grupp [Psychology of informal youth groups]. Moscow, Informpechat Publ., 2000. 336 p. (in Russ.)
- Герасимов Г. И., Топилина Е. С.** Молодежь в зеркале субкультурных практик: Моногр. Ростов н/Д: Антей, 2012. 128 с.
Gerasimov G. I. Topilina, E. S. Molodezh v zerkale subkulturnykh praktik: monografiya [Youth in the mirror of subcultural practices: monograph]. Rostov n/D, Antey Publ., 2012. 128 p. (in Russ.)
- Кузовенкова Ю. А.** Молодежные практики освоения городского пространства // Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2015. № 10 (55). С. 37–39.
Kuzovenkova Yu. A. Molodezhnye praktiki osvoeniya gorodskogo prostanstva [Youth practice of urban space]. New University. Series: Actual problems of Humanities and social Sciences, 2015, no. 10 (55), p. 37–39. (in Russ.)
- Луков В. А.** Диггеры // Новая Российская энциклопедия: В 12 т. / Ред. кол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян и др. М.: ООО «Издательство “Энциклопедия”»: ИД «ИНФРА-М», 2008. Т. 5 (2). С. 268–269.
Lukov V. A. Diggery [Diggers]. In: New Russian encyclopedia: In 12 t. Eds. A. D. Nekipelov, V. I. Danilov-Danilyan et al. Moscow, LLC “Publishing house «Encyclopedia»: ID «INFRA-M””, 2008, vol. 5 (2), p. 268–269. (in Russ.)
- Омельченко Е. Л.** Молодежные культуры и субкультуры. М.: Ин-т социологии РАН, 2000. 264 с.
Omelchenko E. L. Molodezhnye kultury i subkultury [Youth cultures and subcultures]. Moscow, Institute of sociology RAS Publ., 2000. 264 p. (in Russ.)

- Савенкова И. В.** Субкультура-диггеры // Школа для родителей. 2016. № 7–8. С. 57–58.
- Savenkova I. V.** Subkultura-diggery [Subculture-diggers]. Shkola dlya roditelei [*School for Parents*], 2016, no. 7–8, p. 57–58. (in Russ.)
- Сенько Е. В.** Диггерство, стритрейсинг и прочие увлечения // Русская речь. 2014. № 4. С. 73–75.
- Senko E. V.** Diggerstvo, stritreising i prochie uvlecheniya [Digger, street racing, and other Hobbies]. Russkaya rech [*Russian Speech*], 2014, no. 4, p. 73–75. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

23.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Костикова Юлия Валерьевна, старший преподаватель Государственного университета управления (Рязанский пр., 99, Москва, 109542, Россия)

Julia V. Kostikova, Senior Lecturer, State University of Management (99 Ryazan Ave., Moscow, 109542, Russian Federation)

mikvydrin@yandex.ru

УДК 291.1

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-144-156

Социальный институт буддизма в современной России: Бурятия, Калмыкия, Тува

И. С. Тарбастаева

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В социокультурном пространстве России сложилось три основных и независимых друг от друга буддийских центра: калмыцкий, бурятский и тувинский. Анализ геополитических ориентиров, идеологической позиции, крупных религиозных организаций, представляющих данную конфессию в регионе, показывает, что сложились три различные модели буддизма как социального института: глобально-ориентированная (Калмыкия), этноцентричная (Бурятия), регионально-ориентированная (Тува).

Ключевые слова

социальный институт, религия, буддизм, Бурятия, Калмыкия, «глобальный буддизм», Тува

Для цитирования

Тарбастаева И. С. Социальный институт буддизма в современной России: Бурятия, Калмыкия и Тува // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 144–156. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-144-156

Modern Models of Buddhism as a Social Institution in Buryatia, Kalmykia and Tuva

I. S. Tarbastaeva

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In the sociocultural space of Russia, there are three main and independent Buddhist centers: Kalmyk, Buryat and Tuvan. An analysis of geopolitical landmarks, ideological position, and large religious organizations representing this faith in the region shows that three different models of Buddhism as a social institution have developed: globally oriented (Kalmykia), ethnocentric (Buryatia), and regionally oriented (Tuva).

Keywords

social institution, religion, Buddhism, Buryatia, Kalmykia, “global Buddhism”, Tuva

For citation

Tarbastaeva I. S. Modern Models of Buddhism as a Social Institution in Buryatia, Kalmykia and Tuva. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 144–156. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-144-156

© Тарбастаева И. С., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

В научном дискурсе известны различные методологические подходы к пониманию «социального института». Исследователи выделяют две основополагающие социологические традиции интерпретации – «классический структурализм», подчеркивающий безусловный приоритет структурных факторов над действиями агентов (Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон), и более «мягкую», акционистскую традицию, которая больше внимания уделяет конкретным индивидам и их деятельности (М. Вебер, П. Бергер, Т. Лукман, И. Гофман). Интерес представляют исследования, посвященные осмыслению роли человека в системе социальных институтов. Так, внимание к уровню индивидуального действия подчеркивает британский философ Ром Харре: «Институт определяется как взаимосвязанная двойная структура индивидуумов как носителей ролей или должностных лиц, с одной стороны, и социальных практик, включающих в себя как практические, так и символические цели и результаты, с другой стороны» [Harre, 1979. P. 98].

Речь идет о теоретической модели социальных институтов, в которой на первое место выходит социальный актор. Безусловно, сама система представляет собой нечто большее, чем простую совокупность ее членов. Однако составляющие систему субъекты являются носителями ее свойств. Исходя из этого, Г. В. Осипов предлагает выделять микроуровень социальных институтов, характеризующийся такими элементами, как люди с их мировоззрением, ценностями, стандартами поведения и мыслительными шаблонами, с их конкретными повторяющимися социальными действиями и взаимными ожиданиями [2010. С. 111]. Э. Гидденс также говорит о том, что институты представляют собой не только «правила игры» и комплекс норм, но и совокупность участников этих институтов, реализующих принятые системы норм и правил [1999. С. 362–482]. Любой социальный институт играет важную роль в жизни общества – задает социальную природу общества, а также формирует рамки, пределы институциональных преобразований, осуществляемых на микро-уровне, в процессе непосредственной экономической, политической деятельности.

К числу социальных институтов традиционно относится и религия. В качестве классического определения религии как социального института можно принять следующее: «...это исторически сложившиеся формы организации и регулирования общества, жизни, обеспечивающие выполнение жизненно важных для общества функций, включающие совокупность норм, ролей, предписаний, образцов поведения, специальных учреждений, систему контроля» [Социологический энциклопедический словарь, 1998. С. 105]. Большинство социологов, начиная от отцов-основателей социологии как отдельной науки О. Конта и Г. Спенсера, рассматривали религию как средство достижения единства, интеграции общества, сплочения отдельных людей в массу верующих, рождающего ощущение сопричастно-

сти. Религиозные институты имеют специфические особенности, прежде всего – устойчивый и консервативный характер. Исследователи отмечают их двойственную направленность: не только регламентацию деятельности по достижению трансцендентной цели, но и регуляцию действий людей и светских отношений [Акулич, Капалин, 2008].

Стремительный процесс модернизации российского общества на рубеже XX–XXI вв. привел к своеобразному «религиозному ренессансу». Недавнее официальное отношение к религии и религиозным организациям как явлениям пережиточным, тормозящим общественное развитие, сменилось подчеркиванием значимости как их самих в качестве реального компонента современного российского общества, так и их исторического вклада в формирование и развитие российской государственности и культуры. В настоящее время религиозные институты представляют собой активный субъект, специфический актор политической системы, который оказывает влияние на формирование культурных ценностей и ориентиров общества.

Исходя из этого, интерес представляет современное развитие буддизма как социального института в республиках, где он традиционно исповедуется – Калмыкии, Бурятии и Тувы. Также нами будет сделана попытка в данных регионах выделить эмпирические модели, сложившиеся из позиции и реальной практики крупнейших религиозных организаций, представленных на местах. В своем анализе мы опираемся на исследовательские работы ведущих буддологов, социологов, историков, специализирующихся как на конкретном регионе, так и на состоянии буддизма в России и во всем мире, а также на прямые заявления руководителей данных организаций, опубликованные в средствах массовой информации.

В настоящей работе нас будет интересовать то, как религиозные организации и их лидеры оказывают конституирующее воздействие на сценарии развития буддизма в республиках. Как отмечает С. П. Нестеркин, в постсоветское время государство устранилось от вмешательства в дела религиозных организаций, и это послужило их значительному увеличению. А отсутствие доктринальной необходимости в единоначалии привело к появлению большого числа буддийских общин [2016. С. 340]. По данным Росстата, на территории Российской Федерации в конце 2018 г. было зарегистрировано 269 буддийских религиозных организаций¹. С каждым годом наблюдается их увеличение: в 2011 г. их число составляло 217, в 2013 г. – 230, в 2015 г. – 246. В целом процесс буддийского возрождения в республиках происходит в русле общего религиозного ренессанса в России, так же как возрождение ислама и христианства.

¹ Число религиозных организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, на конец 2018 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/11-03.htm (дата обращения 09.08.2019).

Современная буддийская община России сформировалась на рубеже 1980–1990-х гг. с помощью мирового лидера буддизма, лауреата Нобелевской премии мира 1989 г. Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензином Гьятцо, которого российские буддисты считали своим духовным наставником, человеческим воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары. Его приезд в Россию, который состоялся летом 1991 г., придал мощный импульс развитию буддизма во всех трех республиках. В настоящее время просветительскую деятельность в данных регионах преимущественно ведут ученики Его Святейшества Далай-ламы XIV, обладающие прямой линией передачи учения и получившие его благословение на ведение проповеднической деятельности на территории России. Не будет преувеличением сказать, что российская буддийская община имеет значительный нравственный, интеллектуальный и социальный потенциал. Однако она никогда не была централизована как православная церковь. Буддийские республики вошли в состав России в разные годы, и духовная жизнь каждого из народов развивалась независимо друг от друга.

Сначала отметим общую тенденцию, характерную для трех буддийских республик – это усиливающийся интерес населения к изучению буддийской философии. Распространенный обрядовый, народный буддизм продолжает оставаться популярной формой выражения своего вероисповедания, однако возможность получать учения на лекциях, как правило, бесплатных и широкодоступных, порождает желание людей прояснить для себя концептуальные идеи, ценностные основы буддизма. Среди мирян появляются те, кто серьезно изучает классические трактаты, вникает в сложные дискуссионные теоретические вопросы перерождения, кармы, всеведения. Повсеместно создается интеллектуальное пространство для осмысления, обсуждения тех или иных положений учения; это не обязательно центральные храмовые места, а дхарма-центры, клубы, онлайн-площадки и просто встречи в свободном формате. Если в досоветское время религиозно образованными были, как правило, монахи, то в современных условиях открытости и доступности буддийской дхармы светские люди самостоятельно или с помощью учителей приобретают весьма обширные сведения о буддизме. Это отмечают многие социальные исследователи, буддологи.

Между тем в республиках складываются различные ситуации, связанные, прежде всего, с верховным буддийским управлением. Люди, возглавляющие крупные религиозные организации, имеют свои геополитические взгляды на то, в какую сторону развивать региональное буддийское сообщество. На выбор стратегических ориентиров влияет также параллельно идущий подъем этнического возрождения: эти два социокультурных процесса перекрещиваются между собой, где-то сливаются, в результате чего в каждой республике получается свой узор буддийской палитры.

Итак, буряты, сравнительно с другими народами буддистской цивилизации, обратились в буддизм из язычества достаточно поздно – в XVII в. В Забайкалье буддизм активно привносили монгольские и тибетские ламы, а также кочевые монгольские племена из Восточной Монголии. В отличие от прерванных в Туве и Калмыкии соответствующих структур буддийская конфессия в Бурятии к моменту установления советской власти была многочисленнее и сумела сохранить многие религиозные традиции во времена борьбы с религией. Сегодня Бурятская традиционная сангха России (далее – БТССР) позиционирует себя как официальный представитель буддизма в государстве, способный выражать интересы верующих на федеральном уровне.

Буддистское религиозное возрождение оказалось связанным с движением национального возрождения бурятского народа. Национальное и религиозное движения бурятского народа нашли своего выразителя в Хамбо-ламе² Дамбе Аюшееву, избранном в 1995 г. и с тех пор бессменно возглавляющем ее. Важным элементом предлагаемой хамбо-ламой идеологии буддийского возрождения и бурятской этнической идентичности является принцип духовной самодостаточности и независимости бурятского народа. По мнению Хамбо-ламы, для повышения уровня национального самосознания бурятам преимущественно следует обратиться к бурятским, а не к тибетским ламам: «Вот у нас тибетцы читают лекции, дают посвящения – они считают, что это у них буддизм. Ну, они что? Они – иностранцы: заберут свое богатство и куда-нибудь уедут – им какая разница» [Хамбо-лама, 2013. С. 12]. Процесс сохранения этнической идентичности Хамбо-лама видит в укреплении позиций сангхи посредством реализации выдвинутого им проекта оформления бурятской церкви в качестве особой формы северного буддизма как направленного на «максимальное снижение китайского влияния в будущем на умы бурятских верующих» [Махачкеев, 2007. С. 23]. Мы согласны с С. Филатовым, что «дистанцирование от авторитета Далай-ламы для Аюшеева является проявлением приоритета именно бурятского национального буддизма, вопреки буддизму, подверженному западному влиянию»³.

Следует отметить, что в регионе не все согласны с консервативной позицией Д. Аюшеева. Недовольство авторитарностью хамбо-ламы привело к расколам среди буддистов в самой Бурятии. В 1997 г. в сангхе произошел первый раскол, который возглавил лама Н. И. Илюхинов, поддерживающий возрождение буддийского образования в более тесной связи с Тибетом, с тибетскими учителями и Его Святейшеством Далай-ламой XIV⁴. Также женский буддийский монастырь позиционирует свою обитель как бурят-

² Хамбо-лама (камбы-лама) – титул главы некоторых региональных буддийских организаций.

³ Филатов С. Буддизм в Бурятии: новые тенденции // Russian Review. 2010. № 3. URL: <https://www.keston.org.uk/rr/43/03-tilatov-s-buryatiya.html> (дата обращения 09.08.2019).

⁴ Там же.

ский женский дацан и подотчетен тибетскому духовному лидеру. Как отмечает М. С. Уланов, российские буддийские анклав не самостоятельны и имеют «свои» центры притяжения, в особенности тяготеют к тибето-буддийской цивилизации [2010]. В современных условиях это обусловлено тем, что во времена советской идеологии в значительной степени прервалась прямая линия передачи учения «из уст в уста»; такой способ передачи знаний в буддизме считается ключевым для признания авторитетности ламы. Поэтому на территории бывшего Союза к моменту восстановления государственной поддержки религии практически не осталось учителей, которые обладали всей полнотой знаний и обеспечивали непрерывность линии преемственности учения. Это обстоятельство во многом побуждает российских буддистов из республик, традиционно исповедующих буддизм, обращаться к тибетской традиции, где такая преемственность сохраняется на протяжении многих веков.

Среди бурятской интеллигенции также аргументированно доказано, что «внутреннее содержание буддизма в Бурятии не было “бурятизировано”, и в этом смысле он не стал “бурятским буддизмом”, а является продолжением традиции тибето-монгольской махаяны» [Урбанаева, 2013; Янгутков, Урбанаева, 2014]. Сложно сказать, в каком соотношении местные верующие распределяют свои симпатии относительно этого геополитического вопроса; вряд ли имеются социологические данные на этот счет. Однако среди простого населения отмечается высокая степень лояльности, преданности к мировому лидеру буддистов Его Святейшеству Далай-ламе IV: ежегодно в Улан-Удэ торжественно отмечают его день рождения, из республики крупные группы бурятов выезжают на его учения в разные страны.

Таким образом, в Бурятии религиозное и национально-этническое возрождения подпитывают и переплетаются друг с другом. Встраивание буддизма в глобальный контекст сталкивается с большим сопротивлением, налицо центробежная тенденция, направленная на этнизацию мировой религии, стремление подчинить классические дискурсы «бурятскому» контексту. Согласимся с П. Варнавским, что в бурятском буддизме содержатся достаточно ярко выраженные элементы антизападного и антиглобалистского дискурса, а его интуитивная реакция на глобальные тренды развития носит довольно противоречивый характер [2011. С. 204]. Другая ситуация складывается в республике Калмыкия.

Современное развитие буддизма в республике Калмыкия можно охарактеризовать как вливание в «глобальную коммуникативную сеть тибетского буддизма» [Островская, 2010]. Прежде всего, следует сказать, что сам буддизм постепенно превращается в глобальный интеллектуально-духовный ресурс, открытый для всеобщего использования. Древняя восточная религия выходит за рамки своих прежних локально-исторических границ, охватывая все новые культурные ареалы. Так, в Европе, США, Австралии и Но-

вой Зеландии действуют сотни центров буддизма. Постепенно складывается так называемый «глобальный буддизм», а именно буддизм, свободный от контекста локальных культурных традиций, вполне транснациональный. Оценивая потенциал буддийской философии, П. Варнавский подчеркивает, что она не раз демонстрировала свою способность выходить за рамки собственно религиозной проблематики и встраивалась в различного рода публичные дискурсы, «апеллируя к более укорененной в сознании современных людей научно-рациональной когнитивной модели восприятия и интерпретации реальности» [2011. С. 197]. По его мнению, «данный процесс [глобализация буддизма] не всегда протекает настолько явно, чтобы обязательно получать подтверждение в социологических опросах и официальных речах политиков; это происходит скорее косвенно, прорываясь сквозь отдельные публикации в СМИ, будучи – явно или по неосторожности – озвучено лидерами, признанными авторитетами гражданского общества [Там же. С. 194].

Ведущую роль в процессе интеграции с глобальным буддизмом принадлежит действующему верховному ламе Тэло Тулку Ринпоче⁵, выходцу из калмыцкой семьи мигрантов в Филадельфии (США) и избранному в 1992 г. Являясь почетным представителем Его Святейшества Далай-ламы XIV в России, странах СНГ и Монголии, лама прилагает большие усилия для укрепления религиозных, культурных связей между традиционными российскими буддийскими регионами, тибетским сообществом и западным миром. В частности, при его активном участии был осуществлен повторный долгожданный визит Его Святейшества Далай-ламы XIV в Калмыкию в 2004 г. И в этом сказываются статус мирового уровня Тэло Тулку Ринпоче и влияние бывшего главы республики, крупного политика К. Илюмжинова. Сами калмыки единогласно признают Тэло Тулку Ринпоче своим духовным наставником, и он пользуется большой степенью легитимности, доверия среди населения. Заметим, что в Бурятию и Туву лидер буддистов не смог приехать, несмотря на его личное желание и чаяния верующих.

Другой исторически-значимой личностью, повлиявшей на вхождение калмыцкого буддизма в мировой контекст, является калмыцкий монах, один из первых учителей тибетского буддизма в США, сооснователь Американского института буддологии геше Нгаван Вангьял (1901–1983 гг.). В мировой науке благодаря его деятельности появились такие выдающиеся американские буддологи, как Р. Турман, Дж. Хопкинс, А. Берзин и др. Посещая регион в разные годы, Р. Турман, А. Берзин заявляли, что в их мировосприятии Калмыкии отводится особое место как родине своего коренного гуру. Это, безусловно, является одним из факторов, связывающих локальный буддизм с западным буддийским миром.

⁵ «Тулку» – звание, обозначающее особую степень просветленности и возможности человека переродиться в месте, где он сможет принести пользу в познании буддийского учения.

Институциональной площадкой для развития буддизма в республике служит центральный хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни», открытый в 2005 г. по совету Его Святейшества Далай-ламы XIV. Помимо широкой просветительской работы (музей, библиотека, изучение родного языка, основ буддийской философии, лекции), он имеет глубокое символическое значение для калмыков «подобно Статуи свободы для американцев, Эйфелевой башни для французов»⁶. Как самое красивое здание в городском ландшафте, место паломничества, хурул интегрирует вокруг себя и истинно верующих, и тех, кто чувствует себя сопричастным к буддизму как культурной традиции. Хурул позиционируется не только как место для уединенной веры, созерцания, но и масштабный культурный проект, способный задать региональные тренды, образовать пространство смыслов. В нынешнем восприятии калмыков он олицетворяет и возрождение веры после советской эпохи, и сохранение их этнической самобытности в условиях вестернизации. Так, с 2010 г. при хуруле открыты бесплатные трехмесячные курсы по изучению разговорного калмыцкого языка, который стремительно теряет свои позиции в качестве родного. Сам Тэло Тулку Ринпоче считает поддержку этнического языка одной из задач деятельности храма: «Я убежден, что нам крайне необходимо сохранить свой родной язык, чтобы мы могли владеть письменным, устным языком, тем самым сохраняя свою культуру ... мы не ожидаем, что все овладеют им в совершенстве, но знать базовый уровень разговорного калмыцкого языка важно для любого калмыка»⁷.

Калмыцкий хурул играет важную роль не только в пределах республики, но и служит хрупким «соединительным мостиком» между российскими буддистами и их духовным лидером. Аккумулируя вокруг себя значительные человеческие ресурсы, администрация храма ежегодно организывает выезды буддистов на учения к их духовному лидеру Его Святейшеству Далай-ламе XIV в различные страны, как правило, в Индию или Ригу. Поскольку по политическим причинам руководство страны не дает визу самому Его Святейшеству Далай-ламе XIV, то для местных буддистов ценность организованных выездов сложно переоценить. Тем самым хурул как бы «воссоединяет» учеников и учителя, тибетскую традицию с российским социокультурным контекстом, локальные формы с глобальным дискурсом. Совершая паломничество по святым местам этой древнейшей религии, российские буддисты встречаются с представителями других направлений буддизма, с буддийскими философами, высокими ламами, монахами. Расширяется их восприятие буддизма от «религии по крови» до общечеловеческой, надэтнической формы мировоззрения.

⁶ История создания храма «Золотая обитель Будды Шакьямуни». URL: <http://khurul.ru/> (дата обращения 08.05.2019).

⁷ «В хуруле открываются бесплатные курсы калмыцкого языка». URL: <http://khurul.ru/?p=4488>. (дата обращения 09.09.2019)

Мы видим, что интенсивное развитие буддизма с опорой на тибетскую традицию во главе с Его Святейшеством Далай-ламой XIV не мешает одновременно поддерживать традиционную калмыцкую культуру, родной язык. По всей видимости, заявление М. С. Уланова, который полагает, что данный регион оказался оторванным от остальной части буддийского мира, нуждается в переоценке. Он пишет: «...калмыцкий центр буддизма находится в более уязвимом положении, чем южно-сибирский, который является северной периферией, “выступом” тибето-буддийской цивилизации...» [2010. С. 21]. Однако, несмотря на свою географическую удаленность от тибето-индийской цивилизации, на современном этапе Калмыкия гармонично вливается в глобальный буддийский мир, занимает солидную роль в российском буддийском сообществе.

В республике Тыва крупнейшей религиозной организацией, представляющей буддизм в регионе и образованной в 1997 г., является «Управление камбы-ламы». При ее создании принципиальной позицией было назначение верховным ламой тувинца по этническому происхождению. Задokumentированы слова одного из присутствующих на учредительном собрании Б. С. Шыырапа: «Я тувинец, живущий на тувинской земле. Пусть на тувинской земле будет преемственность камбы-лам с тувинскими корнями, из тувинского рода и семьи, и пока не появится такой человек, давайте не торопиться с выборами. Мы не можем посадить на эту должность других»⁸. Поскольку «не зная родного языка, ментальности народа, как может иностранный гражданин, управлять духовной жизнью всей Тувы»⁹. На момент избрания из всех лам, кто знал тибетский язык и учение Будды, был А. Ш. Хертек, поэтому это была единственная кандидатура¹⁰. Так выразилось стремление тувинского духовенства в превалянии этнической доминанты в процессах возрождения буддизма в регионе. В целом это отражает тенденцию «формирования бурятского, калмыцкого, тувинского буддизма как национальных, относительно автономных культурных форм» [Лепехов, 2003. С. 137].

Вместе с тем тувинские монахи не дистанцируются от тибетской традиции, признают своим духовным лидером Его Святейшество Далай-ламу XIV. Так, лама Джампел Лодой уверен, что «...свет Учения передает тибетское буддийское духовенство, а реальную пользу на местах смогут принести монахи и хуураки из тех или иных регионов, например, в Монголии буддизм развивается только монгольскими ламами, в Бурятии – бурятскими ламами, в Калмыкии – калмыцкими ламами и т. д. Каждая буд-

⁸ Институт Камбы-ламы Республики Тыва: формирование и развитие. URL: <https://www.tvalobdon.com/index.php/stati/45-institut-kamby-lamy-respubliki-tyva-formirovanie-i-razvitie> (дата обращения 09.09.2019).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

дийская культура несет линию преемственности буддийского учения»¹¹. Действующий Камбо-лама Лобсанг Чамзы сам получал образование в крупнейшем монастыре Дрепунг гомане в Индии. Будучи на посту, он прилагает усилия к тому, чтобы сформировать устойчивую образовательную систему для тувинских хуураков с возможностью обучаться в крупных индийских монастырях. Социолог Ч. М.-Х. Тензин называет эту тенденцию «третьей волной» производства тувинского духовенства. Первая волна с 1991 г. имела место в Иволгинском дацане Бурятии, вторая – в монастыре «Гунзэчойнэй» в Санкт-Петербурге [Тензин, 2018].

Деятельность тувинского духовенства имеет большое значение для населения республики. Круг задач, которые решают его представители, охватывает собой практически все сферы жизнедеятельности человека и тувинского общества в целом. Обращения тувинцев к ламам за советом, благословением, помощью в решении жизненных проблем регулярны, и носят в том числе терапевтически-компенсаторный, мировоззренческий характер. Отметим, что у буддийского верховного руководства республики есть желание устанавливать и поддерживать обширные контакты с мировым буддийским сообществом, однако чувствуется нехватка ресурсов, вызванная отчасти объективными причинами – высокой степенью дотационности региона, его труднодоступностью. В целом уровень влияния остается недостаточно высоким, и тувинскому духовенству еще предстоит наращивать свой интеллектуальный, человеческий потенциал для того, чтобы стать движущей силой в поддержании религиозной духовности среди тувинцев.

Таким образом, в социокультурном пространстве России сложились три основных и независимых друг от друга буддийских центра: калмыцкий, бурятский и тувинский. Учитывая сложность, многослойность этносоциальных процессов, в данных регионах условно выделим современные модели развития буддизма как социального института. В Бурятии превалирует этноцентричная модель, во многом обусловленная националистической политикой, которую с 1992 г. проводит глава БТСП Хамбо-лама Д. Аюшеев. Хотя еще раз подчеркнем, что его позиция по вопросу «бурятского буддизма» подвергается аргументированному оспариванию экспертным сообществом, бурятской интеллигенцией, в частности, профессиональными буддологами. В Калмыкии в большей степени реализуется глобально-ориентированная модель, характеризующаяся направленностью на сотрудничество с крупными западными центрами буддизма; встраивание в широкий глобальный дискурс; позиционирование в российском пространстве как сильного игрока, способного содействовать встречам учеников с их учителем Его Святейшеством Далай-ламой XIV. Модель развития буддизма в Туве нами обозначается как регионально-ориентированная: в ней гармонично сочетаются

¹¹ Социальная модель тувинского общества. URL: <https://tuvalobdon.com/index.php/stati/dukhovenstvo/48-sotsialnaya-model-tuvinskogo-obshchestva> (дата обращения 09.09.2019).

тибетская традиция как образовательный, культурный ориентир и тувинская составляющая в системе местного иерархического духовенства. Надо сказать, что в каждой республике остро стоит вопрос с подготовкой местных квалифицированных кадров в лице монахов: и если в Бурятии есть своя Буддийская академия при Иволгинском дацане, который институционально входит в БТССР, то в Калмыкии и Туве высшее религиозное образование получить невозможно. В этой связи возрастает ценность взаимодействия с тибетской диаспорой и открытых для российских монахов дверей крупных индийских монастырей.

Список литературы / References

- Акулич М. М., Капалин А. М.** Религия как социальный институт // Вестник ЧелГУ. 2008. № 32. С. 8–15.
Akulich M. M., Kapalin A. M. *Religiya kak sotsialnyi institut* [Religion as a social institution]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, no. 32, p. 8–15. (in Russ.)
- Варнавский П.** «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 192–211.
Varnavskii P. «Natsionalnaya» religiya v kontekste globalizatsii: tradicionnyi buddizm v sovremennoi Buryatii [“National” religion in the context of globalization: traditional Buddhism in modern Buryatia]. *Anthropological Forum*. 2011, no. 14, p. 192–211. (in Russ.)
- Гидденс Э.** Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999.
Giddens A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow. Editorial URSS, 1999. (in Russ.)
- Лепехов С. Ю.** Буддийская философия и буддийская культура: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. «Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии». Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. С. 135–138.
Lepekhov S. Yu. *Buddiiskaya filosofiya i buddiiskaya kultura: istoriya i sovremennost* [Buddhist philosophy and Buddhist culture: history and modernity]. In: *Materials of the international scientific conference “Buddhism in the context of the history, ideology and culture of Central and East Asia”*, Ulan-Ude, Buryat Science Center of the SB RAS, 2003, p. 135–138. (in Russ.)
- Махачкеев А. В.** Далай-лама укажет преемника // Московский комсомолец в Бурятии. 2007. 19–26 дек. С. 23.
Mahachkeev A. V. *Dalai-lama ukazhet preemnika* [Dalai Lama will indicate successor]. *Moscow Komsomolets in Buryatia*, 2007, 19–26 december, p. 23. (in Russ.)

- Нестеркин С. П.** Социальная организация буддийского сообщества центрально-азиатского буддизма: формирование традиционной модели и ее современная трансформация // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 11–2. С. 338–342.
- Nesterkin S. P.** Sotsialnaya organizatsiya buddiiskogo soobshchestva centralno-aziatskogo buddizma: formirovanie traditsionnoi modeli i ee sovremennaya transformatsiya [The social organization of the Buddhist community of Central Asian Buddhism: the formation of the traditional model and its modern transformation]. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016, no. 11–2, p. 338–342. (in Russ.)
- Осипов Г. В.** Введение в социологическую науку / Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Наука; Вече, 2010.
- Osipov G. V.** Vvedenie v sotsiologicheskuyu nauku [Introduction to Sociological Science]. Eds. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev. Moscow, Nauka, Veche, 2010. (in Russ.)
- Островская Е. А.** Транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2010. № 4. С. 171–181.
- Ostrovskaya E. A.** Transnatsionalnye kommunikativnye seti religioznykh ideologii [Transnational communicative networks of religious ideologies]. *State, religion, church in Russia and abroad*, 2010, no. 4, p. 171–181. (in Russ.)
- Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА. 1998. 488 с.
- Sociological Encyclopedic Dictionary. Ed. by G. V. Osipov. Moscow, INFRA-M – NORMA, 1998. (in Russ.)
- Тензин Ч. М.-Х.** Буддизм в духовной жизни тувинского общества // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2018. № 3, Т. 1. С. 87–93.
- Tenzin Ch. M.-H.** Buddizm v duhovnoi zhizni tuvinskogo obshchestva [Buddhism in spiritual life of Tuvan society]. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*, 2008, no. 3, vol. 1, p. 87–93. (in Russ.)
- Урбанаева И. С.** Буддизм в сравнительном контексте: что такое аутентичный буддизм? // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2013. № 3 (11). С. 78–86.
- Urbanaeva I. S.** Buddizm v sravnitel'nom kontekste: chto takoe autentichnyi buddizm? [Buddhism in a comparative context: what is authentic Buddhism?]. *Bulletin of the Buryat Science Center of the SB RAS*, 2013, no. 3 (11), p. 78–86. (in Russ.)
- Уланов М. С.** Буддизм в социокультурном пространстве России: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2010. 55 с.

- Ulanov M. S.** Buddizm v sotsiokulturnom prostranstve Rossii: sotsialno-filosofskii analiz [Buddhism in the socio-cultural space of Russia: a socio-philosophical analysis]. Abstract of Cand. of Philos. Sci. Rostov-on-Don, Range Plus, 2010. (in Russ.)
- Янгутов Л. Е., Урбанаева И. С.** Буддизм и буддология в Бурятии // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3 (15). С. 20–41.
- Yangutov L. E., Urbanaeva I. S.** Buddizm i buddologiya v Buryatii [Buddhism and Buddology in Buryatia]. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS*, 2010, no. 3 (15), p. 171–181. (in Russ.)
- Хамбо-лама.** Мысли наедине. Выдержки из речей. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013.
- Hambo lama.** Thoughts in private. Excerpts from speeches. Ulan-Ude, NovaPrint, 2013. (in Russ.)
- Harre R.** Social Being. Oxford, Blackwell, 1979.

*Материал поступил в редколлегию
Received
23.09.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Тарбастаева Инна Семеновна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Inna S. Tarbastaeva, junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Inna-tarbastaeva@yandex.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-157-169

Проземий поэмы Парменида

Е. В. Афонасин

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предлагается детальное толкование проэмия великой поэмы Парменида. В числе изучаемых вопросов – проблема связи Парменида с орфикой (в особенности, космологии Папируса из Дервени), идентификация героя поэмы и богини, которая открывает ему истину, топография небесного путешествия героя поэмы, некоторые технические вопросы и др. В целом, мое намерение состояло в том, чтобы продемонстрировать то, как богатый культурный и литературный контекст проэмия помогает лучше понять те философские идеи, которые впервые высказал Парменид.

Ключевые слова

ранняя греческая философия, поэтическое воображение, орфика

Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях»

Для цитирования

Афонасин Е. В. Проземий поэмы Парменида // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 157–169. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-157-169

The Proem of Parmenides' Poem

E. V. Afonasin

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The paper offers a detailed interpretation of the proem of Parmenides' great Poem. The subjects discussed include the relationship Parmenides could possibly have with the Orphic movement (particularly the Derveni cosmology), the identity of the hero of the poem and the goddess that reveals him the truth, the topographic peculiarities of his heavenly travel, some technical questions, etc. In general, my intention is to demonstrate that the rich cultural and literary context of the proem decisively contributes to a clearer understanding of philosophical ideas, for the first time expressed by Parmenides.

© Афонасин Е. В., 2019

Keywords

Early Greek philosophy, poetic imagination, orphica

Acknowledgements

The research is supported by The Russian Scientific Foundation (project no. 19-18-00128 “Ancient Epistemology: the Eleatics, the Sophists and Plato in new interpretations”)

For citation

Afonasin E. V. The Proem of Parmenides' Poem. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 157–169. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-157-169

Предварительные замечания

Проэмий поэмы Парменида, еще в Античности истолковываемый аллегорически¹, может быть успешно помещен и в современный философу богатый религиозный и мифопоэтический контекст. Разумеется, само по себе это не заменит философскую интерпретацию поэмы, тем более, что об указанном контексте мы зачастую знаем меньше, чем о самом Пармениде. И все же, на пути понимания содержания поэмы, исходя из внутренних критериев, знание культурного контекста поможет, надеемся, увидеть намерения философа отчетливее или хотя бы избежать анахронизмов.

Прежде чем перейти к разбору текста проэмия, следует сделать два общих наблюдения.

Во-первых, герой поэмы (называемый «курсом», юношей, что вряд ли указывает на возраст самого Парменида во время написания поэмы) входит в состояние некой интеллектуальной медитации и «встречается» с богиней. Такое событие экстраординарно и в античной литературе описывается не часто. Типичнее различные экстатические состояния от сна до клинической смерти, как это случилось с Эром в *Государстве* Платона или же Клеонимом Афинским, персонажем диалога перипатетика Клеарха из Сол (фр. 8 Werhli).

Схожую историю о небесном путешествии души рассказывают в связи с неким сицилийским визионером Эмпедотимом, который «как-то раз

¹ Наиболее известно место из Секста Эмпирика (*Против ученых* 7.112 = В 1 DK), который, процитировав проэмий, замечает, что несущие философа кобылицы означают порывы души, путь – это философское умозрение, а ведут его по нему девы, символизирующие различные органы чувств (вращающиеся со свистом колеса – уши, стремящиеся к свету девы – глаза). Цель пути – это разум, который воплощает собой богиня Дикэ («Возмездие», или «Правда»), которая одновременно является держательницей ключей и т. д. Цицерон (*О природе богов* 1.11.28 = А 37 DK) также отмечает, что в качестве божеств Парменид выводит такие общие понятия, как Война, Раздор, Вождение и т. д. и даже обожествляет некий «огненный венец», который окружает небо. В доксографическом контексте (А 32 DK) утверждается, что Парменид (наряду с Демокритом) отождествляет с творцом космоса судьбу, возмездие и провидение.

охотился с другими в полуденный жар на некоем поле и, отставши от своих спутников, сподобился видения Плутона и Персефоны, и когда свет, который окружал богов неким кругом, распространил на него свое сияние, через него воочию узрел всю истину о душах»². Другие источники³ сообщают, что Эмпедотиму удалось рассмотреть «три портала и три пути, один – ведущий к знаку Скорпиона (именно этим путем к богам отправился Геракл), другой – проходящий по границе между Львом и Раком, а третий – расположенный как раз между Водолеем и Рыбами» (Варрон, *Фрагменты менипповых сатир*, фр. 560 Krenkel). Несколько ниже Прокл (*Комментарий к «Государству» Платона*, р. 121.24–122.11 Kroll) подводит знаменательный итог своему сообщению:

Были и будут во многих местах на земле толкователи божественных предметов, недоступных ощущениям, получивших этот дар от неких демонов и богов. Некоторые сообщали об этих видениях, находясь в теле, как это рассказывают об Эмпедотиме, некоторые же – покинув тело, как это случилось с афинянином Клеонимом. Сохранилось несколько подобных преданий. В реальной жизни мы не ухватываем сущих вещей больше, чем это нам доступно – и это не удивительно. Ведь для этого мы используем наши тела, а они материальны; поэтому лишь немногие из людей и в далеком прошлом были способны на нечто подобное, а значит, Эмпедотим уникален, равно как и Клеоним вкупе со всеми теми, о ком рассказывается как о подобного рода визионерах. Так что тех людей, которые в течение своей человеческой жизни сподобились чего-то сверхчеловеческого, было совсем мало и все они наперечет.

Разве не могли авторы этих и подобных им позднейших историй вдохновляться знаменитым образом «понимающего мужа» (εἰδότης φῶτα) проэмия поэмы Парменида – мужа, дух (θυμός) которого позволил ему пройти по «воспетому в сказаниях» (πολύφημον) пути и лицом к лицу встретиться с самой богиней (фр. 1, строки 1–3)? Воспетый в сказаниях путь, очевидно, должен был напомнить слушателям поэмы предшествующие ей эпические образцы, прежде всего Гомера и Гесиода, тогда как наделенному почти божественным статусом «понимающему» мужу, в отличие от «ничего не понимающих смертных» (βροτοὶ εἰδότες οὐδέν, фр. 5.4 Сохон [6.4 DK]), должно быть открывались самые сокровенные тайны бытия. Мне представляется, что для Парменида так выраженная им самим исходная позиция вряд

² Основной источник рассказа: Прокл, *Комментарий к «Государству» Платона*, р. 119.18 Kroll. Правда, возможно, что Эмпедотим из Сиракуз – это литературный персонаж, придуманный Гераклидом Понтийским, некое соединение известного в качестве знатока божественных явлений философа Эмпедокла и некоего Гермотима, упоминаемого еще Аристотелем (*Метафизика* 984b18, *Протреттик*, фр. 10c Ross), о котором Плутарх (*О демоне Сократа* 22, 592C) пишет как о визионере, душа которого покидала его во сне и странствовала в неведомые дали. Примечательно, что Суда приписывает Эмпедотиму рассуждение «о природе», что, конечно же, является анахронизмом.

³ Следует заметить, что все они так или иначе завязят от Гераклида Понтийского.

ли была аллегорией. Кажется, что он в нее верил, как верил впоследствии в свою боговдохновенность другой италийский философ Эмпедокл.

Во-вторых, проэгий предвдваряет основную часть поэмы, представляющую собой речь божества, в которой раскрывается знание о мире, доступное лишь немногим. Лексически и композиционно она выглядит как откровение, данное божественным учителем ученику. Из позднейших аналогов в голову прежде всего приходят трактаты Герметического корпуса, например, знаменитый *Поймандр*, или гностические откровения, вроде *Апокрифа Иоанна*. Аналогичным образом выглядели и античные оракулы, от архаических образцов, известных благодаря археологическим находкам и в виде цитат в литературных произведениях, до таких монументальных сочинений, как *Оракулы Сивиллы*. Во всех случаях эти строки гекзаметром представлялись как прямой ответ божества на заданный ему или ей вопрос. Но особенно знакомой эта картина кажется изучающему орфическую литературу, которая, что важно в нашем случае, включает в себя как сравнительно поздние образцы (вроде тех теогоний, что вдохновляли неоплатоников), так и сравнительно ранние, такие как теогония Папируса из Дервени, которая вполне может восходить к 500 г. до н. э., т. е. быть современной самому Пармениду. И, что еще более важно, как великий Ум первого трактата Герметического корпуса и неведомая постоянно меняющая свой облик фигура, явившаяся Иоанну в гностическом *Апокрифе*, так же Ночь орфической теогонии открывает посвященному тайну «тьмы и света» и «единого и многого».

Это не означает, конечно, что истоки философии Парменида следует непременно усматривать в орфических теогониях, тем не менее параллели интересны. Действительно, согласно тем фрагментам теогонии, которые разбирает автор Папируса из Дервени, сотворившее мир великое божество, о котором сказано: «Зевс – глава, Зевс – середина, из Зевса все сделано (τέτ[υκται])» (кол. XVII), «когда принял от своего отца и предсказанную власть, и силу в руках, и славного даймона» (кол. VIII), должно было обеспечить многообразие мира, «ведь в противном случае все (элементы), обладающие той же способностью (δύναμιν), что и те (элементы), из которых состоит солнце, слились бы в единую массу (ἀλέα)» (кол. XXV)⁴. Однако как ему удалось все это осуществить? Оказывается, как поясняет комментатор, Ночь, именуемая «кормилицей» (τροφός), «соединяет охлаждая» все то, что солнце «разъединяет нагревая» (кол. X):

⁴ Комментатор так поясняет этот процесс: «Понимая, что огонь, будучи смешан с остальными (частицами), разрыхляет (ταράσσει) сущие вещи (τὰ ὄντα) и не позволяет им соединяться из-за жара, он (Зевс = воздух) удаляет (ἐξάλλασσει) его на такое расстояние, что, будучи удален, он уже не может мешать сущим (вещам) уплотняться (συνπλαυῖναι). Ведь все, что возгорелось, охвачено (ἐπικρατεῖται, букв. управляется) (огнем), а будучи охваченным, смешивается с другими вещами» (кол. IX).

Из тайного святилища (ἐξ ἁ[δύτοιο)... она (Ночь) «изрекает оракулы», полагая, что глубина ночи «незакатная» (ἄδυτον); ведь она не заходит (δύνει), подобно дню (τὸ φῶς): дневной свет скрадывает (катаλαμβάνει) ее, она же остается неизменной... «Она предсказала все, что ему позволено совершить» (кол. XI).

Иначе говоря, ночь не является противоположностью света: свет возникает из ночи и, угасая, снова погружается в ночь, в результате чего разогретье солнцем и разогнанные во все стороны элементы вновь охлаждаются ночной тьмой и сливаются воедино. Разве подобные рассуждения не напоминают нам главную философскую проблему Парменида, пусть и высказанную в мифологической форме?

Кроме того, являясь первоосновой космогонического процесса (даже Уран называется в кол. XIV ее сыном), богиня Ночи также обладает, согласно орфическому автору, силою прорицания: именно она предрекает все, что должно произойти, и Зевс выполняет все то, что ею предсказано. Разве не следует отсюда, что именно богине подобного рода уместнее всего было бы открывать тайны мироздания тем, кто в силах их постичь?

Текст и перевод ⁵

Фр. 1 Сохон (B 1 DK) ⁶

ἴπλοι, ταί με φέρουσιν, ὅσον τ' ἐπὶ θυμὸς ἰκάνοι
πέμπων, ἐπεὶ μ' ἐς ὄδον βῆσαν πολύφημον ἄγουσαι
δαίμονος, ἢ κατὰ πάντ' ἄ<v>τη<v>⁷ φέρει εἰδότα φῶτα·
τῇ φερόμην, τῇ γάρ με πολύφραστοι φέρον ἴπλοι
5 ἄρμα τιταίνουσαι, κοῦραι δ' ὄδον ἠγεμόνευον.

(1–5) Кобылицы, что несут меня, куда бы не стремился мой дух, сразу же подхватили меня и направили по воспетому в сказаниях ⁸ божественному ⁹

⁵ Текст приводится по изданию А. Коксона [Сохон, 2009] (далее – Сохон), с учетом классического собрания Г. Дильса и В. Кранца [Diels, Kranz, 1951–1952] (далее – DK) и других современных изданий (см. библиографию). В сносках указывается несколько значимых различий. На русский язык поэму Парменида переводили М. Л. Гаспаров и А. В. Лебедев.

⁶ Источники фрагмента: Секст Эмпирик, *Против ученых* (*Adv. Math.* 7.111, et al.), Симпликий, Комментарий к *О небе* Аристотеля (*in Cael.*, p. 557.25–558.2, et al.).

⁷ DK и др. ἄστη.

⁸ Метафора гомеровская.

⁹ Букв. «даймоническому». Возможно, это просто указание на природу пути, который, как мы читаем ниже (строка 27), «удален от людских троп», или же это указание на ту богиню, с которой предстоит встретиться философу. Вальтер Буркерт [Burkert, 1969. S. 7] проницательно заметил, что последняя идентификация совершенно не обязательна, так как по «воспетому в сказаниях» пути на колеснице, ведомой девами-гелиадами, может путешествовать само Солнце (Гелиос), утром поднимаясь через описываемые ниже врата «дома ночи», а вечером снова проходя через них в своем круговом движении по небу.

пути, что проводит повсюду понимающего мужа ¹⁰, и позволяет ему встретиться с богиней ¹¹. По нему я продвигался, – ведь туда влекли меня славные кобылицы, – натягивая [поводья] колесницы, а девы вели меня по этому пути (рис. 1).

ἄξων δ' ἐν χροίῃσιν ἴ<ει> σύριγγος ἀυτήν
 αἰθόμενος, δοιοῖς γὰρ ἐπείγεται δινωτοῖσιν
 κύκλοις ἀμφοτέρωθεν, ὅτε σπερχοῖατο πέμπειν
 ἠλιάδες κοῦραι, προλιποῦσαι δώματα νυκτός<, >¹²
 10 ἐς ¹³ φάος, ὡσάμεναι κράτων ἄπο χερσὶ καλύπτρας.

(6–10) Ось в ступице свистела [пронзительно] как сиринга ¹⁴ и сверкала ¹⁵, приводимая в движение двумя колесами, что вращались с обеих сторон [колесницы], – так спешили доставить меня девы-гелиады, оставив позади чертоги ночи ради света и откинув руками назад с голов покрывала ¹⁶.

¹⁰ Выражение εἰδότα φῶτα («понимающего мужа») может быть противопоставлено βροτοῖ εἰδότες οὐδέν («ничего не понимающих смертных»), которое встречается в фр. 5.4 Сохон (6.4 DK) Парменида. Контекст высказывания и терминология, типичная для религиозных посвячительных культов (вроде орфизма), строго отделяющих тех, кому дано понять, от остальных «смертных».

¹¹ ἄ<v>τη<v> букв. «лицом к лицу». Попытки прочитать эту фразу на свой лад предпринимали многие авторы. Не будем на этом останавливаться. Если вместо ἄ<v>τη<v> принять конъектуру ἄστη, предложенную еще Дильсом, получим: «... что проводит через все города понимающего мужа». Примечательно, что это ошибочное чтение рукописи нашло случайное археологическое подтверждение. Одна из орфических золотых табличек (С, из Фурий) содержит странную фразу: ΗΛΙΕΠΥΡΑΝΠΑΝΤΑΑΣΤΗ, то есть «Гелиос огонь ведь все города», что должно быть указывает на ежедневный путь Солнца надо всеми городами. Так что эта «классическая» конъектура не такая уж и бессмысленная, особенно если предположить, что герой поэмы путешествует вместе с Гелиосом на его огненной колеснице, и, конечно же, его путь лежит далеко от «людских троп», как отмечается в строке 27 проэпия.

¹² Mansfeld, Burkert и др. исключают запятую, присутствующую у Дильса и некоторых современных издателей.

¹³ εἰς в рукописях.

¹⁴ Продольная тростниковая флейта, свирель. Аналогия между осью и свирелью (которая встречается и у трагиков, например: Эсхил, *Просительницы* 181) может быть навеяна не только характерным звуком, который издает втулка колеса, трущаяся об ось, но и визуальным сходством оси с трубкой. Возможно, это также указывает на то, что оси колесницы были полыми.

¹⁵ Возможно, как отмечают все комментаторы, «раскалилась добела, горела» по причине чрезвычайно быстрого бега. Не забываем, что колесница, ведомая дочерьми Гелиоса, представляет собой очевидный солярный символ, и поэтому просто обязана «светиться».

¹⁶ Если, вслед за Дильсом, вставить запятую после слова «ночь», то фраза будет указывать на то, что девы-гелиады, «оставив позади чертоги ночи», стремились «доставить» (πέμπειν) колесницу «к свету» (ἐς φάος), т. е. представлять собой описание рассвета (так как, очевидно, гелиады не преступают пределов дня и сами не заходят в царство ночи). Если же, вслед за Я. Мансфельдом [Mansfeld, 1964. S. 238] и В. Буркертом [Burkert, 1969. S. 7–9] исключить эту запятую, то ἐς φάος будет уже согласовываться с προλιποῦσαι, а перевод этого места: «...а девы-гелиады [дочери Гелиоса] спешили доставить меня, ранее оставив чертоги

Рис. 1. Четыре кобылицы и колесница Гелиоса, «восходящего» на небосклон из волн Океана (вверху: фронтоны Парфенона, внизу: скульптуры из Музея Акрополя, Афины). Эта крайняя левая скульптурная группа восточного фронтона Парфенона справа на том же фронтоне дополняется скульптурным изображением Селены (Луны) и ее колесницы, исчезающей за горизонтом

ἔνθα πύλαι νυκτός τε καὶ ἡματός εἰσι κελεύθων,
καὶ σφας ὑπέρθυρον ἀμφὶς ἔχει καὶ λάινος οὐδός·
αὐταὶ δ' αἰθήρῃαι πλῆνται μεγάλοισι θυρέτροις·
τῶν δὲ δίκη πολύποινος ἔχει κληίδας ἀμοιβούς.

(11–14) Здесь стоят врата, между которыми ночь сближается с днем ¹⁷, скрепленные сверху и внизу притолокой и каменным порогом. Расположенные в эфире ¹⁸, они плотно прилегают к огромным дверям, двойные ключи ¹⁹ от которых держит в руках многотрудное возмездие ²⁰ (рис. 2).

15 τὴν δὴ παρφέμεναι κοῦραι μαλακοῖσι λόγοισι
πεῖσαν ἐπιφραδέως, ὥς σφιν βαλανωτὸν ὄχηα
ἀπτερέως ὥσειε πυλέων ἄπο· ταὶ δὲ θυρέτρων
χάσμ' ἄχανές ποιήσαν ἀναπτάμεναι πολυχάλκου

ночи и направляясь к свету...» существенно изменит топографию путешествия. Получится, что описываемый участок пути представляет собой не восхождение от тьмы к свету, а, напротив, послеполуденное нисхождение в сторону заката, где, за вратами, которые отделяют день от ночи, поэтa встречает богиня. Иначе говоря, основная идея фразы в том, что они спешили настолько, что ось колесницы раскалилась добела. Эта вторая интерпретация предпочтительна еще и потому, что из строк 3–5 очевидно, что колесница до этого какое-то время продвигалась по своему пути, а, значит, это не может быть описанием рассвета.

¹⁷ Почти дословная цитата из *Одиссеи* (10.86). Образ становится понятным, если учесть тот факт, что несколькими строками ранее (ст. 82) Гомер упоминает «многовратный град лестригонов». Врата как граница, отделяющая мир тьмы от мира света, – это очень распространенный образ, как в мифологической, так и, впоследствии, в философской традициях, как, впрочем, и упоминаемое несколькими строками ниже божество, которое держит ключи от этих врат.

¹⁸ αὐταὶ δ' αἰθήρῃαι. Возможно, просто «высоко в воздухе», или «в небе».

¹⁹ κληίδας ἀμοιβούς. ἀμοιβός может означать как «приходящий на смену», так и «даваемый в обмен, в виде возмещения», что получает дополнительный смысл ввиду того, что ключи эти держит «многотрудное возмездие». Коксон [Сохон, 2009. Р. 279] полагает, что в этой фразе ἀμοιβούς, управляющее местоимением τῶν (т. е. πυλών), должно указывать на то обстоятельство, что эти двойные распашные врата открываются поочередно, сначала одна створа, затем другая (на что и указывает ἀμοιβάδον, «поочередно» пятью строками ниже), и для того, чтобы освободить замок с каждой стороны, требуется свой ключ.

²⁰ δίκη πολύποινος. Возможно, с более негативным оттенком: «губительное» или «часто карающее» возмездие. У Гомера небесные врата охраняют Горы (*Илиада* 8.393–395 и др.), одной из которых, согласно Гесиоду (*Теогония* 901–902), была Дикэ. Другими Горами были Евномия («благозаконие») и Эйрена («мир» как противоположность войне), а вместе они – дочери Зевса и Фемиды («права») (рис. 4), упоминаемой ниже в строке 28 проэпия. Удивительная параллель: высказывание Гераклита (фр. 3 и 94 DK), полностью сохранившееся в орфическом Папирусе из Дервени. В Кол. III Папируса говорится, что Дикэ наказывает «пропавших людей» при помощи эриний, а затем, в следующей колонке, цитируется Гераклит, утверждающий, что «Солнце по природе не шире человеческой ступни, не преступая по ширине собственные пределы. Если же нет, эринии, союзницы Дикэ, это обнаружат и накажут, дабы не преступало». Ночь же, если верить Орфическому гимну Ночи, – это Киприда (строка 2), именуемая также «хозяйкой колесницы», «погоняющей кобылиц».

Рис. 2. Врата (Портара) храма Аполлона на о. Наксос (ок. 500 г. до н. э.)

ἄξονας ἐν σύριγξιν ἀμοιβαδὸν εἰλίξασαι
 20 γόμφοις καὶ περόνησιν ἀρηρότε· τῇ ῥα δι' αὐτέων
 ἰθὺς ἔχον κοῦραι κατ' ἀμαξιτὸν ἄρμα καὶ ἵππους.

(15–21) Уговорив его нежными речами, девы ловко упростили ненадолго отодвинуть перед ними укрепленный болтами засов на дверях; распахнувшись, створы освободили дверной проем, сами поочередно повернувшись на прикрепленных к ним штифтами и гвоздями блестящих медью штырях, вставленных в пазы ²¹ (рис. 3). Прямоком через них направили девы колесницу и кобылиц по торной дороге.

²¹ В микенский и архаический периоды двери не навешивались на петли, но устанавливались при помощи стержней, выступающих сверху и снизу и вставляемых в пазы в притолоке и пороге дверной рамы, что позволяло дверям (обычно, двойным) открываться и закрываться. Эти штыри чаще всего располагались с внутренней стороны двери и были деревянными или усиленными медными пластинами (особенно нижний, принимающий на себя всю тяжесть двери). Закрывались двери при помощи засовов, проходящих через скобы на внутренней стороне двери, как горизонтальных, располагавшихся поперек обеих створок, так и вертикальных, уходящих в специальное углубление в пороге и фиксирующих створки снизу (см. рис. 3). Снаружи засов мог закрываться стропой, проходящей через отверстие в двери, а открываться ключом в виде изогнутого металлического прута или бруска, просовываемого

Рис. 3. Распашные ворота в Микенах. На изображении хорошо виден способ их крепления, а также расположение двух засовов, поперечного, который, очевидно, запирает обе створки одновременно, и двух вертикальных, фиксирующих створки снизу

καί με θεὰ πρόφρων ὑπεδέξατο, χεῖρα δὲ χεῖρί
δεξιτερὴν ἔλεν, ὡδε δ' ἔπος φάτο καί με προσηύδα·

(22–23) Богиня ²² встретила меня благосклонно и, взяв мою правую руку в свою, такую речь повела, обращаясь ко мне:

через другое отверстие, которое располагалось напротив специального желоба или выреза в засове. Впоследствии этот механизм усложнялся и ворота могли открываться несколькими ключами, однако привычный нам ключ, вращающийся в замочной скважине, не был изобретен до римского периода. Подробнее об этом см.: [Adkins L., Adkins R., 2005. P. 251–252].

Зачем Парменид столь подробно описывает ворота? Heimpel [1986. P. 133–140] приводит целый ряд шумерских, аккадских и вавилонских космогонических текстов, в которых солярные божества открывают врата, закрытые на засовы, при помощи ключей. Эта отдаленная параллель тем не менее показывает, что данный феномен типичен для мифопоэтической литературы. О возможных вавилонских элементах в проэмии специальную статью написал L. Steele [2002].

²² Личность этого божества остается невыясненной. В качестве вариантов предлагались Гемера (богиня дневного света), Пейто (богиня убеждения), персонификация эфира, муза поэта, Мнемозина, Персефона и др. Популярное еще со времен Античности отождествление ее с богиней возмездия (Дикэ) не может быть правильным, так как персонифицированное «возмездие» лишь отпирает ворота, за которыми философа встречает богиня, а несколько ниже сама богиня о «возмездии» и «праве» (Фемиде) говорит в третьем лице. Коксон (с. 281) отмечает, что это может быть Геката, которую Гесиод также описывает как «благосклонно его принявшую» (*Теогония* 419). Кроме того, в посвященном ей орфическом гимне Геката описывается как богиня, держащая в руках ключи мира (κλειδοῦχος, ключница, *Нутн.* 1.6),

Рис. 4. Горы (дочери Зевса и Фемиды). Музей Акрополя, Афины

ὦ κοῦρ' ἀθανάτοισι συνάορος ἠνιόχοισιν,
 25 ἴπποις θ',²³ αἶ σε φέρουσιν, ἰκάνων ἡμέτερον δῶ
 χαῖρ', ἐπεὶ οὐ τι²⁴ σε μοῖρα κακῆ προὔπεμπε νέεσθαι
 τήνδ' ὁδόν, ἧ γὰρ ἀπ' ἀνθρώπων ἐκτὸς πάτου ἐστίν,

и посредница между мирами (особенно в *Гомеровском гимне к Деметре*, где она помогает Деметре отыскать ее дочь Персефону, похищенную Аидом). На скульптурных изображениях Геката также представлена с ключом или факелом. Однако все эти атрибуты делают Гекату скорее хранительницей врат, нежели самой богиней, которая, скорее всего, должна быть каким-то древним божеством, способным открыть тайны мироздания. Пальмер [Palmer, 2009. P. 58 sq.] считает, что искомой богиней может быть сама Ночь – одно из древнейших божеств греческой теогонии. Подробнее об этом см. предварительные замечания к переводу.

²³ DK ταί.

²⁴ DK οὔτι.

ἀλλὰ θέμις τε δίκη τε· χρεῶ δέ σε πάντα πυθέσθαι,
 ἡμὲν ἀληθείης εὐπειθέος²⁵ ἀτρεμὲς ἦτορ
 30 ἡδὲ βροτῶν δόξας, τῆς οὐκ ἔνι πίστις ἀληθῆς.
 ἀλλ' ἔμπης καὶ ταῦτα μαθήσεται ὡς τὰ δοκεῦντα²⁶
 χρῆν δοκίμως εἶναι διὰ παντὸς πάντα περῶντα²⁷.

(24–31) «О юноша, прибывший в наш дом спутник бессмертных возни-
 чих и кобылиц, что несут тебя, радуйся! Ведь не злой рок направил тебя
 в путешествие по этому пути²⁸, столь удаленному от людских троп, но пра-
 во и возмездие. Должно тебе все постичь: и неподвижное сердце²⁹ убедительной
 действительности³⁰, и мнения смертных, в отношении которых нет
 подлинной веры³¹. Тем не менее ты их тоже познаешь, и то, почему везде
 проникающие мнимости должны были [для людей] быть чем-то подлин-
 ным³²».

²⁵ Simpl.: εὐκυκλέος; Clem. Alex., Plutarch., Diog. Laert.: εὐπειθέος; Procl.: εὐφεγγέος.

²⁶ В рукописях: δοκοῦντα.

²⁷ В некоторых рукописях: περ ὄντα.

²⁸ Должно быть, богиня имеет в виду то обстоятельство, что по этому пути идут души умерших, а не живых, а значит, опыт нашего героя уникален.

²⁹ Действительность представляется живой, обладающей сердцем, которое, как и положено средоточию подлинного бытия, неподвижно.

³⁰ Слово ἀληθείη Парменид употребляет трижды в сохранившихся фрагментах (см. фр. 3.5 С [2 DK] и 8.51 С [7 DK]), и каждый раз контекст показывает, что речь идет не об истине как противоположности лжи в эпистемологическом смысле, но о действительном как противоположности мнимого [Сохон, 2009. Р. 282; Palmer, 2009. Р. 363]. Однако эпитет варьируется. Наш вариант ἀληθείης εὐπειθέος приводят Климент Александрийский (*Строматы* 5.59.6), Плутарх (*Против Колота* 1114D) и Диоген Лаэртий (9.22). Симпликий говорит об ἀληθείης εὐκυκλέος «закругленной, движущаяся по кругу» действительности. У Прокла (Комментарий к *Тимею* Платона 2.105b) читаем ἀληθείης εὐφεγγέος «лучезарная действительность».

³¹ Как и ранее, ἀληθῆς (ср. фр. 8.17, 39 С [7 DK]) означает скорее подлинность (как нечто противоположное неподлинному, ненастоящему), нежели истинность (в противоположность лжи). Человеческие представления неподлинны («никто не может узреть истины») и именно поэтому не заслуживают веры, как это отмечает до Парменида еще Ксенофан в контексте критики традиционных религиозных верований (фр. 34 и 35 DK). Убеждение приводит к вере, опыт и размышление – к знанию.

³² τὰ δοκεῦντα – это те вещи, в существование (εἶναι) которых верят люди, а δόκιμος, кроме «подлинный», означает также «испытанный, испробованный». Речь идет об основном предмете рассмотрения второй части поэмы: о том, как те предметы, в существование которых люди верят, начинают восприниматься, благодаря этой вере, действительно существующими. Коксон [Сохон, 2009. Р. 285] отмечает, что глагольная форма прошедшего времени (χρῆν) должна подчеркивать ту провиденциальную роль, которую играет в этом богиня, а значит, весь отрывок лучше всего прочитывается в религиозном контексте. Принимая встречающееся в нескольких рукописях чтение περ ὄντα (вместо περῶντα), вторую часть последней строки можно будет перевести так: «должны были бы... все же всячески существовать» (χρῆν... περ ὄντα). См. об этом: [Mourelatos, 2008. Р. xxxii].

Список литературы / References

- Adkins L., Adkins R.** Handbook of Life in Ancient Greece. New York, Facts on File, 2005.
- Burkert W.** Das Proömium des Parmenides und die Katabasis des Pythagoras. *Phronesis*, 1969, vol. 14, p. 1–30.
- Coxon A. H.** The Fragments of Parmenides: A critical text with introduction, translation, the ancient testimonia and a commentary, revised and expanded edition with new translations by Richard McKirahan. Las Vegas, Parmenides Publ., 2009.
- Diels H., Kranz W.** Die Fragmente der Vorsokratiker, 6th edn. Berlin, Weidmann, 1951–1952.
- Heimpel W.** The Sun at Night and the Doors of Heaven in Babylonian Texts. *Journal of Cuneiform Studies*, 1986, vol. 38, p. 127–51.
- Mansfeld J.** Die Offenbarung des Parmenides und die Menschliche Welt. Assen, Van Gorcum, 1964.
- Mourelatos A. P. D.** The Route of Parmenides: A Study of Word, Image, and Argument in the Fragments. New Haven, CT, and London, Yale Uni. Press; revised and expanded edition, Las Vegas, Parmenides Publ., 2008.
- Palmer J. A.** Parmenides and Presocratic Philosophy. Oxford and New York, Oxford Uni. Press, 2009.
- Steele L. D.** Mesopotamian elements in the proem of Parmenides? Correspondences between the sun-gods Helios and Shamash. *Classical Quarterly*, 2002, vol. 52, p. 583–588.

Материал поступил в редколлегию
Received
23.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Афонасин Евгений Васильевич, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Eugene V. Afonasin, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Novosibirsk State University, Chief Research Fellow of the Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

afonasin@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-170-183

Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности?

М. Н. Вольф

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Предложены содержательный анализ терминов нормативная и дескриптивная эпистемология, трактовки их содержания в современной аналитической философии (W.V.O. Quine, R. Rorty) в контексте их применения для описания античной софистической эпистемологии. Предложено обоснование применения дескриптивной эпистемологии к реалиям античной философии, а именно к софистике Горгия в рамках апроприационистской истории философии. В качестве примера рассматривается софистический поиск, который в зависимости от конечных целей оратора может быть представлен как номадический или как *логос*-навигация, а также соотносится проблема корректного понимания физических и ментальных феноменов и способов корректного указания на них у Рорти и у Горгия. Данные примеры показывают, что применение дескриптивной эпистемологии к античной философии может изменить интерпретационную парадигму софистики и существенно скорректировать взгляд на античную эпистемологию в целом.

Ключевые слова

софистика, Горгий Леонтийский, дескриптивная эпистемология, Рорти, Куайн

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ-ОГН (проект № 17-03-00360 «Дескриптивная эпистемология Горгия Леонтийского в контексте философского понимания античной софистики»)

Для цитирования

Вольф М. Н. Может ли дескриптивная эпистемология спасти Горгия от философской несостоятельности? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 170–183. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-170-183

© Вольф М. Н., 2019

Could Descriptive Epistemology Save Gorgias from Philosophical Inconsistency?

M. N. Volf

Abstract

The article offers a meaningful analysis of the terms normative and descriptive epistemology, interpretations of their content in contemporary analytic philosophy (W.V.O. Quine, R. Rorty) in the context of their application to describe the ancient sophistic epistemology. The author substantiates the application of descriptive epistemology to the realities of ancient philosophy, namely, to the sophistry of Gorgias in the framework of the appropriationist history of philosophy. As examples we consider the Sophistic inquiry, which, depending on the speaker's ultimate goals, could be presented as nomadic or as *logos*-navigation, as well as the problem of the correct understanding of physical and mental phenomena and the ways of correctly pointing them out in Rorty and Gorgias. These examples show that the application of descriptive epistemology to ancient philosophy can change the interpretation paradigm of sophistry and significantly adjust the view of ancient epistemology.

Keywords

sophistry, Gorgias of Leontini, descriptive epistemology, Rorty, Quine

Acknowledgements

The research is supported by RFBR (project no. 17-03-00360 "Descriptive epistemology of Gorgias of Leontini in the context of philosophical understanding of ancient sophistry")

For citation

Volf M. N. Could Descriptive Epistemology Save Gorgias from Philosophical Inconsistency? *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 170–183 (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-170-183

Античную философию и соответственно ее эпистемические теории, если вообще признается, что они были в Античности, принято рассматривать в контексте определенных рациональных стандартов, которые были заданы в классический период, Платоном и Аристотелем. Платон сформулировал необходимые и достаточные условия существования и познания вещей, в качестве базовых оснований для которых выступают эйдосы. В его концепции так называемой «неделимой линии» (*Rep.* VI 509d–511e) представлен принцип «восхождения к идеям», от неподлинного и ложного к истинному. Этот принцип демонстрирует как онтологические уровни существования (два вида зримых и два вида умопостигаемых сущностей) соотносятся с соответствующими познавательными способностями (фантазия, вера, дианоэтическая и ноэтическая способности). Аристотель дополняет эту концепцию понятием эпистемы, подлинного неизменного знания, и закрепляет установленные стандарты абсолютизацией роли принципа непротиворечия как главного критерия истинности. Мы здесь не ставим под сомнение корректность или некорректность такой интерпретации античной классики,

главное то, что в таком виде она вполне соответствует нормативному подходу в эпистемологии, согласно которому рациональными средствами задаются необходимые стандарты познания и демонстрируются условия их выполнения, что в целом приводит к увеличению эпистемической ценности знания – на основании соответствия стандартам все большее и большее количество убеждений и мнений переходит в разряд вечных и незыблемых истин. В принципе такая интерпретация вполне укладывается в обычные представления философов об эпистемологии как о нормативном предприятии. Однако вопросы об истине, ее происхождении и сущности нередко сопровождаются вопросами о природе мнения, вер и т. п., и именно Платон в «Меноне» формулирует подход, на основании которого посредством допущений (метода гипотез) можно показать, что обоснованное мнение может подменять собой в ряде контекстов истину, в противном случае, без такого допущения, знание, а вернее, его получение, становится невозможным [Вольф, 2011; 2013]. Несмотря на это, вопросы «какова природа наших вер (мнений)», «как у нас возникают те или иные идеи» традиционно находились в ведении психологии или в целом когнитивных наук (таких как нейрофизиология) [Duran, 1984. P. 185]. Проблема заключается в том, что, когда речь заходит об обосновании, в том числе вер или идей, мы должны предоставить решение этих вопросов эпистемологии.

В XX в. традиционная эпистемология переживает две серьезные атаки – со стороны У. В. О. Куайна и Р. Рорти; причем во втором случае это был не столько пересмотр оснований эпистемологии, сколько возражение Куайну. В качестве альтернативы нормативному подходу в эпистемологии У. Куайн формулирует принципы натурализованной эпистемологии, согласно которым на смену традиционной модели познания, отталкивающейся от принципов и оснований математики, приходит модель эпистемологии в ее психологическом облике. Можно сказать, в жесткой борьбе теории познания с эмпирической психологией¹ у Куайна победила психология.

Приведем три цитаты из Куайна, которые позволят нам оттолкнуться от них для дальнейшего уточнения наших конструкций. «Эпистемология, или нечто подобное ей, просто занимает место раздела психологии и, следовательно, естественной науки. Она исследует естественные явления, а именно физический человеческий субъект» [2000б. С. 379]. «Сознательные формы мышления имели приоритет, поскольку обоснование знания о внешнем мире осуществлялось через рациональную реконструкцию и это требовало осознания. Однако мы перестали нуждаться в осознании в тот самый момент, когда оставили все попытки обосновать знание внешнего мира при помощи рациональной реконструкции. Теперь наблюдением можно считать все, что может быть установлено в терминах стимуляции

¹ Ср.: «Что нам нужно знать о познании, чего не может нам сказать психология?» [Рорти, 1997. С. 122].

органов чувств, как бы при этом ни понималось сознание» [Там же. 2000б. С. 380]. «Истина высказывания может быть разложена на два компонента: на лингвистический компонент и фактический компонент. Фактический компонент должен, если мы являемся эмпириками, сводиться к ряду подтверждающих опытов» [Куайн, 2000а. С. 363]. Итак, знание или убеждение – это по сути конструкция, созданная человеком, и потому она существенно зависит от опыта. Однако Куайн ставит лингвистический компонент в прямую зависимость от фактического: истинностное значение высказываний, включая законы логики (которые также являются высказываниями), значительно зависит от опытных данных, что влечет переоценку некоторых высказываний на основании опыта. Куайн объясняет это следующим образом: высказывания, сформировавшие знание, логически взаимосвязаны. Если одно изменилось в силу изменившихся или противоречивых опытных условий, то должно измениться и другое (а следом – и все остальные).

Исходя из этого, натурализованная эпистемология Куайна противопоставлена классической нормативной: если нормативная придерживается определенных стандартов знания, исходит из неизменных критериев истинности, то дескриптивная показывает, как знание приобретается, а ее главный фокус будет направлен на отображение процесса получения или изменения знания. Тем самым вопрос о приобретении вер, и тем более об их обосновании становится непосредственным объектом эпистемологии. Разумеется, Куайн под натурализованной эпистемологией имел в виду нечто иное, чем то, что сейчас подразумевают сторонники дескриптивного подхода, и сам не использовал термин «дескриптивная эпистемология»; его главной задачей было утвердить тезис, что эпистемология лишилась своего старого статуса первой философии, показать отличия в методах изучения действительности в точных и естественных науках, а кроме того, показать, что эпистемология, при корректном рассмотрении ее собственных оснований как оснований наук, оказывается вполне сочетающейся с психологией, лингвистикой и другими когнитивными науками.

Р. Рорти, в свою очередь, высказывает опасения, касающиеся того, что многие рассуждения в современной ему эпистемологии посвящены вовсе не «проблеме ума» и рационального познания, а они прежде всего касаются природы чувственных данных и ее репрезентации в рациональных конструкциях (этому посвящена, например, глава «Личности без умов» [Рорти, 1997. С. 52–96]). Пытаясь, с одной стороны, защитить концепцию Куайна от критиков, а с другой стороны, попутно выставляя собственные контраргументы к его позиции [Там же. С. 134–155], Рорти приходит к выводу, что работа Куайна проясняет, почему ««объяснение природы познания» может быть, самое большое, описанием человеческого поведения»» [Там же. С. 134]. Сам же Рорти выходит на вопрос универсальных словарей, на обладание которыми претендует нормативная эпистемология и с которыми она сверяет все наши практики. По его мнению, никакого универсального

привилегированного словаря для наших дескриптивных практик не существует, он гибок и ситуативен.

Оба этих рассуждения послужили базой, от которой смогли оттолкнуться дескриптивные эпистемологи, тем более, что данный подход не просто постулировался как победа психологии, но и действительно оказался крайне тесно связан с когнитивными науками². К сторонникам такого подхода можно причислить прагматистов, натуралистов, сторонников эволюционной эпистемологии (о которых Куайн в конце своей работы пишет как о тех, кто уже реализует это направление), т. е. фактически сторонников всех тех течений, в которых не требуется описать или задать точные критерии знания, которым мы обладаем, или, иначе, не требуется объяснять, действительно ли является или нет знанием «то, чем мы обладаем». Слово «описательный» в этом контексте также не должно вводить нас в заблуждение, поскольку речь идет о практической стороне получения знания: это указание на такие действия, сопряженные с представлениями о чем-то, которые мы склонны описывать как знание и которые в процессе своего осуществления принесли бы еще больше знания о конкретном феномене, контексте и т. п., в отношении которых совершаются действия. Иными словами, у нас нет готовых критериев знания, но эти критерии создаются и уточняются в процессе его (или того, что мы считаем знанием) применения на практике. По сути, это то, что имел в виду Платон, когда обсуждал свой кейс «дорога в Ларису» в «Меноне» (*Мено* 97а–98с).

Таким образом, если принципы дескриптивной эпистемологии напрямую обращены на процесс обоснования знания, то в этом случае имеется еще одно основание, отличающее ее от нормативной. Нормативный подход подразумевает, что знание обосновано самими базовыми принципами и соответствует определенным стандартам, дескриптивный подразумевает, что обоснованием являются некоторые *процедуры* или *процесс*. Как полагают некоторые, этот процесс касается не только действий, но и вербального ответа на вызов в определенном ситуативном контексте [Duran, 1984. P. 191]. Если сторонник нормативной эпистемологии стремится установить необходимые и достаточные основания или условия для познания [Ibid. P. 188], то дескриптивному эпистемологу, как кажется, будет достаточно обнаружить условия, при которых пример эпистемического обоснования будет вполне убедительным, и фактически это влечет использование в рамках указанных эпистемических подходов двух разных типов модальностей – модальности должного и необходимого и возможного и допустимого. Предполагается также, что в дескриптивной модели обоснованиями условий и принципов познания могут служить речевые акты и высказывания, коль скоро речь идет об убедительности, а «быть убежденным аргументами» подразумевает каузальные установки – «кто-то становится убежден-

² Чем именно способны помочь друг другу когнитивистика и дескриптивная эпистемология, подробно обсуждается в статье: [Duran, 1984].

ным по причинам, приведенным в аргументах», тем самым каузальные связи, характерные для естественно-научного подхода (еще одно основание для возведения этого подхода к Куайновскому), переносятся и на лингвистический компонент. Если в качестве обоснования знания рассматривать свидетельство, то оно также оказывается сугубо речевым³.

Можно обозначить принципиальные типы действий в рамках обоих подходов. Нормативный подход дает предписания относительно человеческих действий на основании установленных рациональных стандартов, а сами действия как приемлемые или неприемлемые, правильные или неправильные сопоставляются с нормой и одно с другим, исходя из того, как *следовало* и как *не следовало* действовать. Дескриптивный подход описывает актуальные действия людей, то, как люди актуально сиюминутно действуют в заданном контексте, в том числе и особенно – в условиях неполного знания и в отсутствие предустановленных стандартов поведения, норм (морали и пр.).

Все обозначенные выше особенности двух дискурсов имеют важные следствия для теории аргументации, равно как и для риторических и коммуникативных ситуаций. Ясно, что одним из условий убеждения, как и обоснования знания, является аргументация, которая фактически служит инструментом для целей убеждения или обоснования. Соответственно, сами цели мы также можем разделить на дескриптивную и нормативную цель [Emergen et al., 2014. P. 7–13]. В рамках первой устанавливаются точка отсчета аргументации и ее направление, посредством чего задаются границы реальности, в рамках которой аргументация разворачивается. Актор в рамках дескриптивного подхода интегрирован в контекст, в котором разворачивается аргументация, и действует изнутри ситуации. Его задача, помимо задания начальной точки, – скреплять слои аргументации, делая их одним целым, устанавливать каузальные связи между ними и тем самым обеспечить слаженную структуру заданной посредством аргументации версии реальности. Нормативный подход отражает точку зрения внешнего к разворачивающейся аргументации рационального судьи, который судит разумно, поскольку не вовлечен в процесс. «Внешний судья» нормативного подхода устанавливает стандарты для оценки аргументации и ее точки отсчета, дает оценку приемлемости аргументации с позиций конкретных известных ему стандартов; он же дает внешнюю экспертную оценку установленных внутри аргументации связей, рационально оценивает следствия из нее и выносит суждение, является ли ситуация, как и вся заданная аргументами реальность, приемлемой, но не для акторов внутри системы аргументов, а для внешнего *судьи* с точки зрения соответствия заданным им стандартам. Выступая тем самым в качестве критического теоретика происходящего,

³ См. обсуждение в статье: [Duran, 1984. P. 192 ff] точки зрения Дж. Сёрля на речевые акты в контексте дескриптивного эпистемического обоснования.

он при этом претендует на универсализм и нейтральность выносимых суждений.

Несмотря на то, что сегодня два подхода к эпистемологии существуют вполне равноправно, дескриптивный подход не спешат применять к античной философии. Такой шаг шел бы вразрез с историцистской и контекстуалистской методологией, которая до сих пор наиболее распространена в историко-философском исследовании и настаивает на обращении к тому контексту, в котором создавалась та или иная доктрина (историческое время, язык, социальный и культурный бэкграунд). Именно контекст – критическое отношение Платона и Аристотеля к софистам – заставляет нас соглашаться с тем, что в философском отношении софистика несостоятельна. Нам же кажется, что апроприационистская методология, в соответствии с которой софистика может быть преломлена через призму дескриптивной эпистемологии, позволит скорректировать представления о софистике как недостаточно философичном направлении, которое до сих пор нередко понимается как условно- или квазифилософское, поскольку не соответствует нормативному взгляду на античную философию, заложенному в канон интерпретаций, который сложился не только в связи с оценками Платона и Аристотеля, но и в соответствии с принципами объективизма и универсализма, ставшими доминирующими в связи с картезианским поворотом в философии. Напомним, что апроприационизм (противопоставляемый контекстуализму как варианту историцизма) допускает включение взглядов прошлого в современный контекст и использование современного философского языка и инструментария для интерпретации авторов прошлого, возможность встраивания концепций прошлого в актуальные дискуссии, поскольку для него важно не сохранить устоявшийся канон, а показать, почему те или иные философские доктрины и содержащиеся в них проблемы все еще значимы для современного философского дискурса⁴.

Ранее мы уже обсуждали возможность интерпретации доктрины Горгия как отвечающей принципам дескриптивной эпистемологии [Вольф, 2016]. Ниже мы намерены привести ряд примеров, которые бы позволили представить философию Горгия как дескриптивную эпистемологию.

Получение и обоснование знания как процесс. Отсутствие базовых стандартов, с которыми искомое знание соотносится

Чтобы ответить на вопрос, что имеется в виду под процессуальностью получения знания в отношении софистики, нужно вспомнить, как описываются досократические (дософистические) образцы философствования.

⁴ Подробнее о двух подходах см.: [Берестов и др., 2019. С. 9–15]. Образцом хрестоматийного спора между апроприационистами и контекстуалистами в отношении интерпретаций софистики может служить спор Э. Скьяппы и Дж. Пулакоса, а также критика обоих подходов Б. Маккомиски, которые подробно обсуждались нами в работе: [Вольф, 2014. С. 26–30].

Прежде всего, они по большей части монистические – досократики согласно большинству интерпретаций, начиная с Аристотелевской, озабочены созданием монистических концепций или, иначе, поиском единственного первоначала, которое в то же время будет служить единственным принципом объяснения для всего происходящего. При этом ни наличие такого начала, ни его исходно постулируемые свойства как будто не ставятся под сомнение, и именно они и будут являться критерием для признания в качестве первоначала тех или иных объектов, проходящих через достаточно жесткий фильтр исходных условий. Соответственно, мы различили два типа поиска. Эпистемический поиск подразумевает, что мы *уже знаем* некоторые исходные условия или критерии, которые задаются рационально, умом, или *нусом*⁵. Софистический поиск, принципиально отличный от досократического, строится не на актуальном признании некоторых исходных постулатов, а опирается на допущения, что подразумевает признание неполного знания и отсутствие предустановленных стандартов, и предлагает им ряд обоснований, которые, как правило, реализуются как процесс аргументации, т. е. посредством *логоса*. Ярчайшим примером такого поиска является трактат Горгия «О не-сущем», целиком построенный на допущениях и условных конструкциях вида «если бы *x* было, то», при этом *x* принимает все возможные значения, от сущего, не-сущего, того и другого вместе. В нормативной эпистемологии мы ожидали бы однозначных заключений о том, каким образом реализуется истинное существование, и именно так построены аналогичные рассуждения элеатов, тогда как в дескриптивной эпистемологии мы в результате получаем не приращение знания о сущем или приближение его к истине, а ряд скептических затруднений, вытекающих из попытки установить «есть ли *x*», которые фактически ставят под удар и в конечном счете разрушают подход, предложенный элеатами. Иными словами, второй вид поиска реализуется как *апория*, демонстрируя, что попытки провести обоснование предложенным способом заводят в тупик и не имеют позитивных решений, первый же вид поиска, даже если он, например у Зенона, формулируется как *апория*, в итоге работает как *эупория*, иначе говоря, он показывает, при каких способах рассуждений или исходя и каких принятых условий мы не получим корректных решений, и направляет на «истинный путь», который не заканчивается тупиком, а, напротив, ведет к получению истинного, хорошо обоснованного знания⁶.

⁵ В частности, обсуждая особенности эпистемического поиска, как он реализован у Аристотеля, мы показали, что хотя поиск и предваряется вопросом «есть ли *x* и *что* оно есть?», но фактически в его задачи не входит установление бытия самого *x*. Такой поиск нацелен на установление определения, объяснения того, почему с ним происходят те или иные вещи или почему оно обладает теми или иными свойствами. Установление того, что «*x* есть», происходит каким-то иным способом, и в поиск включается в уже готовом виде [Вольф, 2012. С. 174–183].

⁶ Подробнее об *апории* и *эупории* как способах получения знания на примере «Парменида» Платона см.: [Scolnikov, 2003. P. 8–9].

Софистический поиск можно обозначить как номадический или как *логос-навигацию*. Первый способ иллюстрируется через процесс кочевания от стоянки к стоянке, где каждая стоянка характеризуется как специфический для данного сообщества «концептуальный каркас», несоизмеримый с любым другим. Это подразумевает, что даже принятые в одном сообществе в рамках одного концептуального каркаса стандарты не будут или не смогут служить тем же образом в любом другом сообществе (в качестве примера среди софистов уже Протагор указывает на различие законов в каждом полисе и государстве). Задача ратора / софиста в этих условиях подобрать такой вокабуляр, такой стиль и способ аргументирования, который бы позволил тому сообществу, в котором софист оказался, услышать и принять его аргументы или как минимум его способ их доведения. *Логос-навигация* заключается в лавировании между различными стилями и «разговорами», способности самого оратора переключаться с одного словаря на другой, управлять процессом аргументации, отслеживая реакцию аудитории, выводя весь дискурс в тот «порт», в который необходимо привести строй аргументов ему самому. Ясно, что эти процессы разнятся по целям: номадизм – ориентирование на целевую аудиторию, навигация – достижение собственных целей софиста. В отношении целей речь также оказывается направлена не на конкретное знание, его уточнение или упрочение или донесение, а, что особенно видно на примере жанра речей «на заказ», в котором сам Горгий был непревзойденным мастером, на любое «случайное» знание- «стойбище», которое оказывается в поле зрения. Это позволяет заключить, что конечный интерес софиста – в самом логосе, в том, как именно он функционирует, а не в том, что с его помощью требуется выразить одну и только одну заранее предустановленную истину. Этот момент Горгий так же предельно ясно отразил в «Похвале Елене».

Акцент на логос и его функционирование подразумевает еще одну особенность процессуального софистического дискурса – нечеткость онтологии. Если сторонники эпистемического поиска заранее придерживаются определенных постулатов относительно существующих объектов в собственной предустановленной картине мира иерархии, то для софистического поиска исходная онтология не важна, она размыта и определяется в рамках актуального рассуждения, задающего реальность. Единственный устойчивый элемент такой конструкции – это исходный тезис, на сохранение которого направлены все усилия. Фактически любые речи Горгия иллюстрируют такую нечеткость онтологии и размытость стандартов (похвала Елене, которая является для любого грека образцом нечестия; защита Паламеда, который бесспорный предатель для любого, кто воспитан в контексте гомеровской культуры; обоснование космополитизма, который нереализуем в рамках характерного для Древней Греции политического устройства, и т. д.). Такого рода примеры можно предложить для любого

софиста. Они очень хорошо показывают, что нет никакого универсального контекста, никаких базовых фундаментальных принципов (с единственной возможной оговоркой – логос и его принципы функционирования). Любой софистический поиск реализуется в ситуативном многослойном контексте, где все слои могут быть подчинены достижению конкретной цели оратора. В таком случае либо формируется эффект получения знания или повышения его истинности, т. е. создавая иллюзию знания, но этот эффект будет действовать только совокупно с эффектом присутствия (внешний наблюдатель, не вовлеченный в дискурс, достаточно быстро обнаружит те или иные несоответствия каким-либо «стандартам»), либо все рассуждение выводит в скептические тупики, разрушая иллюзию знания.

Принципиальный психологизм эпистемологии Горгия

В главе «Личности без умов», подготавливая почву для критики позиции Куайна, Р. Рорти описывает неких неземных существ, антиподов, которые не знали, что у них есть умы, поэтому были не в состоянии отличить ментальные состояния от чувственных, и при этом их наука была крайне продвинута в описании и фиксировании неврологических состояний [Рорти, 1997. С. 52–96]. Иными словами, когда землянин говорит, «я чувствую боль», антипод заявлял, что у него стимулируется нервное волокно С-145, а в случае ситуации «я вижу цвет индиго», они говорили «у меня есть нервное состояние С-692». Проблема во взаимопонимании землян и антиподов заключалась в том, совпадает ли феноменальный опыт этих двух рас, действительно ли антиподы испытывают при стимуляции нервных волокон какие-то чувства, это те же самые чувства, как и у землян, или какие-то другие, отличаются или тождественны ощущения «я вижу цвет индиго» и «я чувствую возбуждение С-п пучка», это два разных нервных состояния или одно, два референта под двумя разными описаниями или один и т. д. По сути, за этим фантастическим описанием у Рорти кроется проблема корректного понимания физических и ментальных феноменов и способов корректного указания на них и соотнесения их посредством разных высказываний и проблема описания одной и той же вещи двумя различными способами [Там же. С. 52–57]. Для нашего исследования важно то, что в явном виде эту проблему поставил Горгий во второй и третьей частях трактата «О природе», правда, зашел к формулировке этой проблемы с другой стороны, по сути, отождествляя чувственные и ментальные состояния (Горгий рассуждает о τὰ φρονούμενα, что можно собирательно перевести как ментальные состояния, поскольку это одновременно и мыслимое, и ощущаемое, чувствуемое) [Вольф, 2014. С. 148–150, 160–187, 235–238]. Горгий показывает, что у человеческих существ есть одно заблуждение – они полагают, что их ощущения взаимозаменяемы или взаимодополнительны, иначе го-

воря, если человек видит какой-то объект и при этом слышит звук от объекта, то он полагает, что его знание об объекте более полное и более истинное (видеть оркестр и слышать оркестр). В действительности, у нас нет критерия определить степень корреляции между данными ощущениями, а также какое из ощущений дает нам истину, поскольку то, что слышится, не может быть увидено, и наоборот (мало кто, только следя за руками музыкантов, способен реконструировать звучащую в этот момент музыку при выключенном звуке, равно, только слыша музыку, способен воспроизвести действия каждого из музыкантов). Из этого заблуждения есть одно странное следствие: иллюзию взаимодополнительности феноменального опыта от физических феноменов люди переносят на ментальный опыт и полагают, что теперь услышанный или увиденный каким-либо образом объект может мыслиться. В действительности, полагает Горгий, нет никакой корреляции между слышимым и видимым (говоря языком антиподов Рорти, в этот момент стимулируются разные нервные волокна), и уж тем более не будет корреляции между чувственными и ментальными состояниями. По сути, когда антиподы приходят в замешательство от вопросов землян, они подозревают, что за этими вопросами кроется некоторая категориальная ошибка: «[К]огда их спрашивали, не является ли им их нервное состояние в виде индиго [т. е. стимуляция нервного волокна C-692; в горгиевском рассуждении мы вправе подставить сюда как восприятие звука, которым каждый раз сопровождается просмотр феномена *индиго*, так и ментальное состояние “я знаю, что я сейчас вижу цвет”. – М. В.], они отвечали, что определенно это не так – *свет* был цвета индиго – и что вопрос содержал, должно быть, некоторого рода категориальную ошибку» [Рорти, 1997. С. 56]. Так вот, впервые на эту категориальную ошибку обратил внимание Горгий.

Третья часть трактата Горгия целиком посвящена вопросу коммуникации и передачи знания между субъектами. Рорти для ясности иллюстрирует проблему согласования ментальных и физических состояний посредством попыток согласования представлений землян и антиподов, Горгий же показывает, что не нужно быть инопланетянином, чтобы не понимать другого субъекта, поскольку проблема в передаче какого-либо опыта напрямую связана с той самой категориальной ошибкой: изначальным допущением взаимозаменяемости нашего чувственного опыта и возможности его перевода в ментальные состояния. Условно говоря, некто *видит* как искажается лицо другого и *слышит*, как он кричит, и *думает*, что тот *чувствует* боль, поскольку *знает* сам, что такое боль. Теперь перенесем то же самое действие в кинотеатр: некто смотрит на экран и видит, что у актера искажается лицо и т.д. Это ситуация примерно соответствует ситуации с антиподами: «кажется, что ему кажется, что ему больно (состояние стимуляции пучка T-435, ответственного за состояние «кажется, что мои C-145-волокна стимулируются» ≈ иначе бы он не сыграл так натуралистично)». Иначе говоря,

есть определенная проблема с тем, можем ли мы корректно различить объективные состояния и субъективные представления, и у Горгия эта проблема усложняется еще и тем, что он полагает, что эта проблема приложима не только к субъектам, действующим в разных концептуальных каркасах (антиподы и земляне, которые не имеют аналогов в описании «одних и тех же» феноменов, как, например, боль и нервная стимуляция волокон С-п), но она также корректна в отношении одного и того же субъекта – человек воспринимает по-разному теперь и прежде. Другими словами, боль, испытываемая «теперь» – это совершенно иное состояние, чем боль, испытанная «прежде», и по переживаниям, и по интенсивности, и тем более, по ее описанию – вряд ли человек, никогда не испытывавший боли, сможет понять, что это такое только на основании сообщений о боли от другого субъекта. Но проблема у Горгия глубже: он в принципе запрещает иметь тождественные ментальные состояния как у разных субъектов, так и у одного и того же субъекта, просто ссылаясь на закон противоречия: одна и та же вещь не может быть представлена в разных людях в одном и том же состоянии, в противном случае это повлекло бы либо нарушение закона противоречия, либо тождество субъектов восприятия. Аналогичная ситуация с одним и тем же человеком: по той же самой причине он должен воспринимать одни и те же объекты по-разному в зависимости от времени (прежде и теперь) и в зависимости от того, какой способ восприятия (зрение, слух и т. д.) он использует. Таким образом, подводя итог сказанному, хорошо видно, что проблема ментальных состояний и феноменальных свойств, а также различения референтов выражений (у Горгия – проблема логоса как еще одной, несоизмеримой с другими способности восприятия или отражения действительности), решаемая в современной (в том числе прагматистской) эпистемологии Рорти и Куайном, поставлена в качестве серьезного скептического затруднения именно в софистической программе и связана в первую очередь с отсутствием универсальных критериев и общих оснований. Как кажется, в нормативной программе этих затруднений не существовало бы в силу постулирования какого-либо универсального фундаментального базиса для любых концептуальных схем и отсутствия проблемы их несоизмеримости, которая свойственна именно для прагматистского дискурса.

Мы рассмотрели только два аспекта, в рамках которых мы могли бы охарактеризовать софистический способ познания действительности как соответствующий дескриптивной эпистемологии. Важное место в нем занимает также проблема, относящаяся к методу гипотез, поиска по допущениям и связанного с этим подхода к пониманию принципа непротиворечия, которая в силу своей обширности, требует отдельного рассмотрения, в том числе и потому, что сами сторонники античной нормативной программы, включая Платона, активно используют противоречия как познавательный принцип, прибегая к апориям, парадоксам, проблемам, и зачастую наличие

парадокса в тексте или апорийное (апоретическое) рассуждение вызывает у историков философии и философов недоумение, связанное с тем, как интерпретировать такие пассажи. Но уже из сказанного – как из обсуждения общей стилистики софистического философствования, так и из разбора одной частной проблемы – видно, что те проблемы, которые ставятся в софистической философии, отнюдь не являются квазифилософскими, и возврат к ним в XX в. в рамках дескриптивной (натурализованной) эпистемологии порождает весьма обширные и трудные дискуссии, свидетельствуя об их философской состоятельности и актуальности.

Список литературы / References

- Берестов И. В., Вольф М. Н., Доманов О. А.** Аналитическая история философии: методы и исследования. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019.
Berestov I. V., Volf M. N., Domanov O. A. Analiticheskaya istoriya filosofii: metody i issledovaniya [Analytic history of philosophy: methods and essays]. Novosibirsk, Ofset TM, 2019. (in Russ).
- Вольф М. Н.** «Менон» и парадокс поиска: интерпретации метода познания // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, № 3. С. 53–60.
Volf M. N. «Menon» i paradoks poiska: interpretatsii metoda poznaniya [“Meno” and the paradox of inquiry: interpretation of the method of cognition]. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 2013, vol. 14, no. 3, p. 53–60. (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 269–280.
Volf M. N. Gorgii Leontiiskii i antichnaya model' deskriptivnoi epistemologii [Gorgias of Leontini and Ancient Greek model of descriptive epistemology]. *Tomsk State University Journal. Philosophy, Sociology and Political Science*, 2016, no. 2 (34). P. 269–280 (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. Новосибирск, 2014.
Volf M. N. Sofistika. Gorgii Leontiiskii: traktat “O ne-sushhem, ili O prirode” v sovremennyh interpretatsiyah [Sophistry. Gorgias of Leontini: a treatise “On non-being, or On nature” in contemporary interpretations]. 2014, (in Russ.)
- Вольф М. Н.** Философский поиск: Гераклит и Парменид. СПб.: Изд-во РХГА, 2012.
Volf M. N. Filosofskii poisk: Geraklit i Parmenid [Philosophical Inquiry: Heraclitus and Parmenides]. St. Petersburg, RSHA Publ., 2012. (in Russ.)

- Вольф М. Н.** Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 146–159.
- Volf M. N.** Epistemicheskii poisk v dialoge Platona «Menon» [Epistemic inquiry in Plato's dialogue "Menon"]. *Tomsk State University Journal. Philosophy, Sociology and Political Science*, 2011, no. 4 (16), p. 146–159. (in Russ.)
- Куайн У. В. О.** Две догмы эмпиризма // Куайн У. В. О. Слово и объект: Пер. с англ. М.: Логос, Праксис, 2000а. С. 342–367.
- Quine W. V. O.** Dve dogmy empirizma [Two dogmas of empiricism]. In: Slovo i obyekt [Word and Object]. Moscow, Logos, Praxis Publ., 2000a, p. 342–367. (in Russ.)
- Куайн У. В. О.** Натурализованная эпистемология // Куайн У. В. О. Слово и объект: Пер. с англ. М.: Логос, Праксис, 2000б. С. 368–385.
- Quine W. V. O.** Naturalizovannaya epistemologiya [Epistemology naturalized]. In: Slovo i obyekt [Word and Object]. Moscow, Logos, Praxis, 2000b, p. 368–385. (in Russ.)
- Рорти Р.** Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск, 1997.
- Rorty R.** Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]. Novosibirsk, 1997. (in Russ.)
- Duran J.** Descriptive epistemology. *Metaphilosophy*, 1984, vol. 15, no. 3–4, p. 185–195.
- Eemeren van F. H., Garssen B., Krabbe E. C. W. et al.** Handbook of Argumentation Theory. New York, London, Springer, 2014.
- Scolnikov S.** Plato's *Parmenides*. Berkeley, Los Angeles, London, Uni. of California Press, 2003.

Материал поступил в редколлегию

Received
23.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Вольф Марина Николаевна, доктор философских наук, директор Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Marina N. Volf, Doctor of Science (Philosophy), Director of Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

rina.volf@gmail.com

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-184-195

Был ли исходный скептицизм Р. Декарта всего лишь пропедевтическим?

В. П. Горан

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Раскрыта роль использования Декартом сомнения в реальности существования решительно всего как пропедевтического. А именно, Декартом это сделано, чтобы фактически признать несомненность для ума человека существования единственно его самого. И это определило дуалистическую суть всей его философской позиции. Она – проявление его стремления сочетать концептуально не сочетаемое: ориентацию и на науку, и на религию.

Ключевые слова

Декарт, сомнение, человек, ум, тело, бог, дуализм

Для цитирования

Горан В. П. Был ли исходный скептицизм Р. Декарта всего лишь пропедевтическим? // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 184–195. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-184-195

Was R. Descartes' Initial Skepticism Merely Propaedeutic?

V. P. Goran

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The role of Descartes's use of doubt in the reality of the existence of everything as propaedeutic is revealed. Namely, this is done to actually recognize the certainty for the mind of man of the existence of only himself. And this determined the dualistic essence of the entire philosophical position of Descartes. It is a manifestation of his desire to combine conceptually incompatible: orientation both to science and religion.

Keywords

Descartes, doubt, man, mind, body, God, dualism

For citation

Goran V. P. Was R. Descartes' Initial Skepticism Merely Propaedeutic? *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 84–195. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-184-195

© Горан В. П., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

На мысль написать данную статью меня натолкнуло следующее рассуждение Р. Декарта. В небольшом по объему тексте «Замечания на некую программу...» он в ответ на утверждение анонимного автора привлечшей его внимание «программы», что в его, Декарта, философской позиции особая роль принадлежит сомнению, причем сомнению и во всем, и радикальному, обращает внимание читателя на следующую, по его самооценке, действительно присущую его позиции специфику. А именно, Декарт указывает на то, что вопреки утверждениям автора этой «программы» он «никогда не говорил, будто *следует отрицать Бога или что он может нас обмануть, что надо во всем сомневаться и полностью отвергать достоверность чувств, а также что сон неотличим от бодрствования и т. п...*» [Декарт, 1989в. С. 478]. Курсивом часть этого текста Декарта выделена как принадлежащая анонимному автору рассматриваемой им «программы». И далее Декарт следующим образом реагирует на это приведенное им высказывание анонима: «...здесь перед нами весь набор возражений, когда-либо делавшихся мне невежественными клеветниками. Напротив, я в самых четких выражениях все это отрицал и опровергал с помощью сильнейших аргументов – осмелюсь даже добавить, более сильных, нежели у кого-либо до меня. Но дабы изложить это наиболее рельефно и действенно, я представил в начале моих “Размышлений” указанные моменты как сомнительные и не мною первым придуманные, но даже уже на все лады обыгранные скептиками. Однако что может быть более несправедливым, чем приписывать какому-либо автору мнения, приводимые им с единственной целью их опровергнуть? Может ли быть что-то более нелепое, чем воображать, будто эти мнения – по крайней мере в то время, когда их излагают, но еще не успели опровергнуть, – приводятся в качестве догм?» [Там же. С. 478–479].

Как видим, сам Декарт оценивает здесь свое сомнение во всем как всего лишь, – используя слово, которое он здесь не употребляет, – пропедевтическое, подготовительное, а именно, и на этом Декарт делает акцент в приведенном только что тексте, как подготавливающее читателя к последующему его опровержению. Причем, отмечу тоже от себя, что для того, чтобы оно было таковым, оно должно быть основательным. И ведь таким оно и было у Декарта. Действительно, оно состояло в том, что Декарт предлагает усомниться в реальности существования ни мало ни много, а решительно всего. Однако в реализации этого своего намерения он доходит в оценке степени возможной сомнительности до рассмотрения сомнения в существовании того, в истинности признания чего реально существующим, сомневаться уже невозможно. Таков, по Декарту, вывод нашего ума о безусловной несомненности единственно самого акта его мышления, оценивающего на сомнительность или несомненность собственное существование. Этот вывод Декарт и делает, причем не только в изданной в 1641 г. работе «Размышления о первой философии...» (см.: [Декарт, 1994а. С. 21–22]), на которую

он ссылается в процитированном мной выше тексте «Замечаний...», и даже не в ней впервые. До этого он сделал его в сочинении «Рассуждение о методе...» (см.: [Декарт, 1989а. С. 268–269]), изданном в Лейдене в 1637 г., а после этого уже в 1644 г. – в трактате «Первоначала философии» (см.: [Декарт, 1989б. С. 316]), изданном в Амстердаме.

Заслуживают внимания следующие особенности перечисленных изданий. Если «Рассуждение о методе...» и «Первоначала философии» были изданы в Нидерландах и на французском языке, то «Рассуждения о первой философии...» – в Париже и на латинском языке. Вот как сам Декарт объясняет эти языковые их особенности. «Вопросы о Боге и человеческом я уже затронул в труде “Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках”, изданном на французском языке в 1637 году: там я не столько тщательно рассмотрел эти проблемы, сколько бегло коснулся их, дабы из суждений читателей понять, каким образом следует трактовать их впредь. Эти проблемы показались мне столь важными, что я не раз усматривал необходимость возвратиться к их исследованию; в их разработке я следую столь неизбитым, далеким от общепринятого путем, что мне показалось вредным издавать это сочинение на французском языке, в общедоступной форме, – я опасался, как бы более слабые умы не вообразили, будто они могут вступить на подобный же путь» [Декарт, 1994а. С. 9].

Тот, можно сказать, историко-философский факт, что два из трех отмеченных мной только что произведений, в которых Декартом сделан вывод о несомненности для его ума существования единственно самого этого ума, опубликованы на французском языке в Нидерландах, а вот во Франции третье опубликовано уже на латинском, заслуживает, повторю, внимания. Ведь, как признается в только что цитированном тексте сам Декарт, сделал он это осознанно, а именно, руководствуясь целью сделать это третье издание недоступным для, как он выражается, слабых умов, т. е. фактически для достаточно широкой аудитории. Не в меньшей степени в этой связи заслуживает внимания и тот тоже немаловажный историко-философский факт, что, прежде чем опубликовать во Франции этот текст даже на латинском языке, Декарт разослал его авторитетным там в это время церковникам с целью, как он сам утверждает, получения от них критических замечаний и внесения в него соответствующих исправлений (см.: [Там же. С. 8]).

Вместе с тем нельзя не признать, что это обращение Декарта именно к церковникам наглядно демонстрирует его озабоченность тем, не встретит ли вся его философская концепция в целом отторжения со стороны католической церкви. И это, на мой взгляд, неудивительно, если иметь в виду, что во Франции, как и в других западноевропейских странах, где и во времена Реформации, и в последующем сохранила свои позиции католическая церковь, в XVI–XVII вв. свирепствовала инквизиция. Более того, на ситу-

ацию во Франции времени обращения Декарта к церковникам по поводу своей книги в этом плане не могло не оказывать влияние то обстоятельство, что всего 69 годами ранее, в 1572 г., имело место событие, получившее название Варфаломеевская ночь – массовая резня гугенотов католиками, признавшими гугенотов отступниками от католической веры как единственно подлинной. То, что в связи с намерением опубликовать это свое произведение во Франции Декарт был действительно озабочен и вопросом о том, какой будет реакция на это идеологов католической церкви, подтверждает текст его обращения (в форме, разумеется, приветствия) к членам теологического факультета в Париже, которых он счел теми признанными церковными авторитетами, если не прямое одобрение, то отсутствие полного неприятия его концепции со стороны которых может обезопасить его от преследования инквизицией.

Действительно, кроме того, что Декарт стандартно для ситуации обращения в те времена к священнослужителям именует их ученышими и славнейшими (см.: [Декарт, 1994а. С. 4]), уже в самом начале текста этого обращения он выражает надежду, что его адресаты найдут достойной поддержки причину, побудившую его предложить их вниманию свое произведение. Впрочем, какова конкретно эта причина, Декарт здесь не говорит. Но данные для того, чтобы эту причину можно было усмотреть, текст его обращения все же содержит. Действительно, в этом обращении к теологам Декарт прямо выражает надежду на их покровительство. Привожу эту часть его текста: «...каковы бы ни были мои доводы..., я не надеюсь, что мои усилия увенчаются успехом, если вы не окажете мне своего покровительства» [Там же. С. 7]. Показательно также, что в этом обращении к теологам Декарт откровенно льстит им, восхваляя их авторитет, пронизательность, прочие интеллектуальные достоинства (см.: [Там же. С. 7–8]) и именуя их «всегдашними и величайшими столпами католической церкви» [Там же. С. 8].

Таким образом, и языковые особенности самого подготовленного Декартом к опубликованию во Франции произведения, и текст его обращения к церковникам за поддержкой этого издания дают основание видеть, что у него была надежда осуществить двойную подстраховку от инквизиции: 1) латинский, а не французский, язык этого издания как ограничивающий доступ к нему широкой читательской аудитории; 2) специальные усилия, направленные на то, чтобы заручиться именно письменными свидетельствами отсутствия серьезного неприятия его мировоззренческой концепции со стороны церковных авторитетов во Франции. И о том, чтобы эти их свидетельства были письменными, Декарт позаботился специально. Ведь он в обращении к церковникам сформулировал следующее свое пожелание: «...я желал бы, чтобы после одобрения моих доводов относительно существования Бога и отличия души от тела... вы сооблаговостили публично засвидетельствовать это» [Там же.]

Священнослужители высказали в ответных письмах Декарту свои пожелания-замечания, на которые он отреагировал ответными письмами к ним (см.: [Декарт, 1994б]). И содержательный характер этой переписки был фактически демонстрацией отсутствия у церковных авторитетов непримиримо-враждебного неприятия концептуальных основ позиции Декарта, т. е. это было как бы выражением принципиального отсутствия у них несогласия на публикацию этого его произведения.

В связи с рассматриваемым мной сейчас обращением Декарта фактически за поддержкой к церковникам заслуживает также быть отмеченной еще одна особенность уже самого текста произведения, которое он представил по сути дела на их суд. А именно, чтобы угодить церковникам, Декарт в самом тексте «Размышления...» допускает утверждения, явно несуразные для представителя науки, тем более такого ранга, к каковому реально он принадлежал, но не только приемлемые, а обязательные для адепта христианского вероучения. Из особенно в этом смысле показательных утверждений прежде всего отмечу сделанное Декартом в русле христианской веры в то, что (использую его собственную формулировку) «душа не погибает вместе с телом» [Декарт, 1994а. С. 4]. Наряду с уверенностью «в существовании Бога» положение о бессмертии души человека Декарт полагает основным «среди тех, кои надлежит доказывать скорее доводами философии, нежели теологии» [Там же]. И в свете этого его заявления особенно показательным оказывается то, что он допускает вопиющую несуразность именно при попытке через немногим более полусотни страниц оправдать веру в бессмертие души именно как всего лишь веру.

Речь сейчас веду о выводе, сделанном Декартом из рассмотрения следующей ситуации. Прочитав соответствующие части текста самого Декарта. Сначала он информирует читателя: «...я когда-то слышал от тех, у кого были ампутированы голень или предплечье, что им порой кажется, будто они до сих пор ощущают иногда боль в тех частях тела, которых у них уже нет». И сразу же, в этом же предложении Декарт делает следующее уже собственное заключение о доверии уже к своим ощущениям: «и я не могу быть уверен в том, что испытываю боль в каком-либо моем члене, хотя я эту боль и ощущаю» [Там же. С. 61, 62]. Рассуждая здесь же далее о фактах, явно указывающих на то, что, как он сам выражается, «Природа учит меня также, что... я теснейшим образом сопряжен с моим телом и как бы с ним смешан, образуя с ним, таким образом, некое единство» [Там же. С. 65], Декарт, с одной стороны, приходит к следующему заключению. «Ибо, конечно, ощущения жажды, голода, боли и т. п. суть не что иное, как некие смутные модусы мышления, происходящие как бы от смешения моего ума с телом» [Там же]. Но тремя страницами ниже читаем делаемое Декартом утверждение, которым, с другой стороны, он полностью дезавуирует суть только что приведенного мной его собственного высказывания о «смешении» у человека

ума с телом. Более того, это утверждение, как мы сейчас будем иметь возможность убедиться в этом, фактически и представляет собой образчик явного интеллектуального если не сознательно осуществленного шулерства, то, по меньшей мере, самообмана со стороны его автора.

Вот это утверждение: «...хотя создается видимость, будто весь мой ум целиком связан с моим телом, если ампутировать мне ногу, руку или любую другую часть тела, уму моему, как я понимаю, не будет нанесено никакого ущерба...» [Там же. С. 68]. Почему я оцениваю это утверждение как интеллектуальное шулерство или самообман со стороны его автора? Дело в том, что Декарт ведет речь о ситуации, когда ампутируют, как он утверждает, именно «любую... часть тела» человека, и такая операция, как категорически оценивает наш философ ее последствия, якобы не наносит уму этого человека «никакого ущерба». И в этом-то Декарт определенно, выражусь теперь помягче, не убедителен: голова ведь тоже одна из частей тела человека, и если ампутировать и ее, сохранится ли его ум именно у него? В данном тексте Декарт и не задается этим вопросом и, соответственно, не дает здесь ответа на него. Вместе с тем именно в этом произведении для него было настолько значимо и угодить церкви, и, разумеется, не дать лишнего повода усомниться в его приверженности дуалистическому миропониманию, что он возможность этого вопроса здесь даже не замечает или, не исключено, делает вид, что не замечает. Ибо для чего Декарту понадобилось обосновывать независимость ощущений человеком частей собственного тела от того, существуют ли они реально? Ответ на этот вопрос очевиден: ему надо выдерживать свою позицию признания полной независимости от тела человека его мышления, к каковому он относит, как мы вскоре увидим это, также способность «чувствовать и образовывать представления». Но в данном конкретном месте этих своих усилий Декарт допускает грубую некорректность. Действительно, он берет факты, относящиеся к отдельным частям тела человека, а вывод, якобы опираясь на эти факты, делает относительно всего тела в целом. Но, повторю, по-видимому, Декарт все же в какой-то мере сознавал отмеченную мной только что неубедительность такого вывода. Более того, далее, а именно на этой же странице, к вранью относительно безущербности для ума человека ампутации любой части его тела, а соответственно, как я уже отмечал, и его головы, Декарт присовокупляет тоже определенно продукт своей фантазии, выраженный утверждением, что в отличие от любого тела, как допускающего возможность расчленения его на части, ум человека неделим (см.: [Там же]). И исходя из этих двух своих фантазий, он делает следующее заключение: «...одного только этого было бы довольно, чтобы убедить меня в абсолютном отличии ума от тела, если бы даже других источников познания у меня пока не было» [Там же. С. 69].

С учетом того, что вера Декарта в бессмертие того, что он (и, конечно же, не только он) именуется человеческой душой, была, как это определенно подтверждает даже его фактическое нежелание рассматривать ситуацию невозможности для человека мыслить, если этого человека обезглавить, показательна та роль, которую наш философ отвел вопросу своего «я» о собственном существовании для обоснования своей позиции в философии, причем по всем ключевым ее пунктам. И результат подхода Декарта к определению этой позиции сложился как раз в итоге реализации им, – пусть по его, как мы видели, оценке как искусственно примененного, – метода предварительного радикального сомнения во всем. Ведь предпосылку специфики его философской позиции реально и составило признание им единственно несомненным утверждения о безусловной реальности существования только души человека как именно бестелесной.

И здесь следует отметить, что наряду с только что отмеченной мной некорректностью вывода Декарта о полной независимости от тела человека его мышления следует иметь в виду и еще одно обстоятельство. Декарт фактически исходит из учета способности ума сосредоточиться на том, что тот делает предметом своего внимания, абстрагируясь от всего остального. Это он и демонстрирует следующим своим рассуждением: «Я – мыслящая вещь, т. е. вещь сомневающаяся, утверждающая, отрицающая, мало что понимающая, много не ведающая, желающая, не желающая, а также способная чувствовать и образовывать представления. Но, как я имел случай заметить раньше, хотя все то, что я чувствую и представляю себе, вне меня может оказаться ничем, тем не менее способы (*modi*) мышления, кои я именую чувствами (*sensus*) и представлениям (*imaginationes*), поскольку они – способы одного лишь мышления и ничего больше, я с уверенностью могу считать своими внутренними свойствами» [Декарт, 1994а. С. 29]. А завершается это рассуждение Декарта следующим признанием его итогового для него характера. «Итак, здесь я в немногих выражениях подытожил все то, что до сих пор я подметил как известное мне» [Там же].

Как видим, наличие способности у человеческого ума абстрагироваться от всего, что не есть способы его «одного лишь мышления», Декарт оценивает как основание для вывода, что «все то, что я чувствую и представляю себе, вне меня может оказаться ничем». И Декарт счел это достаточным для дуалистического вывода о реальной и полной независимости и, соответственно, отделимости ума от тела человека в такой степени, что утверждает продолжение существования ума конкретного человека и после смерти его тела. Вывод этот он сформулировал в «Рассуждении о методе...»: «...наша душа имеет природу, совершенно независимую от тела, и, следовательно, не подвержена смерти одновременно с ним. А поскольку не видно других причин, которые могли бы ее уничтожить, то, естественно, из этого склады-

вается заключение о ее бессмертии» [Декарт, 1989а. С. 285]. Причем значимость, которую Декарт придавал этому выводу, была такова, что вывод этот определил специфику всей его философии в целом: дуализм бестелесных духовных сущностей, а именно, бестелесных человеческих душ и тоже совершенно бестелесного бога, с одной стороны, и телесного мира, включая тела людей, с другой.

В концентрированной форме это самое существенное в его философской позиции и изложено в произведении, изданном в 1637 г. в Нидерландах. Так что, несмотря на приведенную выше оценку самим Декартом этого своего обращения к соответствующим темам как всего лишь их беглого касания, суть своей позиции он изложил там вполне внятно, отчетливо, с достаточной для ее понимания степенью полноты. А главное, что следует иметь в виду при обращении к этому более раннему изложению Декартом своего использования радикального скептицизма для решения фундаментальных проблем философии, это то, что в содержательном плане суть этой его позиции в дальнейшем не претерпела изменений. Более того, это изложение у Декарта обладает немаловажным преимуществом для понимания его позиции, а именно, концентрированной подачей самого существенного в ней и, соответственно, предоставлением возможности для читателя сосредоточиться именно на этом. И нам ведь тоже для того, чтобы получить ответ на вопрос, формулировкой которого является название данной статьи, необходимо сконцентрировать свое и, соответственно, читателя внимание на сути того в позиции Декарта, что фактически содержит ответ на этот вопрос. С учетом этих обстоятельств продолжение рассмотрения этой сути я и буду осуществлять, обратившись к этому более краткому варианту интересующей меня сейчас составляющей позиции Декарта.

«Итак, отбросив все то, относительно чего мы можем каким-то образом сомневаться, и, более того, воображая все эти вещи ложными, мы с легкостью предполагаем, что никакого Бога нет и нет ни неба, ни каких-либо тел, что сами мы не имеем ни рук, ни ног, ни какого бы то ни было тела; однако не может быть, чтобы в силу всего этого мы, думающие таким образом, были ничем: ведь полагать, что мыслящая вещь в то самое время, как она мыслит, не существует, будет явным противоречием. А посему положение *Я мыслю, следовательно я существую* – первичное и достовернейшее из всех, какие могут представиться кому-либо в ходе философствования» [Декарт, 1989б. С. 316]. Или, приведу как в «письме к французскому переводчику "Первоначал философии"...» он сам оценивает значимость для него этого вывода и при этом дополнительно разъясняет что именно он имеет в виду под «Я». «Итак, для того, кто стал бы сомневаться во всем, невозможно, однако, усомниться, что сам он существует в то время, как сомневается; кто так рассуждает и не может сомневаться в себе самом, хотя сомневается

во всем остальном, не представляет собой того, что мы называем наши телом, а есть то, что мы именуем нашей душой или способностью мыслить» [Декарт, 1989б. С. 30б].

Вот в этом, сделанном Декартом выводе из осуществленной им специально процедуры радикального сомнения, направленной на отыскание того, в чем даже при таком подходе сомнение невозможно, уже содержится и вполне отчетливо проявляется дуалистическая суть его философской позиции. Действительно, итоговый для Декарта результат такого сомнения – признание существования мышления человека независимо от непризнания реальности существования его тела есть как бы первоначальная в его аргументации декларация дуализма духовного и телесно-материального. Таким образом, и здесь это декларируемое всего лишь признание субъектом существования себя как мыслящего безотносительно ко всему иному, в том числе и материальному миру, включая собственное тело, является для Декарта основанием дуалистически обособить мышление человека, объявив его самостоятельной субстанцией, от всего телесного – и от собственного тела человека, и от окружающего материального мира. Ведь в выводе этом объявляется, что единственно несомненным надлежит признать существование того, что он именуется человеческой душой как именно способностью мыслить. А существование не только всего телесного вне нас, но и нашего тела представляется для нас при таком подходе сомнительным. Словом, исходным в силу своей несомненности для так понимаемого субъекта (как исключительно духовного и совершенно обособленного от всего телесного) у Декарта фактически объявляется концентрация внимания этого самого субъекта на несомненности для него его существования при возможности сомнения в реальности существования всего остального. Тем самым Декарт сам обнажает как суть своей философской позиции, а именно, центральную роль в ней концентрации внимания на понимаемом как нечто бестелесное субъекте познавательной деятельности, а соответственно и субъективистского характера всей своей позиции, так и, как следствие этой ситуации, фактически осуществляет заострение и актуальности и, вместе с тем, проблемного характера не только обоснования, но даже и признания значимости того, что в научном познании к задачам первостепенной важности принадлежит и познание окружающей телесной действительности. А сделать это на уже заявленной им субъективистской основе оказывается далеко не просто, что и проявляется у самого Декарта в том, что отнюдь не убедительным оказывается предлагаемое им решение созданной самим этим его подходом задачи обоснования как реальности существования не только тела самого человека и всего остального телесного мира, но и признаваемого им реально существующим бога как и бестелесного, и потустороннего,

внешнего всему мирозданию. И этот фактически преподанный Декартом, но им самим так и не осознанный, историко-философский урок до сих пор представителями ряда философских направлений реально не воспринят, игнорируется, что наглядно демонстрируют, например, энтузиасты феноменологического направления в философии XX и текущего XXI веков.

Если подойти к факту дуалистического характера философской позиции Декарта исторически, то следует признать, что он – продукт стремления нашего философа сочетать концептуально не сочетаемое: ориентацию одновременно и на науку, которой он сам был одним из наиболее активных и результативных творческих и, более того, наиболее авторитетных для своего времени ее создателей, и на религию, еще доминирующую тогда в обществе и общественном сознании, в том числе и в его индивидуальном сознании. Немаловажно также не оставлять без внимания деятельность тогда церковной инквизиции. В свете этого последнего обстоятельства Декарта можно понять: угроза преследования со стороны церковников вынуждала его делать заявления в приверженности религиозным глупостям. И то, что даже человек столь выдающегося интеллекта был вынужден так себя вести, – это действительно позор, но не самого этого человека, не Декарта, а церковных деятелей. Так что рассмотренные здесь составляющие текстов Декарта в памяти той части человечества, которая свободна от религиозных фантазий, будет играть также и роль позорных памятников церковного мракобесия в XVII в.

Что же касается вопроса, сформулированного в названии данной статьи, то с учетом всего вышеизложенного ответить на него не представляет труда. Исходный скептицизм Декарта оказался не только пропедевтическим, т. е. всего лишь подготовившим вывод о несомненности существования субъекта, задающегося вопросом о реальности существования чего бы то ни было, в том числе и себя самого. Дело в том, что этот скептицизм обусловил специфику всей философской позиции Декарта в целом и прежде всего то в ней, что определило ее дуалистический характер. Ведь именно следствием того, что свою философскую позицию он определил, базируясь на осуществлении процедуры преодоления тотального скептицизма, было признание им единственно несомненным для него при таком подходе существования себя как исключительно мыслящего, т. е. духовного, бестелесного существа. А определившее дуалистический характер его философии признание им только после этого также и существования бога и телесного мира было у Декарта уже результатом его интеллектуальных усилий преодолеть фундаментальную ограниченность отмеченного только что следствия его исходного скептицизма, пусть и всего лишь, по его оценке, такого, который я именую здесь пропедевтическим.

Список литературы / References

- Декарт Р.** Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль. 1989а. Т. 1. С. 250–296.
- Descartes R.** Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravlyat' svoi razum I otystrivat' istinu v naukakh [Reasoning about a method to correctly direct your mind and seek truth in the sciences]. In: Descartes R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1989a, vol. 1, p. 250–296. (in Russ.)
- Декарт Р.** Первоначала философии // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль. 1989б. Т. 1. С. 297–422.
- Descartes R.** Pervonachala filosofii [The beginnings of philosophy]. In: Descartes R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1989b, vol. 1, p. 297–422. (in Russ.)
- Декарт Р.** Замечания на некую программу, изданную в Бельгии в конце 1647 года под заглавием: Объяснение человеческого ума, или разумной души, где поясняется, что она собой представляет и какой может быть // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989в. Т. 1. С. 461–480.
- Descartes R.** Zamechaniya na nekuyu programmu, izdannuyu v Bel'gii v kontse 1647 goda pod zaglavиеm: Obyasnenie chelovecheskogo uma, ili razumnoi dushi, gde poyasnyatsya, chto ona soboi predstavlyayet I kakoi mozhet byt' [Remarks on a certain programme published in Belgium at the end of 1647 under the title: an Explanation of the human mind, or rational soul, which explains what it is and what it can be]. In: Descartes R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1989v, vol. 1, p. 461–480. (in Russ.)
- Декарт Р.** Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994а. Т. 2. С. 3–72.
- Descartes R.** Razmyshleniya o pervoi filosofii, v koikh dokazyvaetsya sushchestvovanie Boga I razlichie mezhdru chelovecheskoi dushoi I telom [Reflections on the first philosophy, in which it is proved the existence of God and the difference between the human soul and body]. In: Descartes R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1994a, vol. 2, p. 3–72. (in Russ.)
- Декарт Р.** Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» с ответами автора // Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994б. Т. 2. С. 73–417.
- Descartes R.** Vozrazheniya nekotorykh uchenykh muzhei protiv izlozhennykh vyshe «Razmyshlenii» s otvetami avtora [Objections of some pundits against the above “Reflections” with the author’s answers]. In: Descartes R. Sochineniya: V 2 t. [Works: In 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ., 1994b, vol. 2, p. 73–417. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Горан Василий Павлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vasily P. Goran, Doctor of Sciences (Philosophy), professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

goran@philosophy.nsc.ru

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-196-207

Заметки о философии Георга Лукача

(по статье о Генрихе Гейне)

А. В. Шевцов

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
(МАИ)*

Москва, Россия

Аннотация

Рассматривается творчество Генриха Гейне так, как его представил в своей вступительной статье известный венгерский философ Георг (Дьёрдь) Лукач (1885–1971) к собранию сочинений Генриха Гейне (1797–1837), начавшему выходить в СССР в 1938 г. Беря за основу философско-поэтическое творчество Гейне, здесь изучается также не только концепция Лукача 1930-х гг., но и ряда современников Гейне, в частности философа, переводчика Фридриха Шлейермахера, философа Георга Гегеля. Даются оценка и краткое описание влияний Гегеля на Гейне в 1821–1823 гг. в Берлине, а также Маркса в 1843–1844 гг. в Париже. Затрагиваются и намечаются вопросы к будущим исследованиям, таким как неокантианские мотивы у Лукача, постгегельянство и младогегельянство Лукача, постановка вопроса о предмете философии у Гейне, о роли рецензии Шлейермахера на творчество Гейне.

Ключевые слова

Генрих Гейне, Георг (Дьёрдь) Лукач, Фридрих Шлейермахер, Георг Гегель, Карл Маркс, философско-поэтическое творчество Гейне, И. К. Луппол, Н. Я. Берковский, Шеллинг, М. И. Каринский

Для цитирования

Шевцов А. В. Заметки о философии Георга Лукача (по статье о Генрихе Гейне) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 196–207. DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-196-207

On the Philosophy of Georg Lukach in the Article on Heinrich Heine

A. V. Shevtsov

*Moscow Aviation Institute (national research university) (MAI)
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In article the analysis of creativity of Heinrich Heine which was presented in introductory article by the famous Hungarian philosopher George (Dyoerd) Lukács (1885–1971) to collected works

© Шевцов А. В., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

in 1938 of Heinrich Heine (1797–1837) is considered. Having taken philosophical and poetic creativity of Heine, in the offered research not only the concept of Lukács, but also the thinker of the past, the critic who had, undoubtedly, an impact on Heine's creativity – the philosopher, the translator Friedrich Schleiermacher is studied. The assessment and brief description of Hegel's influences on Heine's world view, which took place in 1821–1823 in Berlin, as well as Marx in 1843–1844 in Paris, is given. Questions are touched upon and raised about future studies such as the Neo-Kantianism motifs of Lukács. Lukács's post-hegelism and young-hegelism, raising the question of the subject matter of philosophy at Heine, and the role of Schleiermacher's review of Heine's creativity.

Keywords

Heinrich Heine, Georg (Dyoerd) Lukács, Friedrich Schleiermacher, Georg Hegel, Karl Marx, Heine's philosophical-poetic creativity, I.K. Luppola, N.J. Berkowski, Schelling, M.I. Karinsky

For citation

Shevtsov A. V. On the Philosophy of Georg Lukach in the Article on Heinrich Heine. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 196–207 (in Russ.) DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-196-207

В статье рассматриваются некоторые малоизвестные страницы творчества венгерского философа Георга (Дьёрдя) Лукача (1885–1971), относящиеся к периоду 1940-х гг., когда Лукач проживал в Советском союзе. В 1929 г. Георг Лукач переехал в Москву, здесь он проживал вплоть до 1945 г. (за исключением 1931–1933 гг., когда он работал в Берлине), был сотрудником Института Маркса, Энгельса, Ленина, затем работал в журналах «Литературный критик» и «Интернациональная литература», а позднее Георг Лукач работал в Институте философии АН СССР, Лукач был членом Союза писателей СССР [Хевеши, 2009. С. 358]. К периоду жизни Георга Лукача в Москве относится его вступительная статья к изданному в 1938 г. полному собранию сочинений немецкого поэта, публициста и писателя Генриха Гейне (1797–1856). Это издание Гейне вышло под общей редакцией Н. Я. Берковского и И. К. Луппола, первый том которого был снабжен вступительной статьей Георга Лукача (1938. С. VI–XLVIII) ¹. Примечательно, что Иван Капитонович Луппол (1896–1943) – русский философ, выступил редактором только 1-го тома собрания сочинений Генриха Гейне ². Об И. К. Лупполе, редактировавшем этот том со вступительной статьей Георга Лукача, есть статья А. Д. Косичева в энциклопедии «Русская философия» [2014. С. 351–352]. О Гейне находим упоминание и в предисловии И. Широкова к «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинга, труд которого вышел в СССР в 1936 г. [Широков, 1936. С. VII]. Важно заметить, что Гейне слушал в Бонне, Гёттингене и Берлине лекции Ф. Вольфа, А. Шлегеля и Г. Гегеля. Гейне учился в 1821–1823 гг. в Берлине, где испытал влияние Гегеля. Об этом факте фило-

¹ Далее ссылки на эту работу приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

² И. К. Луппол – русский философ, специалист по диалектике, методологии истории философии, эстетике, автор книги о Дени Дидро (выдержала три издания, 1924, 1936 и 1960, переведена на французский язык, вышла в Париже в 1936 г.). И. К. Луппол академик АН СССР (с 1939 г.).

софского влияния Гегеля на Гейне особо говорит Георг Лукач на страницах своего предисловия. К 1843 г. относится знакомство и общение Гейне с К. Марксом, периода работы последнего над «Экономико-философскими рукописями 1844 г.». Феномен раннего немецкого романтизма периода конца XVIII – начала XIX в. тесно связан с Фридрихом Гёльдерлином, Фридрихом Шеллингом, Георгом Гегелем, а также с Клопштоком и Виландом. Это литературное течение естественным образом перешло в романтизм начала XIX в. В то время к зрелым романтикам относился Ф. А. Шлегель и отчасти молодой Гейне, который перешел от идеализма к социализму в парижский его период. Об этом времени писал представитель исторической школы неокантианства – Вильгельм Виндельбанд. На этом моменте творческой биографии Генриха Гейне заострил свое внимание Георг Лукач.

На первых страницах своей объемной вступительной статьи в 43 страницы Лукач дал социальный и исторический портрет поэта, писал о его жизненных условиях, о ситуации того времени в Германии. Лукач подчеркивал: «Противоречия социально-политической обстановки в Германии были определяющим моментом для публицистики Гейне, еще до его знакомства с Марксом» (С. XIII). Лукач традиционно для его времени 1930-х гг. писал, что в центре внимания Гейне в его парижское эмигрантское время была классовая борьба пролетариата против буржуазии и «...сделанная широкими мазками критика развития немецкой идеалистической философии, а также немецкой классической и романтической поэзии» (С. XIV). Естественным выводом из так обрисованной ситуации в Германии, завершением которой явилась гегелевская философия, был вывод о том, что идейные предпосылки революции в Германии подготовлены и далее следует только «...переход от философии к действию, к практической революции» (С. XIV). По Лукачу, Гейне не понял диалектическую связь противоречий реальной действительности и должен был их только констатировать, в то время как Маркс понял эту связь всех противоречий реальной действительности и установил, что по своей природе «эти противоречия являются объективным двигателем революционного развития» (С. XIV). Именно поэтому, как писал Лукач о трагедии Гейне, «критикуя первоначальный период рабочего движения, он сам не в состоянии <был> подняться до понимания марксовской теории научного социализма» (С. XXII). Гейне был прав в своей защите великого буржуазного наследия прошлого, например наследия Гёте и Гегеля, от нападок Людвиг Берне. Между Гейне и Берне (и Гейне и Берне оба были эмигрантами в Париже) возникали споры и непонимание, как относиться к романтическому наследию прошлых эпох: «Не случайно поэтому, что молодой Маркс намеревался публично выступить с защитой Гейне в его полемике с Берне» (С. XXII). Лукач подчеркивал важность сохранения памяти о культурном прошлом народа, его культурном наследии, что выразилось в произведении Гейне «Германия». Оно было как выступлением против позиции Берне, так и публицистическим и поэтическим выражением позиции самого

Гейне. Лукач оценивал это как эволюцию Гейне, которая «...достигает кульминационного пункта в период его дружбы с Марксом во время пребывания последнего в Париже (1843–1844) и затем вплоть до революции 1848 г.» (С. XXII). Но еще более важно с точки зрения истории философии будет узнать, как высоко ценил Георг Лукач значение Гегеля для развития Гейне. Так, по Лукачу, это значение настолько велико, что его нельзя переоценить: «Вся историческая концепция Гейне (его взгляды на греков и христианство, на историческое значение Возрождения, Реформации, Французской революции, Наполеона и т. д.), вся Гейневская теория искусства (противоположность между античностью и современностью, понимание романтизма и т. д.) определялись Гегелем» (С. XXV).

Здесь Лукач специально указал, чем Гейне был обязан Гегелю, а именно, что Гейне был «личным учеником Гегеля», и вместе с тем обратил внимание на то, как Гейне пытался преодолеть Гегеля, интерпретируя его (С. XXV). Лукач здесь определял философские заслуги Гейне, состоящие в том, что Гейне являлся одним из передовых предшественников радикального младогегельянства. Однако, несмотря на свою дружбу в Париже с Марксом, он, Гейне, никогда не понимал философского значения работ Маркса, печатавшихся в «Немецко-французских ежегодниках». Лукач далее писал, что центральным пунктом критики Гегелевской философии со стороны Гейне становится преодоление ее консервативного характера, т. е. ее направленности на прославление <признание> существующей действительности как таковой. И Лукач здесь утверждал, что Гейне открыто нападает на эту составляющую Гегелевской философии. Но Гегель (как и практически любой философ) только констатировал положение вещей объективного мира, не давая при этом никакого рецепта по его (мира) переформатированию, перестроению, тем более – революционному преобразованию. Это, конечно, добавление к интерпретации Гейне самого Лукача. И вот как Лукач «выручал» своего «подопечного» Гейне, вводимого им, Лукачем, в новый, почти коммунистический мир, что якобы Гейне (!) был сто лет назад уже таким человеком будущего, который фактически предвосхищал своим творчеством сегодняшний день (1938 г.). Гейне распознавал все недостатки своего времени как в поэзии (немецкой, ибо отсталость немецкой действительности в сравнении с прогрессивной действительностью французской, послереволюционной, Наполеоновской – та действительность была заведомо лучше тогдашней немецкой!), так и в прозе (жизни в том числе). Поэтому Лукач так трактовал Гейне, что он, Гейне, увидел «...в консервативном характере Гегелевской философии продиктованную обстоятельствами “маскировку” и объявляет революционный характер этой философии эзотерическим учением самого Гегеля» (С. XXV). В этом смысле показательным представляется то, что Лукач здесь же в скобках утверждает «“Трубный глас страшного суда над Гегелем” Бруно Бауэра (1809–1882), в подготовке которого принимал участие и молодой Маркс, был кульминационным пунктом этой формы

радикальной интерпретации Гегеля» (С. XXV). Таким образом, Георг Лукач, во-первых, отвечал на идеологический запрос времени и места – он оказался в СССР с начала 1930-х гг., и сам разделял коммунистические взгляды. Поэтому Гейне он характеризовал как предвосхищавшего будущие справедливые времена, а Гегеля как представлявшего закосневший старый мир и его затвердевшую философию, которая должна разбиваться, поменяться только радикальным переустройством, как, впрочем, и сам мир. Такую картину писал Лукач, таким ему хотелось видеть Генриха Гейне, и таким в глазах Гейне виделись Лукачу Гегель и его философия.

Во-вторых, Лукач приводит один разговор Гейне с Гегелем, «в котором чрезвычайно ярко выразилось отношение Гейне к взглядам Гегеля на политику и религию. “Когда я однажды выразил свое неудовольствие по поводу формулы “Все существующее разумно”, он как-то особенно усмехнулся и заметил: “Можно было бы также сказать: “Все, что разумно, должно существовать”...» (С. XXVI). Это интересное свидетельство из истории философии, без сомнения, проливающее свет на неизвестные страницы жизни и творчества и Гейне, и Гегеля, и конечно, Лукача. Лукач писал, что «...Гейне интерпретирует Гегелевскую философию в смысле пантеистически завуалированного атеизма < и что он, Гейне, не был отвлеченным мыслителем и > ... принимал синтез Гегелевского учения на веру...»(С. XXVI). Лукач здесь подчеркивал, что юношеское, студенческое отношение Гейне к состоявшемуся профессору философии Гегелю было продиктовано не только пылкостью и тщеславием Гейне, но во многом и объективной реальностью жизни в тогдашней Германии. Что-де народ более не может воспринимать со смирением свою нищету в этом мире и жаждет скорейшего счастья в этом мире, что может гарантировать только коммунизм. А поэтому, интерпретировал Лукач мысль Гейне, не за горами у философов «великой школы» немецкого идеализма переход от теории к практике, или действиям.

Лукач увидел у Гейне, в характере его, Гейне, поэтического слога, в самой поэтике Гейне и радикализацию идей истолкованной таким образом Гегелевской философии, и ее синтез с сен-симонизмом, что дало Гейне «... возможность разглядеть в перспективе пролетарской революции проведение в жизнь Гегелевского “разума”» (С. XXVI). Вряд ли Гейне заглядывал куда-то глубже в Гегелевской истории философии или философии истории, чем только до идеи развития мирового духа в истории. Но уже эта идея дала Гейне необозримый открывшийся поэтический горизонт – он, Гейне, стал рассматривать всю всемирную историю «как борьбу между эллинами и назарейцами (под которыми он объединяет вместе евреев и христиан), он видит во всей духовной и политической истории нового времени борьбу спиритуализма с сенсуализмом» (С. XXVII). В этом смысле Лукач увидел у Гейне неустранимую религиозную основу. Иначе говоря, Гейне, по Лукачу, «противопоставляет религиозной потусторонности земную революционную посяторонность, но это противопоставление происходит

на основе религиозного обожествления посюсторонности» (С. XXVIII). Лукач констатирует и слабость этого вывода Гейне, и распространяет этот вывод на всю его философию. Таким слабым моментом философской позиции Гейне Лукач определил положение о противоположности между материализмом и идеализмом, правомерность которой он формально признает, но на письме она заменяется Гейне противоположностью между сенсуализмом и спиритуализмом. Однако «попытка примирения диалектики с материализмом не есть просто личная философская тенденция Гейне; она представляет необходимую составную часть <как сказал Лукач> общеидейного брожения той эпохи, завершением и самым зрелым плодом которой явился впоследствии диалектический материализм Маркса» (С. XXVIII).

Что касается поэтики Гейне, то Лукач очень хорошо и глубоко ее характеризовал. Он писал о романтизме той эпохи, не раннем романтизме, но уже зрелом. Поэзия и вообще литературное творчество Гейне, по Лукачу, было связано с авторитетом Гете, с тем, что Гейне не смог примкнуть к политическим и поэтическим представителям демократического движения. Это видно и по книге Гейне против Людвиг Берне (1797–1837), и по записям Гейне о Платене, когда Гейне постоянно издевался над «метрическим мастерством» Платена. У Гейне был народный характер романтизма. «Гейне гораздо яснее, чем все другие его современники в Германии, видел внутреннюю связь романтизма с современным литературным движением. В этом отношении, Гейне также находится под влиянием гегелевской исторической концепции», – как писал о поэтике Гейне Георг Лукач (С. XXXVI). Лукач делал это, сводя все к проблемам борьбы пролетариата в эпоху развивающегося капитализма (и понятно почему) а также к противоречию между романтизмом и сентиментальностью слияния с природой, утверждая, что Гейне чувствовал эти противоречия, но еще не осознавал их причины и уж тем более не понимал, какой должна быть борьба.

Георг Лукач привел весьма любопытный рассказ о разговоре Гейне с Гегелем: Гейне «стал в мечтательном тоне говорить о звездах и называл их местопребыванием блаженных душ. Но учитель <Гегель> пробормотал себе под нос: “Звезды, гм-гм! Звезды не более как светящаяся сыпь на небе”. – “Но бога ради! – вскричал я <Гейне>, – стало быть, там наверху нет счастливой местности, где добродетель получила бы награду после смерти?” Но он <Гегель>, пристально глядя на меня своими бледными глазами, резко сказал: “А вы хотите еще получить на водку за то, что ухаживали за вашей больной матерью и не отравили своего брата?”» (С. XLIV). Этот разговор двух исторических персон может послужить очень наглядной характеристикой личности философа Георга Гегеля. Как резюме, Лукач записал: «В дальнейшем Гейне продолжает развиваться в направлении того же поэтического изображения романтических настроений, исторически неизбежных иллюзий и их иронического разрушения» (С. XLIV). Ибо это фальшивая романтическая гармония мнимого единства человека и природы. Поэтому спасением

от романтизма будут либо Кантовский критический трансцендентализм, либо Гегелевская историко-философская метафизика. Но метод иронии в деле борьбы с романтизмом, выбранный Гейне, вскоре удачно будет использован в экзистенциализме Кьеркегором. Лукач в этом месте сравнивает с Рихардом Вагнером манеру письма позднего Гейне, как он говорит, манеру изображать иллюзии, лишённые веры и погибшие в самый момент их появления. Это влияние Гейне «на сознательно антиромантическую поэзию» последующей буржуазной эпохи продолжалось вплоть до конца XIX в. и проявилось, например, у Ибсена в его «Гедде Габлер» (С. XLVI).

Примечательно, что в своих комментариях к этому тому Н. Я. Берковский упомянул автора первой положительной рецензии на сборник Гейне, изданный Маурером. Вообще на книгу стихотворений Гейне, изданную у Маурера, дали отзывы: «Фарнгаген – в журнале “Gesellschaftler” (*Gesellschaftler*, нем. компаньон) (№11, от 19 января 1822), Карл Иммерман (“Kunst- und Wissenschaftsblatt”) (нем. *Вестник по науке и искусству*), приложение к “Rheinisch-westfälischer Anzeiger”, № 23, от 31 мая 1822) и некто, подписавшийся буквами Schm., в том же “Kunst- und Wissenschaftsblatt” от 7 июня 1822. Последняя статья, весьма замечательна; существует предположение, что писал ее знаменитый Шлейермахер (так полагает Ф. Мельхиор вслед за Ю. Иессен)» [Гейне, 1938. С. 377]³. Знаменитый философ Фридрих Шлейермахер выдал, так сказать, «путевку в жизнь» молодому Гейне, как писал Берковский, цитируя Шлейермахера, резко отделявшего Гейне от господствовавших в Германии романтических тенденций и от школы Августа Шлегеля, у которого учился Гейне и которому подражал: «Господин Гейне однажды на страницах этого журнала заявил о себе как о последователе Шлегеля; также и в своих стихотворениях он вполне открыто говорит об этом. Но мы должны, – писал далее Шлейермахер, – обратить внимание господина Гейне на следующее: как бы основательно ни прошел он Шлегелевскую школу <т. е. романтическую школу>, как бы ни ободряли его учительные и “благосклонные” слова А.-В. Шлегеля, – все равно, ни в коем случае он не принадлежит к Шлегелевской школе» [Там же]. Шлейермахер считал, что эта школа романтиков, которую возглавлял Август Шлегель состояла из двух элементов, которых нет у Гейне – это рыцарский стиль или дух и клерикальное умонастроение. Шлейермахер в своей рецензии так описал позицию Гейне: «Единственный элемент, который оживляет произведения Гейне, – это чистая гражданственность и чистая человечность; мы не найдем... <в произведениях Гейне ничего, никаких намеков на вещи> из которых, по существу, составлены и средневековые и школа Шлегеля, по средневековью тоскующая. Говоря короче, Гейне – поэт для третьего сословия (*tiers état*)» [Там же. С. 378].

³ См.: Берковский Н. Я. Комментарии // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. и коммент. Н. Я. Берковского и И. К. Луппола, вступ. ст. Георга Лукача. М.; Ленинград: Academia, 1938. Т. 1. С. 371–403.

Оценка, данная Шлейермахером поэтике Генриха Гейне, весьма близка и позиции Лукача: «Во всех стихотворениях Гейне господствует чистая объективность изображения, и в стихотворениях личных по своему источнику Гейне опять-таки строит объективный, определенный образ субъективных своих состояний» [Гейне, 1938. С. 379], – писал Фридрих Шлейермахер в своей рецензии. По Шлейермахеру, Гейне создавал «картины, которые, сопоставляясь друг с другом, образуя единое целое, вызывают к жизни глубочайшие философско-поэтические идеи». Шлейермахер называл стихотворения Гейне поэтическими иероглифами, которые выражают целый мир чувствований и созерцаний и которые «схватываются» в понимании. Это еще одна тема Шлейермахера, которую он подробно рассматривал в своем учении об эпохе, в связи с пониманием, молчанием, знанием из молчания, причем задолго, конечно, до Гуссерля.

Берковский называет Шлейермахера как «самого тонкого из критиков Гейне», и он ценит у Гейне больше всего именно реализм – ибо реализм для него – великая моральная сила. Шлейермахер писал о стиле Гейне следующее: «Во всех стихотворениях Гейне господствует чистая объективность изображения... он создает картины, которые, сопоставляясь друг с другом, образуя единое целое, вызывают к жизни глубочайшие философско-поэтические идеи». «...Заслуга Гейне состоит в том, что стихотворения, написанные им в духе народной песни, совершенно оригинальны как в отношении сюжета, так и в отношении поэтических оборотов» [Там же. С. 379, 380]. Надо сказать, что современники и критики Гейне сближали его с Байроном, и звание «немецкого Байрона» Гейне охотно принимал.

Фридрих Шлейермахер был одним из первых немецких ученых и философов, который занялся древностями, рукописями, положил начало собранию, систематизации и переводам античных источников. Во многом благодаря усилиям Шлейермахера в Германии в 1830-е и 1840-е гг. зарождается и складывается школа доксографов (Брандис, Штраусс, Кранц, Дильс, Целлер и др.) [Шевцов, 2017б. С. 63; 2017а, С. 464]. Генрих Майер, автор предисловия к первому изданию труда Христофа Зигварта «Логика», относил к испытавшим влияние Шлейермахера на немецкую философскую мысль тюрингенских учеников Шлейермахера, Ф. Х. Баура и Давида Фр. Штраусса; от Штраусса восприняли интерес Шлейермахера к античным древностям и переняли эту традицию уже Эдуард Целлер и Христоф Зигварт. В Тюрингенском университете к 1840-м гг. сложилась сильная школа, представленная Фердинандом Христианом Бауром и Давидом Фридрихом Штрауссом. Баур был гегельянцем, но абсолютизм в философии в Тюрингене уже уступил место критицизму. Как показал Майер, именно поэтому уже Зигварт усиленно штудировал Шлейермахера. Майер подчеркивал, что и Баур почитал Шлейермахера, а вместе с Бауром также поступали его, Баура, ученики [Шевцов, 2017б. С. 68–71; Зигварт, 2008. С. 10–11]. Одним из учеников Баура был Эдуард Целлер, лекции которого и слушал Зигварт. Майер писал,

что косвенно Зигварт был учеником Целлера, в 1855–1857 гг. Зигварт прочел несколько лекций и написал ряд статей о Шлейермахере. Майер писал, что «после кризиса 1848 г. в Германии окончательно разрушился идеализм Гегеля, тогда как Шопенгауэр и школа Гербарта стали силой для философии» [Зигварт, 2008. С. 12]. По Майеру, истинно философским образом мыслей является скептическое эпохе, которое ради реальности идеи знания рассматривает всякое отдельное проявление его как неадекватное – это, как верил Зигварт, было основной мыслью учения о познании Шлейермахера [Шевцов, 2017б. С. 69; Зигварт, 2008. С. 12]. Шлейермахер с января 1808 г. и до самой своей смерти в феврале 1834 г. читал в Берлинском университете лекции [Virmond, 2006. S. 103–112]. Кроме лекций по досократикам, по «Федру» Платона, по Аристотелю, Шлейермахер читал лекции по теме «Устная речь и письмо», по герменевтике и риторике. Фридрих Шлейермахер участвовал в долговременном издании всех античных текстов, из которых, в частности, «*Corpus inscriptioner Graecorum*» начал выходить с 1825 г. В этом проекте Шлейермахер возглавлял соответствующую комиссию. Фундаментальные знания Шлейермахером античных авторов очень пригодились, когда возникла потребность переводов и издания манускриптов, привезенных из Италии Иммануилом Беккером и Кристианом Августом Брандисом из библиотечной командировки с 1817 по 1820 г. По этому поводу 6 марта 1821 г. начала заседать возглавляемая Шлейермахером комиссия по Аристотелю. Результатом работы этой комиссии было издание Беккером ⁴ десять лет спустя трехтомника Аристотеля. Шлейермахер как секретарь и член комиссии (с 1811 по 1830 г.) получил разрешение сформировать группу ученых, результаты заседаний которой были опубликованы в 27 трактатах и 25 докладах.

Так, свой лекционный курс в Гейдельбергском университете в 1871/72 уч. г. Э. Целлер посвятил психологии как теории познания, он сводил психологию к теории познания как к эмпирической науке, при этом отрицая априорность души, поскольку душевные явления должны познаваться только индуктивным путем, т. е. на основе наблюдений. Однако логика построения Целлером своего курса соответствовала логике педагогических трудов Шлейермахера, вопросу, как передать знание, проблеме обучения. Понятие эпохе Шлейермахера смыкалось с проблемой понимания. В первом русском издании труда Шлейермахера «Речи о религии. Монологи» 1911 г. автор перевода С. Л. Франк писал в своем введении «Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера», что у него была разработана концепция религиозного переживания, явление эмоционального знания, что предвосхищало теорию эмоциональной очевидности Brentano [Франк, 1911].

⁴ Aristoteles Opera ex recensione I. Bekkeri. Berlin: Academia Regia Borussica, 1831. 3 Bd.

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования вступительной статьи Георга Лукача по Генриху Гейне, очевидно, что работа Георга Лукача в СССР в 1940-е гг. была весьма плодотворной. Венгерский философ провел серьезную работу, результатом которой стала вступительная статья к изданию полного собрания сочинений Генриха Гейне. Эта работа, безусловно, поспособствует вписыванию имени самого Лукача, повлиявшего своей работой в СССР на развитие философии в нашей стране. Немаловажно и то, что данный труд Лукача позволяет по-новому взглянуть на творчество Генриха Гейне – а именно, с историко-философской и философско-поэтической стороны. Кроме того, здесь выстраивалась целая философия в комплексе – показать не только Лукача и его истолкования творчества Гейне, но и продемонстрировать развитие философско-поэтической линии творчества поэта в развитии, узнать мир Гейне поближе и определить тех, кто оказывал воздействие на его сочинения. Продлевая путь как бы «в обратную сторону», мы получили выход на Георга Гегеля, Карла Маркса и Фридриха Шлейермахера. Как выяснилось, Шлейермахеру принадлежит первая и главная в жизни поэта Гейне положительная рецензия, которая, безусловно, послужила толчком к дальнейшему раскрытию творческого потенциала немецкого поэта XIX в. Скорее всего, если бы не было этой благосклонной рецензии самого Шлейермахера, вряд ли мы сегодня смогли бы по-новому взглянуть на философско-поэтическое творчество Генриха Гейне. И конечно, без серьезного труда Георга Лукача, его вступительной статьи, развитие философии в нашей стране выглядело бы не полным.

Список литературы / References

- Гейне в воспоминаниях современников / Сост., предисл., науч. подготовка текста и коммент. А. Дмитриева. М.: Худож. лит., 1998. 594 с.
- Geine v vospominaniyah sovremennikov [Heine in the memories of contemporaries]. Foreword, scientific prep. of the text and comments by A. Dmitriev. Moscow, Fiction Publ., 1998. 594 p. (in Russ.)
- Гейне Г.** Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Н. Я. Берковского и Н. К. Луппола; коммент. Н. Я. Берковского, вступ. ст. Г. Лукача. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1938. 420 с.
- Heine H.** Polnoe sobranie sochinenii [Collections compositions: In 12 vol. Eds. N. Y. Berkovsky and N. K. Luppel, comments by N. Y. Berkovsky, introductory

article by G. Lukach. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury, 1938. 420 p. (in Russ.)

Зигварт Хр. Логика / Предисл. Г. Майера. М., 2008.

Sigwart Chr. Logika [Logic]. The Foreword by H. Mayer. Moscow, 2008. 464 p. (in Russ.)

Косичев А. Д. Луппол Иван Капитонович // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / Под ред М. А. Маслина; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014. 832 с.

Kosichev A. D. Luppol Ivan Kapitonovich. In: Russkaya filosofiya. Enzyklopediya [Russian Philosophy: Encyclopedia. 2nd ed. by M. A. Maslin. Moscow, 2014, 832 p. (in Russ.)

Лукач Г. Генрих Гейне / Вступительная статья // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. и коммент. Н. Я. Берковского. М.: Гос. изд-во «Художественная литература». 1938. Т. 1. С. XI–XLVIII. 420 с.

Lukach G. Genrih Geine / Vstupitel'naya statiya [Heinrich Heine / Introductory article]. In: Heine H. The complete collection of works: In 12 vol. Ed. by N. Y. Berkovsky. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo "Hudozhestvennaya literatura", 1938, vol. 1, p. XI–XLVIII. 420 p. (in Russ.)

Франк С. Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии. Монологи / Пер. С. Л. Франка. М., 1911.

Frank S. L. Lichnost' i mirovozzrenie Fr. Shleiermahera [Fridrich Schleiermacher's personality and worldview]. In: Schleiermacher F. D. Rechi o religii. Monologi [Schleiermacher F. D. Speeches about religion. Monologues]. Transl. S. L. Frank. Moscow, 1911. (in Russ.)

Хевеши М. А. Лукач Дьёрдь // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2009. 846 с.

Heveshi M. A. Lukach Diord'. In: Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary]. Ed. by I. T. Frolov. Moscow, Respublika Publ., 2009, 846 p. (in Russ.)

Шевцов А. В. Логико-гносеологическое учение М. И. Каринского в сопоставлении с идеями Х. Зигварта и Ф. Шлейермахера // Русский логос: горизонты осмысления: Материалы междунар. филос. конф., Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2 т. СПб., 2017а. Т. 2. С. 463–468.

Shevtsov A. V. Logiko-gnoseologicheskoe uchenie M. I. Karinskogo v сопоставlenii s ideyami H. Zigvarta i F. Schleiermachera [The logico-gnoseological teaching of M. I. Karinsky in comparison with the ideas of H. Siegwart and F. Schleiermacher]. In: Russkii logos: gorizonty osmysleniya. Materialy mezh-dunarodnoi filosofskoi konferentsii [Russian logos: horizons of reflection: Proceedings of the International Philosophical Conference]. In 2 vol. St. Petersburg, 25–28 september, 2017a, vol. 2, p. 463–468. (in Russ.)

Шевцов А. В. М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. М.: Мир философии. 2017б. 303 с.

Shevtsov A. V. M. I. Karinsky i russkaya gnoseologiya kontsa XIX – nachala XX veka [M. I. Karinsky and Russian gnoseology at late 19th –early 20th century]. Moscow, Mir filosofii, 20176, 303 p. (in Russ.)

Широков И. Шеллинг и его «Система трансцендентального идеализма». Предисловие / Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма. Ленинград: Соцэкгиз. 1936. С. V–XIX.

Shirokov I. Shelling i ego «Sistema transcendental'nogo idealizma». In: Predislovie [Schelling and his “System of Transcendental Idealism”. Preface]. Lenin-grad, Socekgiz, 1936, p. V–XIX. (in Russ.)

Virmond W. Schleiermacher als Dozent in der Berliner Universität. *Schleiermacher-Tag 2005*. Eine Vortragsreihe. Hrsg. Günter Meckenstock [Schleiermacher as a docent in Berlin university. Dezember. Jahrgang. Göttingen, 2006, no. 4, S. 103–112.

*Материал поступил в редколлегию
Received
23.09.2019*

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевцов Александр Викторович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет) (Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия)

Alexander V. Shevtsov, Candidate of Science (Philosophy), senior lecturer Institute of social ingeneering and humanities of Moscow aviation institute (national research university) (4 Volokolamskoe Ave., Moscow,125993, Russian Federation)

ashevzov@mail.ru

УДК 101+378

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-208-213

Сибирская философия: реальное настоящее и желаемое будущее

В. В. Петров

*Новосибирский государственный университет
Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В сентябре 2019 г. в Новосибирске и Горно-Алтайске состоялась Всероссийская научная конференция VIII Сибирский философский семинар «Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции», организованная совместно Новосибирским государственным университетом и Горно-Алтайским государственным университетом. В рамках работы Конференции обсуждались ключевые вопросы философии и смежных наук, таких как история, политология, социология, экономика и юриспруденция, связанные с современной интерпретацией оснований философской культуры, сыгравшей ключевую роль в становлении современной западной цивилизации. Конференция показала, что у сибирских ученых существует потенциал для превращения сибирской философии в один из значимых центров отечественной и мировой философской сети.

Ключевые слова

философия, сибирская философия, философское образование, университетские системы, постсоветская наука, междисциплинарные исследования, интеграционные процессы, межэтническая интеграция, глобализация, риски

Для цитирования

Петров В. В. Сибирская философия: реальное настоящее и желаемое будущее // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 208–213. DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-208-213

Siberian Philosophy: Real Situation and Desired Future

V. V. Petrov

*Novosibirsk State University
Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

In September 2019, the All-Russian Scientific Conference VIII Siberian Philosophical Seminar “The Siberian Dimension of Russian Philosophy: Schools, Directions, Traditions”, organized

© Петров В. В., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

by Novosibirsk State University and Gorno-Altaysk State University, was held in Novosibirsk and Gorno-Altaysk. The conference discussed key issues of philosophy and related sciences, such as history, political science, sociology, economics and jurisprudence, related to the modern interpretation of the foundations of philosophical culture, which played a key role in the formation of modern Western civilization. The conference showed that Siberian scientists have the potential to turn Siberian philosophy into one of the most important centers of the domestic and world philosophical network.

Keywords

philosophy, Siberian philosophy, philosophical education, university systems, post-soviet science, interdisciplinary research, integration processes, interethnic integration, globalization, risks

For citation

Petrov V. V. Siberian Philosophy: Real Situation and Desired Future *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 208–213 (in Russ.) DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-208-213

В сентябре 2019 г. на территории Западной Сибири состоялось научное событие, значимое не только для философской общественности в регионе, но и за его пределами: с 12 по 15 сентября 2019 г. в Новосибирске и Горно-Алтайске проходила Всероссийская научная конференция VIII Сибирский философский семинар «Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции», организованная совместно Новосибирским государственным университетом и Горно-Алтайским государственным университетом.

Сибирский философский семинар – Всероссийская научная конференция, которая проводится ежегодно с 2011 года под эгидой Ассоциации философских факультетов и отделений. Семинар был учрежден по инициативе д-ра филос. наук, проф. Василия Павловича Горана во время проведения V Российского философского конгресса (Новосибирск, НГУ, 2009) представителями философских факультетов Новосибирского и Томского государственных университетов, Сибирского федерального университета, кафедр философии вузов Новосибирска, Томска, Омска, Барнаула, Абакана и Кемерово. Стратегическая цель Семинара – взаимодействие философов Сибири, их профессиональная консолидация, координация усилий, направленных на интенсификацию исследовательской активности посредством регулярного взаимодействия, взаимного ознакомления с полученными результатами и их коллективного обсуждения. Первый Семинар прошел в Новосибирске (НГУ, 2011), далее – в Красноярске (СФУ, 2012), в Томске (ТГУ, 2013), в Омске (ОмГУ, 2014), в Новосибирске (НГУ, 2016), в Томске (ТГУ, 2017), после чего Семинар переместился в республиканское пространство: в 2018 г. VII Сибирский философский семинар состоялся в г. Абакане (Республика Хакасия) на базе Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, а VIII Сибирский философский семинар «Сибирское измерение российской философии» принял Горно-Алтайский государственный университет (г. Горно-Алтайск, Республика Алтай).

География участников Семинара существенно расширилась и в настоящее время охватывает многочисленные интеллектуальные центры и регионы России (Москва, Санкт-Петербург, Самара, Казань, Нижний Новгород, Владимир, Саратов, Уфа, Екатеринбург, Омск, Барнаул, Томск, Иркутск, Улан-Удэ, Владивосток и др.): в работу Семинара традиционно вовлекается философское сообщество региона, принимающего Семинар, включающее как преподавателей и научных сотрудников, так и студентов вузов. Впервые за всю историю работы Сибирского философского семинара его работа была организована на площадках двух университетов – Новосибирского государственного университета и Горно-Алтайского государственного университета, находящихся в разных субъектах Федерации. Такая организация – последовательное перемещение работы Конференции из одного студенческого центра в другой – позволила привлечь внимание значительного количества молодых исследователей, аспирантов, магистрантов и студентов бакалавриата в обоих городах. Общее количество участников Семинара в 2019 г. составило более 150 чел.

Открытие Конференции началось с Торжественного заседания, посвященного 60-летию Новосибирского государственного университета (ведущий – д-р филос. наук, проф. Владимир Серафимович Диев), на котором выступили представители философских школ сибирских университетов, после чего состоялась лекция д-ра филос. наук, проф. Николая Сергеевича Розова «Существует ли сибирская философия?», где докладчик обосновал, что у сибирских ученых существует потенциал для превращения сибирской философии в один из значимых центров отечественной и мировой философской сети, а также обозначил, какие конкурентные преимущества и благоприятные возможности могут быть использованы для развития сибирской философии при опоре на позитивные черты «сибирского этоса».

Работа Конференции продолжилась в Горно-Алтайском государственном университете, где на Пленарном заседании (председатель – д-р филос. наук, доц. Марат Николаевич Чистанов, ХГУ им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Республика Хакасия) с докладом, посвященным грядущему VIII Российскому философскому Конгрессу, который состоится в мае 2020 г. в Москве, выступил д-р филос. наук, проф. Юрий Михайлович Резник (Москва). Д-р филос. наук, проф. Владимир Серафимович Диев (Новосибирск) в своем докладе «Философии управления: становление и перспективы развития» показал, что одной из важнейших задач философии управления должна стать разработка концептуальных оснований формирования российской модели управления, но поскольку проблема формирования национальной модели управления не укладывается в рамки одной или нескольких дисциплин, она требует привлечения не только междисциплинарных подходов, но и философского осмысления. В докладе д-ра филос. наук, проф. Юрия Васильевича Табакаева «Об идеологичности образования» особое внимание было уде-

лено тому факту, что либерально-демократическая идея, сформированная на базе циничных рыночных отношений в обществе, приобрела свое реальное воплощение и в образовании; в свою очередь этот антигуманный шаг, осуществленный в стране даже не из экономических соображений, а из меркантилизма, стремления и дальше подражать Западу во внутренней политике, будет иметь весьма плачевные последствия.

Дальнейшая работа Семинара была организована в формате секционных заседаний, круглых столов и дискуссий, в рамках которых обсуждались разнообразные актуальные вопросы. На секции «Философия в контексте междисциплинарных исследований» (председатель – д-р филос. наук, проф. Александр Юрьевич Нестеров, Самара) обсуждались значение системной философии в понимании теории и практики решения глобальных проблем XXI в., роль философии в междисциплинарных исследованиях и проектах, философские проблемы и основания макросоциологических исследований. Значительное внимание было уделено таким темам, как современная мифология денег, символический капитал в процессе социокультурной модернизации, роль философии в формировании системного мировоззрения современной молодежи, социологические понятия стиля жизни и соседства и их философские смыслы, эвристичность теоретико-методологического аппарата философии в исследовании современного российского конституционализма и пр.

Секция «Наука и образование в условиях социокультурных трансформаций» (председатель – канд. филос. наук, доц. Владимир Валерьевич Петров, Новосибирск) затронула проблемы развития университетского образования в трансформирующихся обществах, вопросы выживания философии в современном университете в ситуации междисциплинарности, специфику преподавательской деятельности в условиях реформирования высшего образования и пр. Вместе с тем пристальное внимание было уделено вопросам развития научных исследований, где были представлены прогноз развития научной деятельности в условиях социокультурных трансформаций, результаты социологического мониторинга академической науки в Сибири (1992–2019) и другие данные социологических исследований.

В рамках работы секции «Рациональность в системе ценностей современного человека» (председатель – канд. филос. наук, доц. Надежда Валерьевна Николина, Томск) прошло обсуждение вопросов, связанных с новой актуальностью истины в онтологии человека, принципом рациональности как основой типологии социальных действий и социальных ролей в современной науке, дискуссией о свободе воли и моральной ответственности и пр. Большой интерес вызвали темы визуализации исторического нарратива, массмедийного дискурса, футурологические перспективы человека как объекта философского анализа и споры об онтологии медиа, кроме

того, значительное внимание было уделено аксиологическим ориентирам молодежи в условиях современного коммуникационного пространства.

Секция «Место и роль философии в сибирском социуме» (председатель – д-р филос. наук, проф. Андрей Владимирович Иванов, Барнаул) была посвящена проблемам сибирского евразийства как новой парадигме междисциплинарных социокультурных исследований, концептуальной специфике новосибирской научной этносоциологической школы, межэтнической интеграции в пространстве города, вопросам сопоставления теоретического моделирования и социологических данных при определении этнической идентичности, социокультурной трансформации межэтнического сообщества Республики Алтай, этнолокальным сообществам как предмету современного междисциплинарного исследования, отдельным аспектам буддизма в контексте социальной гармонии и пр.

В рамках работы симпозиума «Интеграционные процессы в современной Евразии» (ведущий – канд. филос. наук, доц. Юрий Михайлович Аксютин, Абакан), были затронуты вопросы конфуцианства как философской основы парадигмы Евразийского экономического союза и Экономического пояса шелкового пути, проблемы интеграционной российской идентичности жителей Хакасии: особенности функционирования и перспективы развития (по результатам массового опроса 2018 г.) и Евразийской философии устойчивого развития.

Симпозиум «Метафизика науки» (ведущий – д-р филос. наук, доц. Никита Владимирович Головкин, Новосибирск) был посвящен модальному и дефинициальному пониманию сущности, отношению укорененности и иерархической структуре реальности, понятиям «установление истины» и «положение дел», а также вопросам естественной онтологии.

Неподдельный интерес участников Семинара вызвал круглый стол «Интеллектуальное творчество и социальное производство идей» (ведущий – проф. Олег Альбертович Донских, Новосибирск), на котором обсуждались такие вопросы, как роль поэзии в развитии философии, парадоксален ли Горгий за пределами эпистемического единства в Античности, может ли пирронический скептик быть счастливым, а также проблема свободы как основы существования современного человека, и ряд других.

Конференция завершилась заключительным пленарным заседанием (председатель – д-р филос. наук, проф. Юрий Васильевич Табакаев, Горно-Алтайск), на котором были подведены итоги работы Семинара и обозначены возможные траектории и формы дальнейшего развития сибирской философии. По результатам работы Конференции подготовлен сборник научных трудов [Сибирское измерение..., 2019], куда вошли тезисы лучших докладов участников Конференции.

Конференция проводилась при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности НГУ.

Список литературы / References

- Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции: Сб. науч. тр. Всерос. науч. конф. / Отв. ред. В. В. Петров, Н. В. Голловко; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2019. 336 с.
- Sibirskoe izmerenie rossiiskoi filosofii: shkoly, napravleniya, traditsii: Sb. nauchn. tr. Vseross. nauch. konf. [The Siberian Dimension of Russian Philosophy: Schools, Directions, Traditions: Materials of the All-Russian Scientific Conference]. Novosibirsk, 2019. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Петров Владимир Валерьевич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и политологии, заместитель директора Института философии и права Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия); старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vladimir V. Petrov, Candidate of Science (Philosophy), Docent, Associate Professor of the Department of Social Philosophy and Political Science, Deputy Director of the Institute of Philosophy and Law of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090); Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

v.v.p@ngs.ru

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-214-220

Невосприятие альтернативы и еще один аргумент в пользу инструментализма

**Рец. на кн.: Stanford K. Exceeding Our Grasp: Science,
History, and the Problem of Unconceived Alternatives.
Oxford University Press, 2006.**

Н. В. Головки

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Селективный скептицизм в отношении фундаментальных научных теорий и критика вывода к лучшему объяснению, как элиминативного подхода к обоснованию гипотез, дают возможность К. Стэнфорду по-своему проинтерпретировать и объединить классические аргументы против научного реализма – аргументы пессимистической мета-индукции и недоопределенности теории данными. И, несмотря на тот факт, что обоснование инструменталистской трактовки научного знания – это еще одна версия аргумента «от ошибки», книга К. Стэнфорда должна быть рекомендована каждому, кто хочет понять, насколько разнообразной и глубокой может быть проблематика научного реализма. Размышления о книге: Stanford K. Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. Oxford University Press, 2006.

Ключевые слова

К. Стэнфорд, невоспринятые альтернативы, инструментализм, селективный скептицизм, новая индукция, научный реализм

Для цитирования

Головки Н. В. Невоспринятые альтернативы и еще один аргумент в пользу инструментализма. Рец. на кн.: Stanford K. Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives. Oxford University Press, 2006 // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 214–220. DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-214-220

© Головки Н. В., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

Unconceived Alternatives and Another Argument for Instrumentalism

N. V. Golovko

Institute of Philosophy and Law SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Selective skepticism in relation to fundamental scientific theories and criticism of the inference to the best explanation as an eliminative approach to substantiate hypotheses, enable K. Stanford to interpret and combine in his own way the classical arguments against the scientific realism – the arguments of the pessimistic meta-induction and that of the underdetermination of theory by data. Despite the fact that his justification of the instrumentalist interpretation of scientific knowledge is just another version of the argument «from error», K. Stanford's book should be recommended to anyone who wants to understand how diverse and deep the problems of scientific realism could be. Reflection on the book: Stanford K. *Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives*. Oxford University Press, 2006.

Keywords

K. Stanford, unconceived alternatives, instrumentalism, selective skepticism, scientific realism

For citation

Golovko N. Unconceived Alternatives and Another Argument for Instrumentalism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 214–220 (in Russ.) DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-214-220

Как часто в современной философии возникают концепции, которые можно назвать хорошей альтернативой научному реализму? Есть все основания полагать, что концепция «Невоспринятых альтернатив» К. Стэнфорда является одной из таких, наряду и наравне со ставшими уже классическими «Конструктивным эмпиризмом» Б. Фраассена (1980) и «Естественной онтологической точкой зрения» А. Файна (1986)¹. Главная особенность позиции К. Стэнфорда, непосредственно имеющая значение для полемики вокруг научного реализма и делающая его книгу обязательной для прочтения, – это обоснование необходимости инструментализма, которое у него опирается на два весьма нетривиальных допущения: селективный скептицизм в отношении фундаментальных теорий и критика вывода к лучшему объяснению,

¹ Следуя С. Псиллосу [Psillos, 1999], в настоящее время эти две концепции являются единственными, способными бросить вызов научному реализму. Ранее мы уже останавливались на отдельных особенностях концепций Б. Фраассена и А. Файна, а также на их критике научного реализма [Головко, 2005; 20126].

как элиминативного подхода к обоснованию гипотез². Основной результат историко-научной части исследования К. Стэнфорда заключается в том, что «существуют теории, которые могли бы рассматриваться как серьезные альтернативы по отношению к нашим наилучшим теориям, если бы мы знали о них, – они могли бы отличаться от последних по степени эвиденциального подкрепления, но они исключены из обсуждения, потому что мы не принимаем и не рассматриваем их» [Stanford, 2006. P. 23]. Речь идет о том, что очень часто в науке принятие теории означает исключение из рассмотрения других конкурирующих теорий. И, как подчеркивает К. Стэнфорд, более поздние теории, постулирующие другие «ненаблюдаемые» объекты, могут достаточно хорошо согласовываться с данными, доступными ранее. При этом более поздние теории не участвовали (не могли участвовать!) в отборе на лучшую теорию в прошлом, а значит, элиминативный подход к обоснованию гипотез недостоверен, – в каком времени мы бы ни находились, мы не можем исчерпать все гипотезы-кандидаты, достаточно хорошо подтверждающиеся наперед заданным множеством данных³. Не вдаваясь далее в детали историко-научного экскурса, остановимся на реконструкции основного аргумента К. Стэнфорда против научного реализма.

Следуя К. Стэнфорду, существуют теории, в отношении которых «возможность альтернативного объяснения не является основанием, чтобы считать, что фиксируемые отношения между физически измеримыми параметрами ошибочны... фоссилизация – это не гипотетический постулированный механизм, а процесс, который можно исследовать в действии, – у нас нет оснований сомневаться, что в отдаленном прошлом он проходил не так, как проходит сейчас... [И] хотя скептические альтернативные объяснения можно (а иногда так и делается) *предположить* для любых данных, мы знаем о них не потому, что отбросили возможность того, что ископаемые останки – это испытание веры, посланное Богом» (здесь и далее курсив автора. – Н. Г.) [Stanford, 2006. P. 33]. Есть и другие теории, фундаментальные теоретические гипотезы, для которых «аргументы, на основании которых мы их вы-

² Отметим, что К. Стэнфорд разделяет тезис Л. Лаудана и Дж. Леплина (см.: [Laudan, Lepplin, 1991. P. 460]) о том, что нельзя сводить эвиденциальное подкрепление теории исключительно к эмпирическому подтверждению ее следствий (см.: [Stanford, 2006. P. 5]), что также весьма примечательно. Наша интерпретация тезиса Л. Лаудана и Дж. Леплина в контексте аргументации в пользу научного реализма дана в статье: [Головкин, 2019].

³ К. Стэнфорд приводит три примера, которые демонстрируют, что на разных этапах развития биологии, вместе с принятыми теориями, также существовали их серьезные альтернативы, которые, на тех этапах, не были восприняты и не рассматривались как реальные конкуренты. Теория пангенезиса Ч. Дарвина (1868), теория наследования Ф. Гальтона (1875), теория зародышевой плазмы А. Вейсмана (1892) – каждая из них прошла отбор и была признана лучшей в своем роде. Однако, как показывает К. Стэнфорд, теория Ф. Гальтона была невоспринятой альтернативой теории Ч. Дарвина, теория А. Вейсмана была невоспринятой альтернативой теории Ф. Гальтона и, в свою очередь, современная молекулярная генетика была невоспринятой альтернативой теории А. Вейсмана.

бираем, ограничены тем, что они предлагают наиболее сильные и систематические объяснения и предсказания, и мы даже не можем представить альтернативных гипотез, которые были бы настолько же впечатляющими» [Ibid. P. 34]. Предположение К. Стэнфорда заключается в том, что в отношении первых мы вполне можем принять инструментализм и даже допустить существование большинства ненаблюдаемых объектов, которые они постулируют, естественно, при условии, что сами эти теории достаточно успешны. Теории второй группы признаются эпистемически недоступными на основании того, что «лучшие» теории, на самом деле, не являются «лучшими», если мы поместим их в более широкий контекст эвиденциального подкрепления. Основание для такого заключения – несогласие К. Стэнфорда с классическим представлением о том, что гипотеза считается принятой, когда все конкурентные гипотезы исключаются из дальнейшего рассмотрения. Обращаясь к истории науки, К. Стэнфорд показывает, что это классическое представление ошибочно, поскольку «невозможность воспринять альтернативы» – плохое основание для того, чтобы предположить, что их нет совсем. При этом аргумент К. Стэнфорда повторяет хорошо известный аргумент пессимистической метаиндукции⁴. Научный реализм в очередной раз объявляется несостоятельным, поскольку ученые систематически не в состоянии распознать теории, которые были бы «одинаково хорошо» подтверждаемы имеющимися данными: «Основания для принятия теории будут одинаково ослаблены, если мы предположим, что существует одна или несколько альтернатив, которые не являются эмпирически эквивалентными, но, тем не менее, отвечают или даже одинаково хорошо подтверждаются всеми имеющимися данными, которые у нас есть на этот момент... По крайней мере, одна такая альтернатива доступна *всякий раз*, когда требуется решить, принять ли теорию на основании рассматриваемого множества данных. ... Я полагаю, что история науки дает достаточно оснований предположить, что [подобная] недоопределенность является актуальным эпистемическим затруднением, а не спекулятивной возможностью. ... Классическая пессимистическая индукция говорит, что теории прошлого оказались ложными и что у нас нет оснований предполагать, что с современными теориями не произойдет то же самое... [наоборот] *новая индукция* говорит, что мы постоянно принимаем эпистемическую точку зрения, согласно которой мы можем воспринять только одну или несколько теорий, хорошо подтверждающихся доступными данными, в то время, как дальнейшие исследования будут постоянно открывать другие альтернативы, также хорошо подтверждаемые данными, которые были у нас тогда. Например, последовательность включающая аристотелевскую, декартовскую, ньютоновскую и современную механику, – данные доступные в то время, когда была

⁴ Мы неоднократно обращались к проблеме метаиндукции, анализируя ее различные аспекты и роль в контексте проблематики научного реализма [Головкин, 2007; 2012а; 2018].

принята более ранняя теория, предлагают одинаково сильное подкрепление каждой из последующих (и в то время невообразимых) альтернатив. Конечно, теория относительности, возможно, никогда бы не была построена, если бы не аномалии, возникающие в ньютоновской механике, однако она одинаковым образом хорошо подтверждается множеством явлений, для которых последняя дает удовлетворительное объяснение» [Stanford, 2006. Р. 17–19]. Отметим, что именно акцент на ограниченности обыденной практики исключения конкурирующих гипотез отличает позицию К. Стэнфорда, например, от позиции Б. Фраассена. И тот, и другой в итоге, выбирают инструментализм, но Б. Фраассен на основании того, что «истинным является только то, что теория говорит о наблюдаемых вещах и событиях» [Fraassen, 1980. Р. 12], а концепция К. Стэнфорда «бросает тень сомнения на обоснованность [фундаментальных] гипотез в том случае, когда у нас есть хорошие основания усомниться, что мы можем исчерпать все множество подходящих альтернативных возможностей» [Stanford, 2006. Р. 37]. Впрочем, на наш взгляд, ни та, ни другая позиция не могут считаться достаточно цельными⁵.

Книга К. Стэнфорда должна быть рекомендована каждому, кто хочет понять, насколько разнообразной и глубокой может быть проблематика научного реализма. При этом книга не пытается быть учебником, и в первую очередь адресована тем, кто уже в достаточной степени знаком с проблематикой. Новая интерпретация канонических постановок проблем пессимистической метаиндукции и недоопределенности теории данными, расширение представлений об эвиденциальном подкреплении теории, – все это достаточно хорошо показывает, что приводить аргументы против научного реализма гораздо увлекательнее, чем раз за разом возвращаться к тому, чтобы «защищать нечто настолько же невообразимо скучное, как независимое существование знакомого мира» (М. Девитт).

⁵ В эпистемическом плане, инструментализм Б. Фраассена – это следствие априорно выбранного предпочтения одного типа данных перед другим (см.: [Головко, 2005]), а инструментализм К. Стэнфорда – следствие неоправданного доверия скептическому аргументу «от ошибки» (см.: [Головко, 2018]).

Список литературы / References

- Головко Н. В.** Научный реализм и конструктивный эмпирицизм: истина и эмпирическая адекватность в контексте проблемы мотивации // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2005. Т. 3, № 1. С. 3–17.
- Golovko N.** Nauchnyi realizm i konstruktivnyi empiritsizm: istina i empiricheskaya adekvatnost v kontekste problemy motivatsii [Scientific Realism and Constructive Empiricism: Truth and Empirical Adequacy Within the Problem of Motivation]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2005, vol. 3, no. 1, p. 3–17. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II: Недоопределенность и (мета)индукция // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007. Т. 5, № 2. С. 9–16.
- Golovko N.** Naturalizatsiya epistemologii i osnovnye argumenty protiv nauchnogo realizma. II: Nedoopredelennost i (meta)induksiya [Naturalization of Epistemology and Main Arguments Against the Scientific Realism. II: Underdetermination and (Meta)Induction]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2007, vol. 5, no. 2, p. 9–16. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Структурный реализм и (мета)индукция // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012а. Т. 10, № 1. С. 13–18.
- Golovko N.** Strukturnyi realizm i (meta)induksiya [Structural Realism and (Meta)Induction]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2012a, vol. 10, no. 1, p. 13–18. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Квазиреализм, естественная онтологическая точка зрения и независимость истины // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2012б. Т. 10, № 2. С. 17–22.
- Golovko N.** Kvazirealizm, estestvennaya ontologicheskaya tochka zreniya i nezavisimost istiny [Quasi-Realism, Natural Ontological Attitude and Independence of Truth]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2012b, vol. 10, no. 2, p. 17–22. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Д. Деннет и научный реализм: пессимистическая метаиндукция и аргумент от ошибки // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 3. С. 49–59.
- Golovko N.** D. Dennet i nauchnyi realizm: pessimisticheskaya metainduksiya i argument ot oshibki [D. Dennett and Scientific Realism: Pessimistic Meta-Induction and the Argument From Error]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 49–59. (in Russ.)
- Головко Н. В.** Д. Деннет и научный реализм: эмпирическая эквивалентность и эвиденциальное подкрепление теоретических утверждений // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–98.
- Golovko N.** D. Dennet i nauchnyi realizm: empiricheskaya ekvivalentnost i evidentsialnoe podkreplenie teoreticheskikh unverzhdenii [D. Dennett and Sci-

entific Realism: Empirical Equivalence and Evidential Support of Theoretical Statements]. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 77–98. (in Russ.)

Laudan L., Leplin J. Empirical Equivalence and Underdetermination. *Journal of Philosophy*, 1991, vol. 88, p. 449–472.

Psillos S. *Scientific Realism: How Science Tracks Truth*. Routledge, 1999.

Stanford K. *Exceeding Our Grasp: Science, History, and the Problem of Unconceived Alternatives*. Oxford Uni. Press, 2006.

Материал поступил в редколлегию

Received

24.10.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Nikita V. Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

golovko@philosophy.nsc.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы по широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематике. Журнал выражает общий настрой и позицию Сибирского отделения Российского философского общества, философского факультета Новосибирского государственного университета, а также дух новосибирского Академгородка, совмещающий интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональности аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс по каталогу Роспечати – 18289 (договор № 6585 от 02.11.2006). Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

09.00.00 – Философские науки;

22.00.00 – Социологические науки.

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты явля-

ются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение 5 лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному автором адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также не оригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста. Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись формально делится на два раздела – «основное содержание статьи», соответствующим образом подготовленное для рецензирования, и «дополнительная информация», отвечающая техническим требованиям к публикации материалов. Предоставление полной информации по каждому из разделов является обязательным.

2. К «основному содержанию» относятся: УДК; ФИО автора; почтовый адрес места работы (с индексом); e-mail; название статьи на русском языке; аннотация на русском языке (до 100 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); текст статьи (до 30 000 знаков с пробелами); список литературы на русском языке.

3. К «дополнительной информации» относятся: ФИО автора на английском языке; название статьи на английском языке; аннотация на английском языке (до 100 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); список литературы в транслитерации и на английском языке, подготовленный по образцу; место работы и адрес места работы на английском языке; информация об авторе на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, место работы, почтовый адрес места работы с индексом, должность, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора). ФИО автора, название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За транслитерацию и перевод на английский язык списка литературы редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – Обычный. Смещение шрифта – Нет. Поля стандартного листа А4: верхнее – 2 см, нижнее – 2,5 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx, должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: Отступ слева – 0 см. Отступ справа – 0 см, Интервал перед – 0 пт, Интервал после – 0 пт. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, значительно превышающие указанный объем текста статьи (до 30 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

5. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (если приводится цитата). Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также из-

дания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), для статей указывается объем публикации (первая и последняя страницы). Ссылки на архивные документы и документы из сети Internet оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), для документов из сети Internet кроме URL также обязательно указывается дата обращения.

6. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 160 × 200 мм.

III. Образец оформления рукописи

УДК 101+378

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-1-236-246

**Гуманитарные и социальные исследования
в XXI веке:**

молодежный вектор

В. В. Петров, О. А. Персидская, А. А. Санженakov

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В декабре 2018 г. в новосибирском Академгородке состоялась XVI Всероссийская научная конференция молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований». Организаторами мероприятия выступили НГУ и ИФПР СО РАН. Очное участие в конференции приняло более 50 молодых исследователей, общее число участников превысило 100 чел.

Ключевые слова

социальные и гуманитарные исследования, научные мероприятия, Всероссийская конференция, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет

**Humanitarian and Social Research in the 21st Century:
Youth Vector**

Petrov V. V., Persidskaya O. A., Sanzhenakov A. A.

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

Abstract

In December 2018 Novosibirsk Academgorodok became the seat of the XVI All-Russian Scientific Conference of young scientists in the field of humanities and social sciences «Current problems of humanitarian and social research». The organizers of the event were NSU and IPL SB RAS. Over 50 young researchers took part in the conference, while the total number of participants was over 100 people.

Keywords

social and humanitarian research, scientific events, All-Russian conference, Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk State University

Основной текст статьи

Список литературы / References

Сведения об авторах / Information about the Authors

Библиографические ссылки оформляются в следующем формате: в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании), например: [Ролз, 1995] или [Horton et al., 2006. P. 427–428]. В тексте статьи допускается наличие подстрочных сносок «внизу страницы», пронумерованных по порядку с цифры 1. Например: ... ¹. Второй пример ². В качестве подстрочных сносок допускаются ссылки на источники в Интернете, например ³. В тексте статьи используется тире одного вида – так называемое короткое тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; но с поясняющими словами: конец 1920 – начало 1921 г.).

Образцы оформления

Список литературы / References

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. С. 290–336.

Aristid. Apologia Sv. Aristida [Apology of St. Aristides]. In: Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov [Works of Ancient Christian Apologists]. A. G. Dunaev (ed.). St. Petersburg, Aleteia Publ., 1999, p. 290–336. (in Russ.)

Григорий Чудотворец. Творения святого Григория Чудотворца / Пер. Н. Сагарда. Петроград, 1916.

¹ Здесь мы согласны с мнением В. Е. Петрова [2002. С. 111].

² Подробный анализ самого подхода см. в статье [Rorty, 1979].

³ См.: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: http://www.philosophy.ru/library/husserl/gus_fil.html (дата обращения 11.09.2018).

Grigorii Chudotvoretz. Tvoreniya svyatogo Grigoriya Chudotvortsa [Works of St. Gregory Thaumaturgus]. Trans. by N. Sagarda. Petrograd, 1916. (in Russ.)

Иринеи Лионский. Св. Иринеи Лионский. Творения. М.: Паломник, 1996.
Irinei Lionskii. Sv. Irinei Lionskii. Tvoreniya [St. Irenaeus. Works]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. (in Russ.)

Hieronymus Sridonensis. Translatio homiliarum Origenis in Jeremiam et Ezechielem. Migne J. P. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis Presbyteri opera Omnia. P., 1845. (Patrologia Latina. T. 25).

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. The Hague, Martinus Nijhoff, 1974.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical and Systematic Considerations. Religious Studies, 1990, vol. 26, p. 363–375.

Slusser M. Theopaschite Expressions in Second-Century Christianity as Reflected in the Writings of Justin, Melito, Celsus, and Irenaeus. D. Phil. Dissertation. Oxford, 1975.

Tertulliani Opera. Corpus Christianorum Series Latina II. Turnholt, Brepols, 1965.

Young F. M. Apathos Epathen: Patristic Reflection on God, Suffering, and the Cross. In: Within the Love of God: Essays on the Doctrine of God in Honour of Paul S. Fiddes. A. Clarke, A. Moore (eds.). Oxford, Oxford Uni. Press, 2014, p. 79–94.

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ivanov@gmail.com

ORCID 0000-0003-0738-7878